

9
Т 14

**ТАЙНЫЕ
ОБЩЕСТВА
В СТАРОМ
КИТАЕ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА В СТАРОМ КИТАЕ

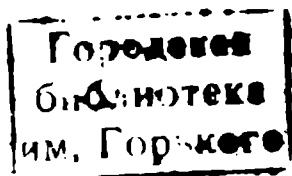

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1970

ОДОЖИЖИ

ОДОЖИЖИ

Ответственный редактор
В. П. ПЛЮЩЕЧКИН

В сборнике освещаются некоторые вопросы истории традиционных тайных обществ, в частности идеология и программные установки тайных обществ, их социальный состав, взаимоотношения с буржуазно-революционными организациями в конце XIX — начале XX в., их деятельность в период буржуазно-демократической революции 1924—1927 гг. и их эволюция ко времени создания КИР.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тайные общества и секты Китая играли огромную роль в организации и развертывании народной вооруженной борьбы против гнета и произвола феодальных и милитаристских властей, чиновников, помещиков и иностранных империалистов в новое и новейшее время, до победы народно-демократической революции 1949 г. История еретических сект в Китае восходит, по-видимому, к секте «Тайпиндао» («Учение о пути великого равенства»), созданной даосским проповедником Чжан Цзяо во II в. н. э. и возглавившей тогда же мощное народное восстание «Желтых повязок». Среди этих сект наиболее известной была секта «Байляньцзяо» («Секта Белого лотоса»), которая возникла еще в XI в. на основе буддийской религиозной организации «Ляньшэ» («Общество лотоса»), созданной в 402 г. монахом Хуй Юанем. «Байляньцзяо» сыграла огромную роль в организации вооруженной борьбы народных масс против монгольских поработителей Китая в XIV в. В 1799—1804 гг. она возглавила мощное антиманьчжурское и антифеодальное восстание крестьян в ряде провинций страны. В период новой истории, по одним данным — в последней четверти XVII в., по другим — в середине XVIII в., наряду с «Байляньцзяо», распространявшей свое влияние главным образом в районах к северу от р. Янцзы, в южных провинциях появляются первые тайные общества с гораздо менее выраженной религиозной окраской, действовавшие под лозунгом «Свергнем [маньчжурскую] династию Цин, восстановим [китайскую] династию Мин». Для XVIII в. и первой половины XIX в. они чаще всего известны в литературе под общими названиями «Тяньдихуй» («Общество неба и земли»), «Саньхэхуй» («Триада»), «Саньдяньхуй» («Общество трех точек»), «Хунмынхуй» («Союз братства Хунов»).

Наибольший количественный рост и расцвет деятельности тайных обществ относится к середине XIX —

первому десятилетию XX в., что связано, по-видимому, с огромным ростом численности людей, потерявших средства к существованию в результате тех изменений, которыми сопровождалось вторжение иностранного капитала в страну и превращение ее в полуколонию капиталистических держав.

По мере распространения деятельности тайных обществ на районы, расположенные к северу от Янцзы, и деятельности еретических сект на южные провинции постепенно стирались различия между ними. Ряд тайных обществ, особенно в южных и приморских районах и в бассейне Янцзы, приобрел характер бандитских организаций, тогда как огромное большинство их продолжало сохранять характер примитивных политических организаций, по-прежнему действовавших под лозунгом «Свергнем Цин, восстановим Мин». На рубеже XIX и XX вв. они действовали и под антииностранными, антихристианскими лозунгами. На эти в основном крестьянские организации пытались опереться китайские буржуазные революционеры в конце XIX — начале XX в. После свержения маньчжурской династии Цин в ходе буржуазной революции 1911—1913 гг. многие тайные союзы традиционного типа прекратили свое существование, поскольку их основная цель была достигнута, другие превратились в организации крестьянской самообороны, третьи — в гангстерские организации и т. д. Ряд тайных союзов, особенно в районах, расположенных к северу от Янцзы, продолжал активно действовать в период буржуазно-демократической революции 1924—1927 гг. и позднее. В годы господства гоминьдановской реакции в стране гангстерские тайные союзы в Шанхае и некоторых других городах использовались гоминьдановцами для расправы с революционными элементами. Ко времени победы народно-демократической революции сохранившиеся тайные общества и секты стали, по существу, подрывными организациями в руках всевозможных реакционных элементов, руководивших ими. Поэтому вскоре же после создания Китайской Народной Республики были приняты меры к ликвидации всех тайных обществ и сект.

Тайные общества и секты как важное и во многом специфическое явление китайской действительности в новое и новейшее время (до 1949 г.) уже давно привлекают к себе внимание историков. О них написан ряд

книг и статей на китайском, японском, английском, французском и русском языках (см. библиографию). Однако ни одна из этих работ не даст более или менее полного и цельного изложения истории тайных обществ и сект в Китае. Многие проблемы истории тайных обществ и сект еще недостаточно изучены, другие освещаются в буржуазной литературе односторонне и нередко неправильно. Например, буржуазные авторы обычно изображают тайные общества как нечто однородное в социальном и политическом отношении, хотя в действительности они были далеко не однородными по социальному составу своих членов и руководителей, по их целям и лозунгам. Наряду с этим в их же работах дается ошибочное представление о тайных обществах и сектах как об «ответвлениях» или «филиалах» двух-трех основных организаций.

Настоящий сборник является свидетельством растущего интереса советских историков-китаеведов к различным проблемам истории тайных обществ и сект в Китае. Он содержит статьи, в которых освещаются с позиций советской исторической науки некоторые важные, но в большинстве своем еще недостаточно либо совсем не разработанные в советской и зарубежной литературе вопросы истории китайских тайных обществ и сект в новое и новейшее время.

Авторы статей надеются, что сборник поможет советским читателям, интересующимся историей Китая, расширить и углубить знания о китайских тайных обществах и сектах.

В. П. Илюшечкин

Е. Б. ПОРШНЕВА

ВЕРОВАНИЯ «БАЙЛЯНЬЦЗЯО» КАК ИДЕОЛОГИЯ ВОССТАВШЕГО КРЕСТЬЯНСТВА

И в средние века и в период новой истории известен ряд крестьянских восстаний, проходивших под руководством или при участии тайных сект¹.

Вопросы содержания и характера верований «Байляньцзяо» («Секта Белого лотоса»), заимствовавшая или элементы той или иной религии в разное время привлекали внимание специалистов-исследователей (таких, как Пелльо, Вилле, Фавр, Ян Куань, Ли Ши-юй). Народным волнениям, связанным с сектой «Байляньцзяо», посвящено несколько статей или глав в трудах Гроота, Кордье, Вэй Юаня, которые трактуют эти выступления как чисто религиозные бунты. Среди современных историков, рассматривающих такого рода восстания как проявления антифеодальной борьбы, вопрос о роли религии тайных сект по большей части сводится к тому, что она была оболочкой определенной политической идеологии.

В Китае было немало тайных сект, входящих в орбиту вероучения «Байляньцзяо». Профессор Ли Ши-юй (известный своими исследованиями фольклорной литературы жанра «баоцзянь»²) отмечал, что некоторые секты этой группы — «Милэцзяо» («Учение о Майтрейе»),

¹ В китасведческой литературе по этому вопросу принято довольно условное деление на тайные общества и секты. В ходе изучения религиозных верований обществ, связанных с «Байляньцзяо» («Секта Белого лотоса»), а также воздействия, которое эти верования оказывали на все стороны их деятельности, мы сочли название «секты» более подходящим. Несомненно, что они представляли собой организационные и культовые объединения групп верующих, по-своему толкующих традиционные догмы, отвергающих господствующую систему верований и придерживающихся своей религии.

² О жанре баоцзянь см. [296; 182].

«Байляньцзяо» — вошли в историю в связи с важными событиями, однако в период Мин и Цин было много и других сект [см. 180, 171].

Что же позволяет нам относить все эти секты к одной общей системе религиозных верований и почему мы их называем именно верованиями «Байляньцзяо»?

«Байляньцзяо» была древнейшей и влиятельнейшей сектой, руководители которой неизменно заботились о поддержании идеи непрерывности исторической традиции секты. Объединяясь с другими сектами, ассимилируя отдельные элементы их верований, «Байляньцзяо» сохраняла при этом доминирующее положение, и за системой религиозных верований, постепенно приобретающей все более эклектический характер, оставалось название «Байляньцзяо».

В народе авторитет «Байляньцзяо» был закреплен вековой традицией ее активного участия в политических событиях. Некоторые секты в проповедях, прокламациях прямо указывали на родственность с «Байляньцзяо», стремясь поднять этим свой престиж в глазах масс.

Большинство «священных книг», канонов «Байляньцзяо» составлено в конце XV — начале XVI в. Подернутое пеленой густого мистического тумана, содержание этих «священных книг» представляло собой нарочито усложненное переплетение элементов различных религий (буддизма, даосизма, народных верований) с отдельными чисто философскими представлениями. Записанное к тому же по большей части особым шифром, оно было доступно лишь перархам секты. К сожалению, до нас не дошли эти канонические книги. Единственная уцелевшая письменная форма выражения религиозных воззрений «Байляньцзяо» — это баоцзюани.

Эта форма, близкая к другим фольклорным жанрам, как нельзя лучше отвечала целям широкого распространения воззрений секты среди простого народа. Внешне баоцзюани представляли собой свиток, сложенный гармоникой, с очень крупными пероглифами и, как правило, снабженный иллюстрациями. В баоцзюанях простым и доступным языком важнейшие религиозные доктрины «Байляньцзяо» излагались либо прямо и открыто, либо в облике рассказов или буддийских текстов. Цинский чиновник так рассказывает о том, что представлял собой баоцзюань, найденный в 1813 г. при аресте главаря секты «Шоюаньцзяо» («Ученые об объ-

единении в общий круг»), принадлежавшей к группе «Байляньцзяо»: «...на последних страницах запись сделана следующим образом: шестнадцать строк, где каждая фраза составлена из шести пероглифов, двенадцать строк с фразами из четырех пероглифов и шесть строк с фразами из семи пероглифов. Стихи — не стихи, поговорки — не поговорки, но смысл большинства фраз — упрек высшим властям. Наверху горизонтально расположено 20 пероглифов, смысл [их] особенно возмутителен» [103, 16].

О содержании баоцзюаней, найденных при аресте членов секты «Багуанцзяо» («Учение восьми триграмм»), или «Тяньлиньцзяо» («Общество небесных установлений»), в официальном описании говорится: «...их книги — предел вульгарности. В них разрабатываются только идеи грабительства. Эти еретические слова подстрекают темный люд» [98, 6а].

В баоцзюанях, составленных в виде рассказов или буддийских сутр, зачастую только общая мораль или одна-две фразы содержат намек на тот или иной религиозный принцип или соответствующее место одной из легенд секты. Поэтому для изучения верований тайных сект наибольший интерес представляют баоцзюаны первого типа — открыто пропагандирующие эти верования. Но как раз баоцзюаней такого рода, по вполне понятным причинам, сохранилось гораздо меньше³.

Содержание большинства баоцзюаней дошло до нас в пересказе. В первую очередь надо назвать книгу Хуан Юй-пяня «Ереси и их опровержение» [см. 93]. С целью критики и разоблачения «ереси» автор довольно подробно пересказывает основные положения учения «Байляньцзяо», приводит выдержки из баоцзюаней, большое число которых он использовал при написании книги.

Согласно верованиям сект этой группы, вне зависимости от их названия⁴, точно так же как и от индиви-

³ Всего, согласно каталогу, составленному Ли Шн-юем, в настоящее время в разных странах насчитывается около 600 баоцзюаней [см. 181]. Примерно 20 баоцзюаней хранятся в Ленинградском отделении Института народов Азии АН СССР и в Государственной библиотеке имени Ленина [см. 181, рец.]. Автору данной статьи удалось обнаружить только три баоцзюаня по интересующей его теме.

⁴ Даже когда название секты не отражало ее внутренней связи с «Байляньцзяо», например «Багуанцзяо», «Минцзяо».

дуальной окраски (преобладающего влияния какой-либо определенной религии — буддизма, даосизма, народных верований, китайской интерпретации манихейства и др.), у самых истоков мироздания, происхождения всего сущего стоит «ушэн лаому» — «нерожденная мать» или «ушэн фуму» — «нерожденные родители». Это божество иногда отождествляется или сливается то с буддой Амитабой («Хунъянцзяо» — «Учение красного солнца», «Багуацзяо»), то с Минши («Минцзяо» — «Учение о Мин Ване»), но именно оно порождает мир и род людской.

Из основного тезиса о природном, естественном равенстве всех людей как «потомков» одного божества выводился самый опасный, «крамольный» принцип, присущий большинству средневековых сект, — принцип всеобщего равенства. «... Они (сектанты «Байляньцзяо». — Е. П.) проповедуют сумасбродные идеи о том, что все люди равны, ибо [они] потомки одних родителей, братья и сестры между собой», — писал по этому поводу Хуан Юй-пянь [93, цз. 3, 1а]. В другом источнике читаем: «Разве богатый сосед и бедный [сосед], веселый, беспечный человек и благочестивый, разве они не одно и то же, не дети ушэн фуму?» [102, 2а].

Не ожидая, что материальное начало сотворенных ею человеческих существ приведет их на путь порока, охваченная гневом «ушэн лаому» вознамерилась уничтожить мир, наслав на него «бедствия». Благодаря мольбам всех проживающих совместно с ней будд «ушэн лаому» в конце концов согласилась ограничиться тем, что одновременно со всяческими страданиями, несправедливостями и несчастьями для смягчения ситуации на земле было послано и добро, приобщиться к которому невозможно иначе, как приняв верование «Байляньцзяо» [см. 43, цз. 1, 1а—1б]. Местопребывание «ушэн лаому» и прародина человечества — «Небесный дворец», который находится в Западном Рае, отождествляемом также с «Цзинту» («Чистой землей») будды Амитабы.

Уже в баоцзюанях минского периода очень часто вместо пероглифов, обозначающих Западный Рай Амитабы, ставились пероглифы «чжэнкуп» — абсолютная пустота, нирвана (не имеющая ничего общего с буддийским понятием нирваны). Позднее, в XVIII в., в баоцзюанях, прокламациях, молитвенных текстах и на талисманах

все чаще появляются «восемь истинных пероглифов» — «чжэнкун цзясян» («пирвана — родина») и «ушэн фу-му», ставших священной формулой, символом причастности к секте «Байляньцзяо». Именно произнесение этой фразы было основным моментом церемонии посвящения новообращенного, знаменующим вступление его в секту, о чем свидетельствуют материалы допроса арестованных членов сект «Тяньтинцзяо» [см. 98, цз. 1, 236, 246; цз. 3, 96, 116] и «Шоуюаньцзяо» [см. 163, 9а] в начале XIX в.

Являясь прародиной всего рода человеческого, «небесный дворец», или «пирвана» («чжэнкун»), одновременно служит местом конечного стремления человека. Это стремление (для принявших учение секты — вполне осознанное, для «непосвященных» — смутное, подсознательное) имманентно присуще людям, от природы заложено в их душах. Понятие это определялось термином «возвращение на родину» [см. 93, цз. 1, 46].

Все встречающиеся в источниках варианты описания этой «райской обители» с разной степенью подробности рисуют картину идеально прекрасного мира, щедро разукрашенного символами благополучия и довольства, дающего людям безграничное счастье.

Таково было примерно содержание проповедей, с которыми обращались к населению члены секты, к этому сводится большинство признаний, вырванных при допросах у арестованных приверженцев «Байляньцзяо». Иными словами — это верхний «пласт» названного вероучения, наиболее безобидный и «невинный», пропагандой которого, очевидно, и ограничивалось дело в периоды относительного спокойствия в стране.

Это был еще один вариант чисто религиозного снятия, преодоления в фантастической форме реальных противоречий человеческой жизни. Возможность приблизиться к идеально-гармоничной «райской жизни» обещалась только после смерти («возвращение на родину»), и то лишь при условии соблюдения всех заповедей, запретов и обрядов.

Однако так ли уж невинна была даже эта «мирная часть» вероучения «Байляньцзяо»? И не кроются ли здесь зачатки того, что при благоприятных условиях, соответствующим образом воздействующих на настроение крестьянских масс, превращало эти религиозные идеи в «материальную силу»?

Пожалуй, в известном смысле уже самый факт возникновения и распространения в народе сектантского учения несет в себе определенный элемент социального протеста. Такое вероучение (как, впрочем, и всякая религия вообще) исходит из утверждения, что именно оно является единственной истинной религией. Тем самым оно отрицает истинность, правомерность официальной религии, а следовательно, и освящаемого ею, на нее опирающегося существующего жизнеустройства. Рост популярности «Байляныцзяо» в каждый конкретный исторический период сам по себе был достаточно симптоматичен, как свидетельство усиления народного неподчинения существующему «идейному руководству», изменения степени покорности масс.

Выше уже отмечалась особая потенциальная опасность для власть предержащих тезиса о природном, изначальном равенстве людей. Корни этой идеи уходят далеко в темные веки, к временам первобытнообщинной «старшины»; главным ее носителем и хранителем всегда оставалось крестьянство. Постоянное ощущение — то совсем смутное, неясное, то более отчетливое — глубочайшей несправедливости такого жизнеустройства, которое дает одним богатства и беспечную жизнь, а другим нищету, бесправие, бесконечные труды, питало, поддерживало и возрождало вновь и вновь эту мечту — «воспоминание» о прошлом «золотом веке», об обществе равных. И именно эти чаяния, не всегда осознанные настроения питали различные идеологические формы социального утопизма.

Отражение иллюзий крестьян-общинников можно найти и в раннем христианстве, и в ряде школ (течений) буддизма, и в даосизме (утопическое общество Лао-цзы). Можно также напомнить о влиянии, которое оказало на ряд социально-утопических теорий Китая описание Эры Великого Единения («Датун») в главе «Лиунь» трактата «Лицзи» [см. 121, 105—134].

С идеей равенства связаны имена великих мыслителей древности и средневековья, таких, как Эвгемер и Ямбул, Платон и Кампанелла, Низами и Томас Мор. Но утопические идеи возникали не только в форме философских учений или особого жанра литературы. Их зачастую несли в себе религиозные верования многочисленных ересей и сект, в особенности в период средневековья. Именно в этом обличье идея равенства «воз-

вращалась» к крестьянству, играя роль стимулятора бунтарских антифеодальных настроений в периоды обострения социальных противоречий, зачастую выполняла роль идеологии крестьянских восстаний.

Это можно назвать всеобщей, «международной» чертой сектантских, еретических вероучений, связанных с крестьянскими движениями: вспомним восстания персидских крестьян — последователей учения Маздака, чешских таборитов, Дольчино в Северной Италии в начале XIV в., реформационное движение русского крестьянства в XIV—XV вв., наконец, Великую крестьянскую войну в Германии. Идея изначального равенства всех людей перед богом превращалась в интерпретации восставшего народа в страшную, сокрушающую «материальную силу». Так, равенство «сынов Адама» осталось для большинства англичан абстрактной религиозной догмой, пока крестьяне — участники восстания Уота Тайлера не стали распевать песенку: «Когда Адам пахал, а Ева пряла — кто тогда был дворянином?»

В Китае эта способность сектантских религий — овладеть сознанием крестьянства в периоды обострения его стихийно пробуждающегося недовольства — возникла особенно рано. Уже во II в. н. э. именно в качестве оппозиционных сектантских вероучений даосские религиозные секты «Тайпиндао» («Учение о пути великого равенства»), «Удоумдао» («Общество пяти доу риса») возглавили ряд крестьянских восстаний.

Начиная примерно с VIII—IX вв. во время крестьянских восстаний все яснее звучит требование установления равенства. Ван Сянь-чжи, возглавивший восстание в конце правления династии Тан, называл себя «Великим полководцем уравнительности». В первые годы династии Северной Сун (в конце X в.) восстание под руководством Ван Сян-бо выдвинуло лозунг «уравнивания бедных и богатых, знатных и простых». В 1120 г. руководитель крестьянской секты «Шицай шимо» (принадлежащей к группе «Байляньцзяо») Фан Ла, возглавивший восстание крестьян провинций Чжэцзян, Цзянси, Аньхуй и Цзянсу, провозгласил, что «равенство, отсутствие высших и низших должно стать одним из „главных законов“».

Накануне восстания против династии Юань члены «Байляньцзяо» проповедовали, что «богатство скопилось на Севере, крайняя бедность — к югу от Янцзы»

и что «небо послало чудодейственную армию (имелось в виду „красные войска“. — Е. П.) уничтожить неравенство... только [после] полного уничтожения неравенства наступит Великое Равенство» [43, т. 6, изд. 191, бэнь 3, 26].

В книге «Чжунси цзишу» («Записки о Востоке и Западе») говорится, что программой секты «Байляньцзяо» являлись «общность имущества и общность категорий» [цит. по 225]. Очевидно, под общностью категорий имелось в виду стремление отменить сословные различия, желание уравнивать «высших» и «простых».

В статьях китайских историков Ян Куаня и Сяо Юймня приведены очень интересные свидетельства источников о том, что члены секты «Багуацзяо» во время восстания 1813 г. обещали крестьянам в случае победы не только поровну раздать землю, деньги и продовольствие, но еще каждому дать чиновничью должность.

Особое место в верованиях сект, родственных «Байляньцзяо», за исключением «Минцзяо», занимает тезис о равенстве мужчин и женщин. «Мужчина ли, женщина ли, — говорится в источнике, — в сущности это одно. Основа всего — ушэн фуму...» [93, изд. 1, 16]. В дневниках русского китаевода и дипломата К. А. Скачкова, посвященных событиям периода Тайпинского восстания, есть любопытная запись о религии «Байляньцзяо», излагающая рассказ китайца Гао. В частности, он объяснял, что «коноводы секты» заявляют: «...Люди все равны, потому зачем неравенство, *хуаншан*, всякое старшинство предполагает в себе подчинение, а это несогласно с природою человека, это содействует и первого и подчиненного безнравственным. Почему женщины ниже мужчин? Это... одно для другого необходимое безраздельное, только при постоянном равенстве сих элементов, постоянном друг на друга влиянии будет согласие, равенство в обществе». И далее: «...в обществе при избрании себе старшим временным надо избирать попеременно то старшего брата, то старшую сестру» [60, 232].

Итак, можно сказать, что у сект группы «Байляньцзяо» функция идеологического руководства крестьянскими движениями, как уже отмечалось, прослеживается последовательно и отчетливо. Причем с ростом влияния этих сект и усилением их активности само содержание учения несколько видоизменялось, оно пополня-

лось новыми положениями, перераспределялось соотношение отдельных составных частей его, акцент переносился с одних верований на другие.

В этом отношении интересно рассмотреть роль культа Майтрейи (Милэфо, будды грядущего, зачастую отождествлявшегося или выступавшего «в паре» с Мин Ваном, пришедшим из секты «Минцзяо») в истории сект «Байляньцзяо». Как один из бодисатв Майтрейя признается всеми течениями буддизма, где он выполняет роль мессии-пророка, посылаемого на землю буддой Шакьямуни в облике человеческого существа.

В интерпретации «Байляньцзяо», включившей по слиянию с сектой «Милэцзяо» (XIV в.) в комплекс своих верований культ Майтрейи, последний выступает посланцем «ушэн лаому», присланным с целью вмешательства в ход военных дел, свершения правого «божьего суда» и содействия установлению на земле нового, «праведного» порядка [см. 84, 5а; 77, цз. 1, 3а]. В отличие от первоначальной буддийской версии благочестивое и пассивное ожидание наступления грядущих перемен у «Байляньцзяо» сменилось деятельной готовностью самих верующих начать «по сигналу свыше» изменять земные порядки и помочь тем самым Майтрейе.

И естественно, что некоторые из крестьянских восстаний, особенно в XIV—XVII вв., руководимые этими сектами, начинались с распространения их членами и сторонниками слуха о «рождении Милэ», «воплощении Мин Вана». Эти фразы выполняли зачастую роль призыва, сигнала к началу восстания, нападению на чиновников, шэньши, правительственных солдат.

До середины XVIII в. лозунг о «возрождении Милэ» являлся как бы субстратом и вершиной идеологического воздействия со стороны «Байляньцзяо» на стихийно возрастающие недовольства. Но уже в период подготовки и начала крупнейшего в истории названной секты восстания 1796—1804 гг. весть о появлении Милэ, выполняя традиционную роль сигнала к началу открытого выступления, одновременно была наделена новым, религиозно-философским смыслом, связанным с дальнейшим развитием, усложнением толкования учения секты относительно судеб мира. Речь идет об учении о трех «ян», трех состояниях мира или эрах «трех солнц», разработанном в 50—60-х годах XVIII в. главой секты «Байляньцзяо» Лю Суном совместно с его учеником и

преемником Лю Чжи-се. На основе уже существовавших канонических книг секты они создали новую — «Саньянляо даоцзин» («Истинная книга о становлении трех солнц») [см. 77, цз. 11, 10a].

Согласно этому учению, вся мировая история делится на три стадии — прошлое, настоящее и будущее. Каждой из них соответствует свой будда, правящий миром. Прошлая стадия — «уцзи» («не имеющая предела») — это стадия «синего солнца», когда миром правил будда прошлого Кашба, а тронем ему служил синий лотос. Каждый год тогда делился на шесть месяцев, а каждый день — на шесть «шичэнь» (двухчасовой отрезок времени). Настоящая стадия — «тайцзи» («имеющая пределом великое») — это стадия «красного солнца», когда миром правит Шакьямуни, будда настоящего, восседающий на красном лотосе. В году насчитывается двенадцать месяцев, а в каждом дне двенадцать «шичэнь». Следующий, будущий этап — «хуанцзи» («имеющий пределом прекрасное»), стадия «белого солнца». Миром будет править будда грядущего Милэфо, а его тронем станет белый лотос. Год тогда будет состоять из восемнадцати месяцев, месяц — из сорока пяти дней, а день — из восемнадцати «шичэнь» [93, цз. 1, 15a—15б, цз. 2, 1a].

Как и раньше, утверждалось, что с воцарением Майтреи на земле должны будут воцариться небесные порядки — всеобщая справедливость, равенство, благоденствие и пр. Однако до этого люди должны еще пережить «бедствия» этапа «красного солнца». Судя по всему, секта проповедовала крестьянам, что наступило время последних «бедствий», что народ терпит большие лишения, но «бедствия красного солнца уже на исходе, и вскоре должно взойти белое солнце» [цит. по 225].

Следующую ступень дальнейшей модификации учения о «трех солнцах» мы встречаем в материалах, относящихся к деятельности сект группы «Багуацзяо» в начале XIX в. (восстание «Багуацзяо»). Только теперь уже речь идет о «бедствиях белого солнца», и упоминание об этих грядущих «бедствиях» становится краеугольным узловым моментом, вокруг которого строилась вся пропагандистская деятельность сект — и устные проповеди, и прокламации, и надписи на флагах.

Арестованный член секты «Багуацзяо» Ню Лян-чэн, как зафиксировано в протоколе допроса, говорил: «Эта

секта („Багуацзяо“: — *Е. П.*) вначале была сектой „Трех солнц“, она подразделялась в соответствии с названиями цветов — синего, красного и белого. Она также называлась „Лунхуа“ („Цвет дракона“) и, будучи разделена в соответствии с восемью триграммами, получила название „Багуацзяо“, впоследствии снова замененное на название „Тяньлиньцзяо“. Каждое утро надо молиться Великому Солнцу. Повторяя слова канонических книг, можно избежать опасности от меча и оружия, воды и огня, [а] во время мятежей и восстаний можно достичь большого успеха в намеченном деле» [98, цз. 26, 24а, 24б]. Во время второго допроса Ню Лян-чэн сообщил, что Линь Цин вдохновила на восстание «священная книга», называвшаяся «Книга Трех Будд о неминуемых бедствиях» [см. 98, цз. 29, 4а].

В своих показаниях глава всей секты «Багуацзяо» Линь Цин, который совместно с Ли Вэнь-чэном руководил подготовкой восстания, рассчитанного на захват императорского дворца и установление новой династии, говорил: «У Милэфо есть три учения — о Цинъян, Хунъян и Байян. Скоро должно появиться Байян» [98, цз. 4, 5б].

Несомненно, что значительная часть присоединившихся к секте решилась на этот шаг не только под воздействием того, что обещалось примкнувшим после очисти-тельной бури «бедствий». Многие крестьяне вступали в секты, видя в этом единственную возможность избежать гибели во время «бедствий». А в фатальную неизбежность этих «бедствий» легко было поверить доведенным до отчаяния невежественным людям, которым всякое обострение социально-экономических противоречий, сочетающееся со всевозможными стихийными бедствиями, несло нищету, разорение и воспринималось как приближение конца света — «бедствий», предсказываемых проповедниками сект.

Обратимся к свидетельству источников. Вот что в этой связи сообщили при допросе арестованные относительно деятельности проповедника секты «Чжэнгуацзяо» («Общество триграммы Чжэн» — одно из ответвлений «Багуацзяо») Сюй Ань-го: «Сюй Ань-го заявлял, что после 9-го месяца этого года (1813 г. — *Е. П.*) будет дан знак наступления времени „бедствий Байян“⁵.

⁵ В материалах, содержащих показания арестованных, почти везде иероглиф „ян“ („солнце“) и т. д. заменен иероглифом „океан“ или даже „баран“, также произносящимся как

Старейшины раздадут [приверженцам секты] белые флажки, [их] надо прикрепить над воротами, чтобы избежать смерти» [98, цз. 1, 34а]⁶. О том же говорит в своих показаниях Цуй Шин-цзин — ученик Сюй Ань-го: «Сюй Ань-го проповедовал Чжэн кун цзясян ушэн фу-му» («Восемь истинных пероглифов». — *Е. П.*), как и секта «Лингуацзяо» («Общество триграммы Лин»). Разница в том, что ежедневно утром, в обед и вечером поклоняются солнцу, сложив на груди руки, закрыв глаза и скрестив ноги, и 81 раз произносят эти восемь пероглифов. Это называется „баогун“ (молитвенная практика, тренировка. — *Е. П.*). Если придерживаться „баогун“, то избежишь „бедствий“» [98, цз. 1, 246].

В своих показаниях Линь Цин сообщил о том, что, давая указания своим помощникам относительно характера и содержания пропаганды, он «известил их также о том, что следует распространять слова о скором наступлении бедствий» [98, цз. 4, 76]. Из доклада чиновника, присутствовавшего при обыске в доме одного из вожakov секты, известно, что были найдены флажки из белой материи, на которых написано: «По велению Неба последуем дао». «Если бы они преуспели в своем деле (подняли мятеж. — *Е. П.*), то оставили бы в живых только людей, исповедующих их религию, — сообщается в том же докладе. — Данные расследований о деятельности бандитов-сектантов в уезде Чанъюань провинции Чжэньцзи, в уезде Хуасянь провинции Хэнань, в уездах Динтао и Цао провинции Шаньдунь и в других местах не расходятся с этими показаниями» [98, цз. 1, 32а].

В том же источнике несколько раз встречаются сообщения о том, что в ряде случаев весть о передвижении правительственных войск или о расправе с сектантами в какой-либо местности при передаче из селения в селение обрастала чудовищными подробностями, воспринимавшимися невежественными крестьянами как свидетельство наступления «бедствий» и заставлявшим их поспешно присоединяться к секте. Многие арестован-

«ян». Скорее всего это можно объяснить соображениями конспирации, в силу которых, возможно, большинство рядовых членов или не знали истинного значения «ян», или сознательно зашутывали следствие.

⁶ Аналогичное показание другого арестованного приводится там же, на стр. 246.

ные показывали, что «они хотели лишь избежать „бедствий“ и [потому] вступили в секту» [98, из. 1, 26а], что, Впрочем, могло быть продиктовано и желанием смягчить свою вину.

В упоминавшейся уже секте «Шоуюаныцзяо», которая готовила в 1813 г. заговор, раскрытый властями еще в самом зародыше, идея о трех солнцах играла аналогичную роль. По объяснению главы секты Фан Юн-шэна, «раньше всех был Яндэифо (будда Кашба. — *Е. П.*), сидел он на синем лотосе и правил миром. Он создал религию „Бескрайнего синего солнца“.». Затем был Сицзяфо (Шакьямуни. — *Е. П.*), который правил миром, сидя на красном лотосе, и создал религию „Всеобъемлющего красного солнца“. В наше время Сицзяфо уступил место Милэфо, который, сидя на белом лотосе, правит миром, создав религию „Величественного белого солнца“. В начале правления Милэ в течение семи раз по семь дней⁷ в мире будет всеобщий хаос, после чего солнце и луна начнут двигаться по-иному и изменятся климатические условия. Только те, кто примет веру „Шоуюаныцзяо“, не подвергнутся бедствиям» [103, 9б—10а].

Все рассмотренные выше основные черты учения «Байляньцзяо»: мессиянство — вера в то, что мессия уже пришел или вот-вот появится, хилиазм — провозглашение скорого наступления конца света (причем зачастую этот конец должен был стать концом лишь для врагов „истинной веры“) и, наконец, эсхатология — проповедь идеи установления божьего царства на земле — характерны и для многих средневековых сект Европы. Особенно интересно сопоставить в этой связи верования «Байляньцзяо» с учением Иоахима Флорского, под воздействием которого находились многие европейские ереси в средние века. Всю мировую историю Иоахим разделял на три эры: первая, начавшаяся с Адама и продолжавшаяся до Христа, когда люди жили «по плоти»; вторая — от Христа до настоящего времени, в этот период люди живут по принципу, промежуточному между «плотью и духом»; и третья будет продолжаться до конца мира, когда люди будут жить «по духу».

Если, согласно догматам христианской церкви, зло в мире будет существовать до конца истории, то Иоа-

⁷ Космогонический цикл.

лим говорит о третьей стадии как о суде божьем на земле, который должен привести к очищению мира, т. е. эра совершенства мира, по его рассуждению, должна наступить задолго до его конца в рамках мировой истории и земной жизни. И избранными свершителями этого мирового переворота будут смертные люди, которые явятся исполнителями суда Христа для искоренения зла в мире. Эта же идея о наступлении царства божия через истребление истинно верующими врагов его характерна для всех сект, вышедших из иоахимитства, — таборитов, мюнцеровской народной реформации и др.⁸

Проповедь «Байляньцзяо», совершенно недвусмысленно определяющая социально направленные акции восставших как помощь Милэ в деле выправления, поворота земных порядков и установления царства вечной справедливости, поразительно напоминает иоахимитскую трактовку сущности третьего мирового состояния.

Каким же образом религиозные догмы и идеи сект группы «Байляньцзяо» — через призывы, лозунги и пропаганду, обращенную к крестьянам, — трансформировались в практику, в действия во время восстаний? Источники содержат очень мало сведений (и притом отрывочного характера), которые позволили бы более или менее полно осветить этот вопрос. Известно, например, что накануне восстания, поднятого сектой «Вэньсянцзяо» («Учение вдыхающих ладан») в 1620 г., ее члены «учинили беспорядки», в ходе которых «срывали одежду с почтенных богатых людей и грабили их имущество» [19, 2—3]. Подобные же факты имели место во время восстания 1796—1804 гг. «В округе Дачжоу провинции Сычуань члены «Байляньцзяо», собрав весь дачжоуский голодный люд, начали грабить богатые дома» [77, изд. 8, 46]. В показаниях пленных повстанцев есть признание, что члены секты в ходе восстания «у богатых силой отбирали их имущество» [77, изд. 11, 206]. Большая же часть источников ограничивается многочисленными сообщениями об «убийствах чиновников», «разорении богатых домов», «поджогах» различных служебных учреждений и т. д.

⁸ См. Мацек Иозеф, Табор в гуситском революционном движении, т. 1—2, М., 1956; С. Д. Сказкин, Первое послание Толстого, — «Из истории социально-политических идей», М., 1955; М. И. Смирнов, Народная реформация Томаса Мюнцера и великая крестьянская война, М., 1955.

То же можно сказать и о сведениях, относящихся к началу XIX в.: в большинстве показаний, сделанных арестованными, содержатся признания, что члены секты «Багуацзяо» во время беспорядков в столице, в окружных и уездных центрах убивали чиновников, захватывали их имущество, сжигали долговые книги. В уездах Дунтао и Цаосянь провинции Шаньдун «бунтовщики, ворвавшись в уездные города... убивали уездных чиновников, громили тюрьмы, поджигали и грабили залоговые и меняльные лавки» [38, цз. 4, 14а]. Во всех этих актах проявился протест повстанцев, неприятие всего, что так или иначе символизировало существующее устройство общества. Расправляясь во время мятежей с шэньши, врываясь в дома местной знати и чиновников, захватывая их имущество, издеваясь над своими бывшими господами и повелителями, крестьяне грубо, жестоко и пачиво (но зато зримо!) утверждали отмену, конец старых взаимоотношений и наступление новых.

Сектантские вожаки, бесспорно, использовали и принуждение с целью расширить круг восставших крестьян, преодолеть локальную разобщенность, раздробленность, характерные для крестьянских восстаний. Но вряд ли можно говорить об ограблениях крестьян повстанческими отрядами, хотя составители официального описания «Истребление сектантов» пытаются обвинить их и в этом: «В настоящее время в трех уездах — Дун, Цао и Дань (провинция Шаньдун. — *Е. П.*) — бунтовщиков очень много; они отбирают у крестьян продукты питания. При этом они ничего не жгут и никого не убивают, они стараются завоевать популярность у народа»⁹ [98, цз. 4, 14б]. Интересно в этой связи привести выдержку из заметки, помещенной в русском журнале «Сын отечества», автор¹⁰ которой был очевидцем событий

⁹ В статьях Ян Куаня [см. 225] и Сяо Юй-мина [см. 197] приведены чрезвычайно интересные выдержки из 25 цзюаня «Пиндин цзю-фэй цзюлюэ» [см. 98], раскрывающие характер «обещаний»: «Всем, кто даст повстанцам деньги и продовольствие, после победы... дадут землю и чиновничью должность... для этого заполняют реестровые книги, пишут договоры на листах бумаги и выдают „квитанции“... Линь хотел помочь хэнаньцу (очевидно, Ли Вэнь-чэну. — *Е. П.*) учредить династию, и он пригласил всех нас поддержать его, пообещав после победы пожаловать нам землю».

¹⁰ Заметка подписана инициалами «Пер. Н-в». Материалы архива журнала не дают возможность установить личность автора.

1813 г.: «Должно заметить, что при самых величайших беспорядках мятежники не касались жизни и имущества жителей, а, напротив того, наблюдали в своих войсках строжайшую дисциплину; потребные съестные припасы и фураж брали не иначе как с торжественным обещанием в случае победы заплатить за оные» [135, 128].

Можно было бы эти обещания расценить как простой обман с целью вымогательства, если бы не ряд других данных, свидетельствующих о том, что вожаки секты, возглавившие восстание, были действительно убеждены в победе своего «дела» и в возможности осуществить переустройство, задуманное ими в соответствии с идеалами и принципами их вероучения. Они даже начали уже раздавать титулы и должности. Об этом имеется ряд сообщений. Вот некоторые из них: «Когда привели арестованных, среди них оказался Цай Чэн-гун. Все бунтовщики называли его «сыван» (четвертый князь». — *Е. П.*). Это фальшивое звание ему было присвоено Линь Цинном»; «Еще захвачен преступник по имени Сюй Мэн-линь, также получивший от Линь Цина фальшивую должность „цзайсян“» [98, цз. 6, 15a]; «При сражении были захвачены известные главари бунтовщиков, которые все имели незаконные титулы и должности» [98, цз. 6, 156]; «Линь Цин, который посмел замышлять мятеж, раздает [своим] людям чиновничьи должности и таким обманным путем повсюду привлекает к себе народ» [98, цз. 6, 166].

Аналогичное сообщение дают показания некоего Цао Луня, мелкого сановника в ранге «души», присоединившегося к Линь Цинну. «Хотя я имел звание души, — сообщил Цао Лунь, — я был крайне беден, и меня стал точить червь алчности, стремления к богатству и знатности. Я полагал, что после достижения победы Линь Цин непременно присвоит мне чин первого или второго ранга» [98, цз. 17, 46].

По-видимому, у Линь Цина и его сообщников имелись некоторые туманные планы относительно организации общественного устройства после победы. Линь Цин на допросе показал: «Народ говорил, что я — спустившаяся с неба Великая Серебряная Звезда. Также говорили, что я должен стать „Тяньваном“ („Князем правителем Неба“), Фэн Кэ-шань — „Диваном“ („Князем — правителем Земли“), Ли Вэнь чэн — „Жэньва-

ном" („Князем — правителем Человеска")» [98, цз. 4 5а—5б]¹¹.

Автор заметки, опубликованной в журнале «Сын отечества», приводит содержание диалога, будто бы имевшего место между Линь Цином и самим императором, пожелавшим лично допросить главаря антидинастического заговора: «Когда император спросил бунтовщика Линь Цина о причине его мятежа, он ответил: „Так угодно было Небу“. — „Где твои сотоварищи?“ — „Если бы я был счастлив, то не осталось бы в империи ни одного человека, который бы не был моим сотоварищем“. — „Дерзкий! Неужели ты надеялся быть на престоле?“ — „Не один я, и Ваше Величество смогли на нем утвердиться“. Последние слова чрезвычайно оскорбили императора» [135, 129]. Конечно, нельзя быть уверенным в достоверности этой беседы, однако автор сам жил в Пекине в разгар описываемых событий и, конечно, был знаком с рассказами и слухами, ходившими по городу. Пусть здесь и присутствует элемент домысла или преувеличения, все же достаточно красноречива сама тональность такого описания.

Намек на узурпацию трона, брошенный Линем императору, весьма характерен. Он отражал еще одну важную сторону идеологии «Байляньцзяо» — патристическую направленность: и во время господства монгольской династии Юань и при маньчжурских Цинах секты этой группы выступали за восстановление на троне исконно ханьской династии.

Достаточно показателен в этом смысле уже тот факт, что на знаменах восставших, на белых флажках, которые должны были вывесить на своих домах приверженцы секты «Багуацзяо» в 1813 г., дабы избежать «бедствия», и среди записей, найденных при обысках, чаще всего повторяется: «По велению Неба следуем Дао» или «По велению Неба открываем Путь» — девиз первого императора династии Мин [98, цз. 1, 8б, 14б; цз. 13, 12а и др.].

Кроме того, рядом с телом Ли Вэнь-чэна (он погиб вместе с несколькими соратниками, намеренно взорвав запас пороха в здании, где все находились) было обнаружено знамя с надписью «Ли, истинный монарх периода

¹¹ Эти титулы отражают конфуцианский принцип «саньцай» («о трех началах, трех основах Вселенной: Небо, Земля, Человек»).

Тяньшунь великой династии Мин» [98, цз. 22, 1а]. Об этом же сообщается в названной заметке из журнала «Сын отечества» [см. 135, 72, 128].

Это же было характерно и для секты «Шоуюаньцзяо»; ее глава Фан Юн-шэн «распространял писание и книги секты, которые содержали много антидинастических высказываний» [103, 56]. Одна из распространенных членами «Шоуюаньцзяо» прокламаций заканчивалась словами: «Защитим государство, утвердим династию Мин» [103, 36]. У руководителей «Шоуюаньцзяо» также имелись некоторые планы (хотя и крайне смутные) переустройства в случае успеха их «дела». Так, Фан Юн-шэн и его ближайшие соратники «установили схему чиновничьих должностей, назвав ее „Байян“, и объявили, что она рассчитана на будущих чиновников» [103, 106]. Фан Юн-шэн заявлял своим единоверцам, что, «когда его душа возносилась на Небо, он там видел „Небесный дворец“, роскошные парки с аллеями и т. п. При аресте у него нашли десять картин, изображавших все «увиденное его душой». Он говорил, что «после достижения успеха они построят дворцы, подобные этим» [103, 106].

Все эти факты характеризуют одну из черт, свойственных крестьянской психологии, а именно представление о возможности осуществления их чаяний сразу же, немедленно, в результате и даже в ходе борьбы, минуя какие бы то ни было предварительные или промежуточные стадии. Именно эта наивная убежденность в реальной возможности осуществления религиозных идеалов и лозунгов способствовала успеху агитационной деятельности проповедников сект, помогала крестьянам решиться на открытое выступление.

Немалую роль при этом играли и такие факторы, как экзальтация, обрядность, церемония — весь «механизм» эмоционального возбуждения, религиозного внушения массе верующих тех настроений и идей, которые гораздо труднее было бы внушить этим людям порознь. Совместное исполнение обрядов, коллективные моления и т. п. должны были к тому же рождать у крестьян ощущение общности, осознания себя как некой социальной группы, связанной единой верой, едиными замыслами.

Мистические перевоплощения, пророчества, видения и т. п., являвшиеся неотъемлемыми чертами всякой религиозной идеологии, тоже становились орудием протек-

ста и мятеха, когда обыденный здравый смысл и привычка к терпению требовали оставаться покорными, подсказывали мысли о нелепости, рискованности и обреченности всякого протеста и возмущения.

В исследованиях, связанных с проблемами крестьянских движений, при анализе положения крестьян накануне восстания в тот или иной период истории каждый раз делаются выводы об их безвыходном тяжелом положении. Такие «крайние» ситуации — в отдельных местностях, в определенные периоды — повторялись достаточно часто. Но все же в какой-то момент взрыв протеста вдруг пересиливал, брал верх над естественной боязнью риска. Вот именно здесь и нужно было нечто сверхъестественное, нужны были экзальтация, религиозное возбуждение, появление какого-нибудь знамения, «знака свыше». Все это и давали крестьянам религии сект, выполняя роль последнего толчка перед прыжком «через Рубикон».

Вообще, роль психологического воздействия религии на поступки и настроения восставших крестьян очень многопланова. Отбирая имущество у «почтенных» людей, разоряя их дома, убивая чиновников (нередко вместе с членами семей), они истребляли то, что воплощало в себе, по их разумению, зло и несправедливость существующего общественного устройства. Религия давала им уверенность, что они вершат «святое дело», помогают божественным силам осуществить стадию «бедствий белого солнца», после которой наступит на земле «царство божье». Поэтому, убивая и грабя своих врагов, крестьяне относились к этому как к проявлению героизма.

Проявляя чудеса стойкости и мужества во время сражений и в камерах пыток¹², основная масса участников восстания 1813 г. (как и ряда других — предшествующих и последующих) была убеждена, что приносит себя в жертву не напрасно, что благодаря их борьбе осу-

¹² Глава «Багуацзяо» Линь Цин, давая показания, не выдал никого из своих сообщников, он объявил себя одного виновным в руководстве заговором и подстрекательстве населения [см. 98, цз. 3, ба]. Подобную же стойкость проявило подавляющее большинство арестованных членов секты: они или отказывались давать показания, или парочно запутывали своих судей, давая неправильные сведения [см. 98, цз. 1, 256; цз. 4, 9а, 10а; цз. 3, 11а; цз. 17, 19а, и др.]. Именно этим, вероятно, следует объяснить, что из восьми глав «Багуацзяо» властям удалось арестовать членов только трех главных «гуа».

шествится высший суд, ускорится наступление «царства Майтрейи».

Мы называем секты группы «Байляньцзяо» и их религиозные верования крестьянскими. Идеи и положения, проповедуемые руководителями сект, несомненно представляли собой религиозное преломление смутно осознаваемых идеалов и настроений крестьянства и именно в результате этого встречали широкий отклик, поддержку и симпатии с его стороны. Но означает ли это, что они непременно зарождались и возникали в недрах крестьянских масс? Может быть, они создавались представителями других слоев населения?

Еще в конце династии Мин известны два рода, два клана, служившие как бы вместилищем сектантских идей. Это род Ван в местечке Шифокоу¹³ в округе Луаньчжоу провинции Хэбэй и род Лю в уезде Даньсян провинции Шаньдун. Оба рода во всех источниках называются крестьянскими, но это несколько не исключает возможности того, что среди них могли быть люди, обладающие религиозными знаниями, бывшие до известной степени образованными и т. д. В более поздние периоды истории, в частности в начале XIX в., главы сект — ересиархи — зачастую намеренно брали себе вторую фамилию — Ван или Лю¹⁴, дабы подкрепить свой авторитет силой традиции. Возможно, конечно, что в их числе могли оказаться представители оппозиционно настроенной интеллигенции, мелкого чиновничества и пр. Однако ни об одном главе той или иной секты нет сведений, которые подтверждали бы это. Напротив, согласно источникам, все они — выходцы из крестьян или других низших слоев общества. Хотя, как правило, они были людьми более или менее грамотными, обладавшими некоторыми знаниями. Последнее обстоятельство производило само по себе сильное воздействие на умы их неграмотной, невежественной паствы. Например, то обстоятельство, что глава «Шоуяняньцзяо» Фан Юншэн, полуграмотный крестьянин, ставший впоследствии лодочником, сумел составить «Книгу с записями различных систем созвездий», «Календарь на десять тысяч лет» и пр., внушало огромное уважение к нему:

¹³ Шифокоу в переводе означает «Проход каменистого будды».

¹⁴ В частности, Линь Цин был известен большинству членов секты под именем Лю.

«Единовверцы, видя, что такой человек вдруг сумел составить книги и рисунки, были сильно поражены и признали, что это удалось ему не иначе, как по воле Неба. Поэтому все верили ему искренне, без малейшего сомнения» [103, 12а]¹⁵.

Некоторые сведения из источников, а также приводившаяся ранее выдержка из дневников К. А. Скачкова об отрицательном отношении «коноводов секты» к неравенству позволяют предположить, что, во всяком случае вплоть до начала XIX в., в мирные периоды соблюдение равенства лежало и в основе организационного устройства внутри секты. В тех же дневниках Скачкова записано, что руководство «Байляныцзяо» — «это старшинство, собственно, не то, как понимается в настоящем смысле, а путеводная струна, гармонирующая всю массу общества» [66, 232].

Судя по материалам источников, вожди, ваны, претенденты на императорский титул появлялись уже в ходе восстания. А при описании периодов затишья, мирной деятельности сект сообщается в основном о «проповедниках», старейшинах местных отделений, филиалов сект и т. п. Собственно, даже «верховные идеологи» сект, составлявшие канонические книги, баоцзюани, прокламации и пр., до поры до времени самолично занимались наряду со своими собратьями проповедничеством, благотворительной деятельностью («совершеннем добрых дел»), лечением больных. Хотя вполне возможно, что этими вожаками могли двигать и вполне земные, честолюбивые замыслы, однако они искренне и истово верили, что ратуют за истину, и руководствовались лишь ощущением неавторитетности, уязвимости господствующей системы идей и тем, что, следовательно, ее можно попытаться заменить новыми, своими идеями.

А смутные, расплывчатые планы общественного переустройства (к тому же зачастую противоречащие их основной религиозной идее) всплывали уже на стадии подъема антифеодальных выступлений, когда практика борьбы требовала выдвижения каких-то позитивных планов, целей — пусть даже очень приблизительных.

О религии «Байляныцзяо» можно сказать, что она во

¹⁵ Выше уже отмечалось, что все «вновь созданные» книги и баоцзюани представляли собой лишь переработку, дополнения к старым канонам секты, созданным еще в конце Минского периода.

многих случаях выполняла функцию «идеологии крестьянских восстаний», что подтверждает вся история этой секты, возглавившей ряд народных выступлений. В той мере, в которой идеи и принципы этого вероучения отражали смутные утопические чаяния крестьян, их психологию ненависти и протеста против окружающей их социальной действительности, можно считать это вероучение одной из форм крестьянской идеологии. Дело в том, что стихийность, являющаяся одной из важнейших черт крестьянских движений в средние века, вообще означает не отсутствие у крестьян каких бы то ни было идей, а лишь полное несоответствие идей, имеющихся в их распоряжении, объективному содержанию крестьянского общественного сознания и крестьянского сопротивления.

Настроения отрицания имущественного и правового неравенства могли породить неясные стремления к равенству, общности имуществ, к «царству справедливости». Но под этими смутными идейными устремлениями не было никакой другой объективной основы, кроме защиты трудовой собственности, мелкого крестьянского хозяйства.

Вот почему при попытках осуществить на практике лозунги равенства, установить новый порядок мироустройства дело не шло дальше примитивного «общего котла» и уравнительного дележа. Все же более далеко идущие планы неизменно сводились к схеме, по существу целиком повторяющей то, против чего они боролись: система чиновничества, титулы, «свой», крестьянский император. Впрочем, в восстании «Багунцзяо» 1813 г., очевидно, в случае победы предполагалось установить, так сказать, коллегиальное руководство в лице трех ванов.

Л. А. БОРОВКОВА

«БАЙЛЯНЬЦЗЯО» В XIV в.

Ряд восстаний середины XIV в. в Китае известен под общим названием восстания «красных войск»¹. Они были организованы и возглавлены членами тайной религиозной секты «Байляньцзяо» (другие названия — «Байляньхуй», «Байляньшэ» — «Секта Белого лотоса»). В самом конце мая 1351 г. под лозунгом восстановления власти китайской династии Сун началось восстание «красных войск» в междуречье Хуанхэ и Хуайхэ с центром в Инчжоу (ныне — Чжунчэн в провинции Аньхуй). Идейным вождем этого восстания был Хань Шань-тун, а после его гибели — его сын Хань Линь-эр. Практически же главой восстания стал Лю Фу-тун. Как бы филиалами этого восстания были восстания в Сюйчжоу (ныне — Туншань в провинции Цзянсу) во главе с Ли Эром, Пэн Да и Чжао Цзюнь-юном, в Хаочжоу (ныне — Фэнтань в провинции Аньхуй) во главе с Го Цзы-сином, а позже — во главе с будущим основателем империи Мин Чжу Юань-чжаном и некоторые другие.

Еще одно большое восстание «красных войск» началось в августе — сентябре 1351 г. в долине Янцзы, в округах Цинчжоу и Хуанчжоу (ныне — Цичунь и Хуанган в провинции Хубэй). Номинальным главой этого восстания был Сюй Шоу-хуй, фактически его возглавляли Ни Вэнь-цзюнь и Цзоу Пу-шэн. К этому выступлению как к центру тяготели очаги восстания во главе с Мэн Хай-ма в Саньяне и Цзинмэне (ныне относятся к провинции Хубэй), Чжоу Бо-яном в Даочжоу (ныне — Даосянь в провинции Хунань) и Мин Юй-чжэнем в Сычуани.

Даже эти первоначальные рамки восстания «красных

¹ Подробно о восстании «красных войск» [см. 59].

войск» поражают своей широтой. Если же сюда приобщить пункты, где еще в 20—30-е годы XIV в. «Байляньцзяо» поднимала восстания, а именно: Сичжоу и Сичьян (ныне Сисянь и Сичьян в Хэнани), Юаньчжоу (ныне Ичунь в Цзянси) и Гуанчжоу, то размах деятельности этой секты в середине XIV в. станет еще более поразительным.

Вероучение Белого лотоса, восходящее к тому направлению буддийской секты «Цзиньтуцзун» («Учение о чистой земле»), которое было связано с поклонением будде Амиде (по-китайски — Амитофо), возникло в Китае еще в V в. н. э. [см. 58, 257]. Взяв из амидизма веру в перерождение душ, в то, что, совершая добрые дела в жизни, после смерти попадешь в «чистую землю», своего рода рай, учение «Байляньцзяо» к XII в. дополнилось заповедями другого буддийского вероучения секты «Тяньтайцзун» («Секты небесного престола»), например: «не убей», «не пей вино» и т. п. Не удивительно, что за многие века своего существования в Китае «Байляньцзяо» ни разу не стала побудительной силой к восстанию.

К XIV в. секта «Байляньцзяо» претерпела коренные изменения. Вот как описывают современники начало восстания в долине Хуанхэ: «Прежде дед и отец Хань Шань-туна, уроженца Луаньчэна, используя „Байляньцзяо“, возжигали благовония, вводили в заблуждение народ и были сосланы в уезд Юнпин [округа] Гуанпин. К этому времени (1351 г. — Л. Б.) Хань Шань-тун стал проповедовать, что Поднебесная взбунтуется, что будда Майтрейя (Милэфо) явился, и весь глупый люд в Хэнани и Цзянхуае поверил ему» [49, цз. 42, 4а]. Это, пожалуй, единственное сообщение современников, в котором восстание «красных войск» прямо связывается с «Байляньцзяо», а последнее — с именем будды Майтрейи. Более поздние мянские историки, повторяя это сообщение «Юань ши», дополнили его сведениями о том, что Хань Шань-тун проповедовал одновременно и о «пришествии Князя Света (Мин-вана)» [см. 40, цз. 2, 156]. У них было на это некоторое основание. Те же составители «Юань ши» писали, что в 1355 г. сын Хань Шань-туна, погибшего в самом начале восстания, Хань Линь-эр, «стал императором (повстанческого государства Сун.—Л. Б.), а еще назывался Малым Князем Света (Сяо Мин-ваном)» [49, цз. 44, 16].

Таким образом, в середине XIV в. члены «Байляньцзяо» в междуречье Хуанхэ и Хуайхэ поклонялись будде Майтрейе, Князю Света и Малому Князю Света, т. е. божествам буддийской секты «Милэцзяо» («Вероучение о Майтрейе») и манихейской секты «Минцзяо» («Вероучение о Свете»), также имевшим длительную историю существования в Китае [см. 52; 54; 57; 58]. В отличие от «Байляньцзяо» эти секты, вероучения которых были связаны с грядущими мессиями, до XIV в. неоднократно выступали организаторами восстаний [см. 51; 56; 58].

Следует подчеркнуть, что только в междуречье Хуанхэ и Хуайхэ члены «Байляньцзяо» провозгласили пришествие Князя Света. Но, даже говоря о повстанцах этого района, современники отмечали прежде всего, что они поклонялись Майтрейе: «В 5-ю луну в Иншане в [округе] Инчжоу красные войска восстали. Они получили еще название „благоухающие войска“ „сян-цзюнь“), так как возжигали благовония при поклонении будде Майтрейе» [46, цз. 20а]. Возжигание благовоний при поклонении Майтрейе было, очевидно, настолько специфическим обрядом «Байляньцзяо», что современники считали достаточным указания на него, чтобы определить принадлежность повстанцев к этому обществу².

У Хань считает, что составители «Юань ши» и другие современники восстаний намеренно умалчивали о том, что Хань Шань-тун проповедовал о явлении Князя Света (Мин-вана), и о том, что Хань Линь-эр был провозглашен Малым Князем Света, поскольку-де раннеимперская историография пыталась скрыть происхождение названия империи Мин от «Вероучения о Свете» («Минцзяо») [см. 58, 261]. Эта точка зрения вызывает ряд возражений. Во-первых, еще в 1365 г. Чжу Юань-чжан в одной из прокламаций ясно и четко противопоставил себя «красным разбойникам» [см. 45, цз. 29, 216]. Поэтому вряд ли, принимая название новой империи и династии, он исходил из того, что долгое время был подданным повстанческого императора Хань Линь-эра, провозглашенного Малым Князем Света. Кстати, Хань Линь-эр был убит с ведома Чжу Юань-чжана. Во-вто-

² Так, составители «Юань ши» отмечали только, что «Ли Эр, прозванный Кунжутным Ли (Чжима Ли), и его группа, возжигая благовония, собрали народ и [затем] восстали» [49, цз. 42, 46]. Так же писал о повстанцах Хаочжоу минский автор Юй Бэнь: Го Пингсин «сбирал народ и возжигал благовония» [47, цз. 2, 16].

рых, составители «Юань ши», не указав, что Хань Шань-гун проповедовал о явлении Князя Света, совершенно четко, однако, написали, что Хань Линь-эр назывался Малым Князем Света [см. 49, цз. 44, 16]³.

Современники, по-видимому, не писали о поклонении Мин-вану, поскольку он на самом деле был второстепенной фигурой в вероучении повстанцев того времени. Возможно даже, что Хань Шань-гун и не проповедовал о явлении Мин-вана, а это было приписано ему позднеминскими авторами на основании того, что его сын был провозглашен Малым Князем Света. Хань Линь-эр же был провозглашен повстанцами именно Малым Князем Света⁴ в 1355 г., т. е. на пятом году восстания, видимо потому, что еще за четыре года до этого, в 1351 г., повстанцы долины Янцзы уже провозгласили своего номинального вождя Сюй Шоу-хуя Майтреей (об этом см. ниже). Известным доводом в пользу нашего положения является и тот факт, что современники ни разу вообще не отметили элементов вероучения «Мин-цзяо» у повстанцев долины Янцзы, хотя в сунское время именно Хуайнань, Лянчжэ, Цзяндун и Цзянси были основным ареалом деятельности этой секты.

В долине Янцзы и южнее самое широкое распространение у повстанцев «красных войск» получило вероучение о будде Майтрее. Современники связывали организацию восстания здесь прежде всего с именем широко известного еще с 30-х годов пропагандиста этого вероучения монаха Пэн Ин-юя [см. 46, цз. 1, 20а; 41, 43]. Е Цзы-ци писал о нем: «Цичжэуский разбойник Сюй Чжэнь-и (другое имя — Сюй Шоу-хуй. — Л. Б.) восстал. Перед этим в Люяне некий монах Пэн, распевая буддийские псалмы, обладал способностью убеж-

³ Действительная фальсификация истории минского Тай-цзу, на наш взгляд, велась его современниками по линии непризнания того, что он был подданным повстанческого императора Хань Линь-эра. В «Юань ши» только за 6-ю луну 1355 г. появляется первое сообщение о Чжу Юань-чжане, и сразу же он противопоставляется «красным разбойникам» [см. 49, цз. 44, 36]. О сознательной направленности линии свидетельствует сообщение Лю Чжэня, участника восстания Чжу Юань-чжана, о том, что Тай-цзу приказал уничтожить стелу, воздвигнутую у порогов Цайши на Янцзы, поскольку она была датирована эрой правления Хань Линь-эра Луифы [см. 12, 596].

⁴ «Малым» — потому что он был сыном их признанного вождя Хань Шань-гуна и к тому же молод.

дать людей поклоняться Майтрейе... Глупый люд верил ему, и у него стало много последователей» [41, 51]. Тот же Е Цзы-ци сообщает, что повстанцы Сюй Шоу-хуя, взяв Цичжоу, основали государство Тяньвань, а свою столицу Цичунь провозгласили «Ляньтай-шэн», т. е. «провинцией лотосового престола [будды]» [41, 51]. Есть сообщения, что повстанцы во вновь занимаемых ими областях активно проповедовали, будто будда Майтрейя явился в этот мир [см. 44, цз. 27, 355; 68, цз. 210, 5743]. Если к этому добавить, что вожди повстанцев Ни Вэнь-цзюнь, Цзоу Пу-шэн и другие сделали Сюй Шоу-хуя своим главой, поскольку-де он святой [см. 41, 51], то можно согласиться с У Ханем, который считает, что Сюй Шоу-хуй был провозглашен Майтрейей [см. 59, 87].

Итак, члены «Байляньцзяо», возглавив восстание «красных войск» против монгольских правителей Китая, провозгласили своего главу в долине Хуанхэ манихейским Князем Света, а в долине Янцзы — буддой Майтрейей. Это дает основания полагать, что в XIV в. три секты — «Байляньцзяо», «Милэцзяо» и «Мишцзяо» — слились в единую секту — «Байляньшэ». Вероучение объединенной секты было довольно эклектическим, неся ярко выраженные черты и манихейства и буддийского вероучения о Майтрейе.

Слияние трех сект в одну произошло, очевидно, в XIII в. Этому, вероятно, в огромной мере способствовал рост патриотических настроений в связи с монгольским нашествием. В юаньских источниках нет упоминаний о сектах «Мишцзяо» и «Милэцзяо», упоминается только «Байляньшэ». Монгольские правители всячески поощряли распространение буддизма в Китае, поэтому «Байляньшэ» как одно из буддийских течений некоторое время пользовалась их покровительством. Но в 1308 г. появился указ императора, запрещающий деятельность «Байляньшэ». Очевидно, что не религиозный фанатизм был причиной этого, а тот факт, что «Байляньшэ», включавшая в себя последователей «Мишцзяо» и «Милэцзяо», стала носителем их бунтарских традиций.

Несомненно, несколько десятилетий легального существования способствовали появлению адептов этой секты почти на всей территории собственно Китая. Они имели свои храмы и монастыри, о чем можно заключить из указа 1308 г.: «Запретит „Байляньшэ“, разрушить ее храмы (цы) и пристройки (юй), а ее людей внести в

списки податных». (В империи Юань буддийские монахи были освобождены от налогов и повинностей.) По-видимому, члены секты быстро приспособились к нелегальному положению. Она ушла в подполье, но ее буддийские обряды и богослужения продолжались. Это и вызвало появление указа 1322 г., который запретил «буддийские обряды» [см. 49, цз. 28, 3а]. И в последующие годы члены этой секты использовали покровы ортодоксального буддизма для совершения своих обрядов и пропаганды вероучения. В этом отношении характерна биография Пэн Ин-юя. С десяти лет он воспитывался в буддийском монастыре (в округе Юань-чжоу). В 15 лет во время эпидемии он стал усердно лечить больных водой горячего источника, который вдруг забил у подножия горы, где стоял монастырь. Пэн Ин-юй прослыл святым. В 1337 г. он и его ученик Чжоу Цзы-ван подняли восстание пяти тысяч своих приверженцев под лозунгом явления будды Майтрейи [46, цз. 1, 5б]. Использование членами «Байляньцзяо» буддийских монастырей и храмов для своих целей было, видимо, причиной того, что во время восстаний «красных войск» правительственные войска громили буддийские монастыри, считая, что в них скрывается будда Майтрейя, как это было, например, с монастырем, в котором находились Чжу Юань-чжан [см. 59, 48].

Широкое распространение буддизма в Китае в период империи Юань⁵ было одной из причин того, что именно буддийские элементы в вероучении «Байляньцзяо» стали преобладать над манихейскими в первой половине XIV в. В империи Мин условия также способствовали закреплению вероучения о Майтрейе как основных догматов «Байляньцзяо». Еще существовала империя Юань, еще жил во владениях Чжу Юань-чжана в Чучжоу император повстанческого государства Сун Малый Князь Света Хань Линь-эр, а Чжу Юань-чжан уже говорил о повстанцах «красных войск» как о «еретиках» и «злоумышленниках» [45, 21б]. И уже в первый год своего правления в качестве императора вновь созданной империи Мин Чжу Юань-чжан издал указ, запретивший существование «Байляньцзяо», в котором особо оговаривался запрет «Минцзунцзяо». Этот запрет во-

⁵ В 1291 г. в империи насчитывалось 213 тыс. буддийских монахов [49, цз. 16, 14а].

шел как общее положение в свод минских законов «Да Мин люй»; нарушителям грозило наказание сотней бато-гов и ссылкой за три тысячи ли [58, 267]. Особое внимание к «Минцзяо» объяснялось, очевидно, тем, что наименование этой секты нарушало табу названия империи и династии. У Хань показывает, что если в первые 50 лет существования империи Мин следы «Минцзяо» еще были заметны, то позже они теряются совсем [см. 58, 268—270]. Но «Байляньшэ» продолжала существовать. В XVI в. она подняла восстание под лозунгом явления будды Майтрейи, а в период господства маньчжурских завоевателей ее деятельность приобрела, как и в конце Юань, почти общенациональные масштабы. В 1796—1803 гг. основы империи Цин сотрясались под ударами народного восстания, проходившего под лозунгами явления Майтрейи и восстановления власти китайской династии Мин [см. 139].

Очевидно, было несколько причин того, что существовавшие самостоятельно ряд веков три секты в XIII в. слились в одну. Здесь были и элементы некоторого сходства в верованиях и обрядах и приблизительно одинаковые условия деятельности. Причина же того, что при всем этом наиболее устойчивым и долгоживущим оказалось вероучение о будде Майтрейе, лежала, по-видимому, в основных положениях этого вероучения. Предсказания прихода грядущих мессий в периоды социальных или политических кризисов превращались в лозунги, под которыми угнетенные и недовольные поднимались на борьбу за осуществление своих идеалов. Приведем еще раз ранее уже публиковавшееся положение о том, как мыслилось будущее мира после прихода Майтрейи: «...Jambudīpa⁶, расширится и очистится, исчезнут шипы и колючки, пустые долины и высокие холмы сравняются и станут влажными; золотой песок покроет землю, всюду будут каналы с чистой водой и пышные леса, яркие цветы и благоухающие травы; различные драгоценности, собранные вместе, будут соперничать в блеске. Все смогут возникновать душой. Люди станут милосердными, будут совершенствоваться

⁶ У Хань указывает, что этим словом буддисты называли Китай [см. 58, 254]. Однако более похоже, что это тибетское «дзам-будниш», или «весь мир» (см. Ю. П. Рерих, Монголо-тибетские отношения в XIII—XIV вв., — «Филология и история монгольских народов», М., 1958, стр. 339).

в десяти добрых делах и по причине совершенства в добре будут жить долго в радости и спокойствии. Людей будет много, города будут сливаться, куры долетать друг до друга. Занимающиеся земледелием, посеяв один раз, будут собирать семь урожаев, так как растения будут произрастать сами собой и не надо будет пахать» [58, 254]. Это были яркие, заманчивые картины равного богатства и счастья для всех людей на земле, которые были так созвучны крестьянским идеалам уравнилельности. По-видимому, лежавшее в основе верований «Белого лотоса» до XIII вероучение о будде Амиде, служившее рай после смиренного перенесения всех бед этой жизни, оказалось поэтому менее приглательным и менее живучим.

Однако не случайно, вероятно, объединенная секта получила название «Байляньшэ». Видимо, причина этого заключалась в наличии у первоначальной секты «Байляньшэ» хорошо разработанной организационной структуры, обеспечивавшей ей нужную конспиративность в условиях тайного существования. В этом отношении нам кажется интересным тот факт, что из трех первоначальных сект только в название «Байляньшэ» входил элемент «шэ» (община, общество). Термин этот, как и обозначаемая им организация, имел длительную историю. И требуется специальное исследование этого вопроса для понимания организационной структуры «Байляньшэ».

Материалы середины XIV в. позволяют заключить, что «Байляньшэ» для того времени была сравнительно монолитной организацией, отличавшейся неплохой связью филиалов с центром и между собой. Об этом говорит лучше всего тот факт, что подготовку к восстанию вели одновременно все общины секты, разбросанные на огромной территории Центрального, Восточного и Южного Китая. Восстание, по-видимому, мыслилось при этом как единое движение с единым центром. Не случайно повстанческие отряды, разбросанные на огромной территории, имели один и тот же отличительный знак — красные головные платки, от которого и пошло их название «красные войска». Современник Цюань Хэи писал, что восстание «красных войск», начавшись в Ичжэне, получило единодушную поддержку у населения от Шаньси до долины Янцзы, что мелкие очаги восстания были ответвлениями (со) — южными, северными и

т. п. — «красных войск» [46, цз. 1, 20а]. Однако целый ряд объективных причин, а также гибель в самом начале восстания потомственного главы «Байляньшэ» Хань Шань-туна привели к тому, что восстание развивалось далее по нескольким самостоятельным руслам.

Отдельные общины «Байляньшэ» были немногочисленными; этого требовало ее тайное существование. Не велика была и центральная группа самого Хань Шань-туна; восемь человек начали восстание в Сюйчжоу [46, цз. 1, 21а], маленькие группы начинали восстание в Хаочжоу, Цичжоу и Хуанчжоу.

Как уже указывалось выше, в XIII в., в период легального существования, «Байляньшэ» имела свои храмы и монастыри. Если какие-то небольшие тайные храмы-молебни могли и должны были существовать и после ее запрещения, то вряд ли речь могла идти о монастырях. Биографии вождей новстанцев этой секты свидетельствуют, что все они, за исключением Пэн Ин-юя. Хань Шань-туна и Лю Фу-туна, имели различные мирские занятия. Правда, Хань Шань-тун тоже не был монахом, поскольку его положение как главы общества было наследственным.

Каков был социальный состав «Байляньшэ»? Нам известно социальное происхождение или положение двенадцати вождей «красных войск», чьи имена непосредственно связаны в источниках с «возникновением благовоний», т. е. с выполнением обрядов этого общества. Часть их вступила в секту незадолго до восстания. О главных вождях «Байляньшэ» — Хань Шань-туне и Лю Фу-туне — источники никаких дополнительных сведений не сообщают. По-видимому, они жили за счет каких-то поступлений с членов секты. Сюйчжоуские вожаки Ли Эр и Чжао Цзюнь-юн были зажиточными сельскими жителями, Чжао Цзюнь-юн — сельским старостой (шэ чжан) [46, цз. 1, 20б]. Четверо вождей в Хаочжоу — Сунь Дэ-яй, Юй, Лу, Пань — крестьяне [см. 47, цз. 1, 42], никаких других сведений о них нет. Пэн Ин-юй был монахом, а фактически вожди «Байляньшэ» в долине Янцзы — его ученики Ни Вэнь-цзюнь и Цзоу Пу-шэн были соответственно рыбаком и кузнецом [47, цз. 3, 2а, 2б].

Незадолго до восстания к Хань Шань-туну и Лю Фу-туну присоединился Ду Цзунь-дао. До этого он был мелким чиновником в главном военном совете империи (Шумнюань). Недовольный своими монгольскими на-

чальниками, он бросил службу и ушел в Пичжоу, где затем стал одним из вождей «красных войск» [см. 46, цз. 1, 13а]. Пэн Да, третий вождь сюйчжоуских повстанцев, с которым объединились Чжао Цзюнь-юн и Ли Эр, был бедняком из южного пригорода Яньчэна (в Хэбэе) [см. 46, цз. 1, 20б—21а]. Го Цзы-син, пятый вождь хаочжоуских повстанцев, был богатым жителем городка Динъюань: «В конце Юань в народе появились проповедники, ван (князь, т. е. Го Цзы-син. — Л. Б.) очень поверил им и раздал свое имущество, тайно собирая приверженцев (бинькэ). В год жэнь-чэнь [эры] Чжичжэн в Жу и Ин началось восстание. Ван знал, что в Поднебесной будет пересеворот, поэтому созвал собранных им бинькэ с [их] сыновьями и братьями, напал на Хаолян и взял его» [47, цз. 1, 1а]. Пакануне восстания [присоединился] к Ин Вэнь-цзюню Чэнь Ю-лян, уездный чиновник, отец которого разбогател, войдя зятем в богатый дом [47, цз. 4, 2а]. Номинальный вождь «красных войск» в долине Янцзы, провозглашенный Майтреей, Сюй Шоу-хуй был бродячим торговцем полотном [см. 41, 51], а Мин Юй-чжэнь, вождь повстанцев в Сычуани, — сельским старостой, как и Чжао Цзюнь-юн [см. 43, цз. 123, 15б]. Эти данные показывают, что социальный состав членов «Байляньцзяо» был довольно разнородным: здесь и крестьяне, и рыбаки, и мелкие торговцы, и мелкие чиновники, но в основном это были люди из низших слоев сельского и городского населения. К ним присоединялись, особенно в канун восстания, и мало-мальски обеспеченные люди, поскольку и их положение было сложным и неустойчивым. Не известно ни одного случая, чтобы членом «Байляньцзяо» был землевладелец, шэньши и т. п. Они, как правило, вели с «красными войсками» ожесточенную борьбу, видя в них классовых и идейных противников.

Таким образом, идея народного восстания против монгольских завоевателей Китая зрела и созрела в низших слоях населения империи Юань. «Байляньцзяо» с ее верой в грядущее освобождение от всякого угнетения сформулировала эти идеи в лозунгах о явлении будды Майтреи и в требовании восстановления власти китайской династии Сун.

Б. М. ПОВИКОВ

АНТИМАНЬЧЖУРСКАЯ ПРОПАГАНДА ТАЙНЫХ ОБЩЕСТВ В КИТАЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Первая половина XIX в., период углубления социального кризиса феодального цинского Китая и губительного по последствиям поражения в «опиумной» войне, является временем активизации деятельности различных тайных обществ, известных под общими названиями «Саньхэхуй» («Триада»), «Тяньдихуй» («Общество Неба и Земли»), «Хунмянь» («Союз хун») и др.

Деятельность «Саньхэхуй» особенно активизировалась после «опиумной» войны, в обстановке дальнейшего ослабления режима цинской власти и стремительного подъема массового недовольства в стране. Вооруженные выступления тайных обществ значительно участились и приобретали все более упорный характер. Основным очагом их действий стала провинция Гуандун и особенно Гуанси, где после 1842 г. члены тайных братств вели фактически непрерывную вооруженную борьбу с местными цинскими войсками.

Однако многочисленные восстания тайных обществ начинались, как правило, без надлежащей организационной подготовки, их вожаков и участников захлестывала стихия бунта. В действиях повстанцев нередко отчетливо проявлялись черты разбойной вольницы, чему в немалой степени способствовало присутствие в их рядах большого числа деклассированных элементов. Не менее серьезной слабостью этих вооруженных выступлений была их локальность и разобщенность. Даже восстания, одновременно проходившие в одной и той же провинции, более того — в соседних ее районах, редко имели связи. Такая разобщенность была порождением обычных для феодального Китая узкоместнических тенденций, характерных и для тайных обществ.

Несмотря на разобщенность, тайные общества имели много общего в своей организации, ритуалах, политических лозунгах, традициях и т. д. Об этом свидетельствуют сохранившиеся документы¹.

Восстания при всей их многочисленности в конечном счете были лишь эпизодами в жизни каждого из тайных союзов. Восстания разделяли продолжительные периоды конспиративной деятельности, направленной на восстановление сил и влияния организации. Одним из наиболее важных аспектов их деятельности в этот период становилась антиманьчжурская пропаганда, формы, средства и методы которой были в основном одинаковы во всех местных обществах на территории Китая. Основной средой для развертывания этой пропаганды были темные и забытые крестьянские массы, широкие слои городской бедноты и бездомный бродячий люд.

Свою деятельность тайные общества вели в условиях постоянного террора и преследований со стороны феодальных цинских властей. Это обуславливало особенности форм антиманьчжурской пропаганды «Саньхэхуем». Характеризуя эти особенности, выдающийся китайский революционер-демократ Сунь Ят-сен писал: «Как же в такой обстановке следовало организовать работу общества? Единственно правильный путь заключался в том, чтобы на примерах, наиболее доступных народным массам, разъяснить идею национального государства². Сами собрания обществ облекались в форму театрализованного представления, потому что так легче было воздействовать на массы. Для распространения

¹ К их числу следует отнести в первую очередь документы, содержащиеся в публикации Сяо И-шаня [см. 196]. Большая часть материалов, включенных в эту публикацию, была создана в провинции Фуцзянь и относится преимущественно к первой половине XIX в. В Гуандуне были составлены рукописные тексты «Тяньхуя», найденные в 1863 г. в доме китайского колониста в Паданге (Суматра) и опубликованные голландским китаеведом Шлегелем [см. 263]. К периоду Тайпинского восстания относятся документы тайных обществ, собранные в публикации Ло Эр-гана [см. 80]. Часть их представляет собой реликвии созданного приверженцами тайных обществ повстанческого государства Дачэнго в Гуанси; в сборник включена также большая рукопись из Гуанчжоу. Немало материалов тайных обществ из разных районов — от Цзянсу до Юньнани и Сычуани — содержит книга Чжу Линя [см. 217] и др.

² Говоря об идее национального государства (или идее национализма) Сунь Ят-сен имеет в виду идею свержения маньчжурского господства и восстановления отечественной ханьской власти.

идеи национализма использовали недовольство и стремление отомстить за обиды, ибо так легче было возбуждать чувства простых людей» [146, 261].

Попраание маньчжурами древних обычаев китайцев служило одним из ведущих мотивов в антиманьчжурской пропаганде тайных обществ. Приверженцы этих обществ стремились прежде всего своим личным примером возбуждать в соотечественниках дух противодействия всему маньчжурскому.

Вот как описывается это в одном из источников: «...когда новые братья вступают в общество, они обязательно отпускают волосы, ибо ношение косы не является обычаем наших предков, когда мажут губы кровью и принимают клятву, то подражают обрядам, которые с древности практиковались ханьцами. Недопустимо рассматривать маньчжурские обычаи и обряды как обычаи и обряды наших предков.

Должностные лица общества, находясь в помещении общества и исполняя свои обязанности, надевают китайскую одежду и головные уборы древнего образца. Это имеет такой же смысл.

Изготовленное из пучков травы человеческое чучело или картинка с рисунком человека считается изображением маньчжурского императора. Вновь вступающие в общество пускают в это изображение по три стрелы и клянутся убить маньчжурского императора, так как не могут забыть о мести.

Да Цин — это название государства маньчжуров и к китайцам не имеет отношения. Император Цин — главный враг, поэтому не следует признавать его правителем нашего Китая. По этой причине среди братьев Хуимынь при написании иероглифа «цин» отбрасывается входящий в него элемент «чжу» («государь»). Но не только император — все маньчжуры являются нашими врагами, и нужно уничтожить их всех. Поэтому иероглиф «мань», обозначающий маньчжуров, пишется без элемента «цао» («голова»), что означает маньчжуров без головы» [196, цз. 2, фулу (прил.) 26].

Основным лозунгом антиманьчжурской пропаганды «Триады» был лозунг «Фань Цин, фу Мин» («Долой Цин, возвратим Мин!»). Общеизвестно, что происхождение этого лозунга относится к начальному этапу антиманьчжурской борьбы в Китае, который проходил под знаменем последних представителей Минского импера-

горского дома, однако подробное содержание иден «Фань Цин, фу Мин» в исторической литературе не рассматривалось. Материалы тайных обществ дают возможность всесторонне оценить значение и роль этой иден, ее место в антиманьчжурской пропаганде.

Лозунг «Фань Цин, фу Мин» проходит красной нитью через все дошедшие до нас документы тайных обществ. Он встречается в легенде о происхождении общества «Тяньцзхуи», начертан на его знаменах, удостоверениях членов, обрядовой утвари, например на так называемой драгоценной курительнице, чудесном мече из персикового и сливового дерева, красной дубинке — символе наказания отступников, на отличающем правду от лжи зеркале, монашеской патре, по преданию принадлежавшей основателям общества, на символизирующем минскую императорскую власть желтом зонтике и других предметах, изображения которых воспроизведены в публикациях подлинных материалов «Тяньцзхуя» [196, цз, 1, 3б, 7б, 10а—18а, 26а, 29а, 31б, 35б, 36б, 80, 4—5, 21б, 44—48, 51—59, 122, 263, 34—36, 39, 41, 42, 44, 45, app. tabl. II, VII; IX, XI, XIII—XV].

Но чаще всего лозунг «Фань Цин, фу Мин» и его вариации встречаются в ритуальных текстах, преобладающих среди документов тайных обществ. Большинство этих текстов имеет рифмованную, стихобразную форму, с призыв свергнуть Цин, восстановить Мин, как правило, служит в них концовкой или рефреном. Так, например, церемония жертвоприношения пяти легендарным основателям «Триады» сопровождалась декламацией и пением следующих четверостиший:

Пять человек начали сражаться с цинскими войсками,
Создали непобедимую семью павших братьев Хун.
После того как захватим области, округа и уезды,
Уничтожим Цинскую династию и снова вернем Мин.
Наставник отдал приказ приглашать новых членов.
Военачальники тверды и не допускают послаблений.
Войска с радостью приходят поддержать государя.
Уничтожить династию Цин и вновь возвратить Мин.
[80, 10, 32]

В стихах, которые произносились при возжигании паговоний, говорилось:

Мы никогда не дадим покоя маньчжурам,
В павильоне Хунхуа перед лицом Неба поклялись.
Свергнуть Цин, восстановить великих мужей Мин.
[80, 47]

Много стихов подобного характера содержит так называемый диалог с сяньфэном³ — важная часть ритуала посвящения в члены тайного общества, представляющая своего рода катехизис «Триады». Вот один из этих стихов, построенный по мотивам предания о возникновении организации:

Братья находятся перед Залом Верности и
Справедливости⁴.
У его стен собираются мириады воинов.
В храме Гаоци⁵ подняли восстание,
Чтобы свергнуть Цин и восстановить великую Мин.
[196, цз. 5, 29a]

Призывом «Фань Цин, фу Мин» заканчивается вошедшая во все важнейшие публикации документов тайных обществ «Песня о Муянчэне»⁶, которая исполнялась в финале церемонии приема в общество:

Мы вновь воздвигли Муянчэнь,
Этой ночью созвали героев Хун,
Щиты и копья, как лес, поднялись.
Свергнем Цин, восстановим Мин!
[196, цз. 5, 30a; 263, 149; 80, 3]

Та же тема звучит в стихах, игравших для членов «Триады» роль своеобразного пароля:

Реют на ветру знамена Хун,
Под ними собираются отважные герои,
Названные братья семьи Хун
Свергнут Цин, восстановят Мин.
[196, цз. 6, 126; 263, 216]

Подобных примеров можно привести многие и многие десятки, поскольку в разделах ритуальных текстов публикаций Сяо И-шаня, Ло Эр-гана и Шлегеля стихи, содержащие призыв «свергнуть Цин и восстановить Мин», встречаются почти на каждой странице [см. 196, цз. 4, 16, 2a, 3a, 36, 4a, 46, 5a, 6a, 66, 86, 9a, 10a, 106 и т. д.; цз. 5, 16, 2a, 26, 3a, 36, 46, 56, 6a, 7a, 86, 9a, 106, 11a, 116, 136 и т. д.; 90, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 13, 17, 20, 23, 27, 28, 31, 33, 43, 44, 46; 263, 61, 67, 73, 80, 90, 103, 114,

³ Сяньфэн — название должности или чина внутри «Тяньдихуя».

⁴ Залом Верности и Справедливости (чжун и тан) называлась центральная часть помещения ложы «Общества Неба и Земли».

⁵ По другому варианту — Фудэцзю.

⁶ Муянчэнь («Город Ив») — здесь условное название помещения или места собраний тайного общества.

119, 121, 127, 128, 129, 147, 149, 176, 193, 205, 212, 213 и др.]

Материалы тайных обществ убедительно показывают, что занимающий в них центральное место лозунг «Фань Цин, фу Мин» формулировал основную цель их организаций. Не случайно при приеме в тайное общество вступающие на вопрос о том, зачем они пришли, обязаны были отвечать: «Свергнуть Цин, восстановить Мин» [196, цз. 4, 3а, 15б; 263, 60].

Требование свержения династии Цин обосновывается в документах тайных обществ по-разному.

В некоторых текстах оно мотивируется как месть за вероломное сожжение цинскими солдатами монастыря Шаолиньсы и его обитателей:

За сто двадцать восемь [монахов] из Шаолиньсы
Покорим Юг и Север и уничтожим монарха Цин.
Несправедливый цинский правитель нам известен,
Потому что он сжег наших братьев-монахов.
[196, цз. 5, 20а]

Подобная же мотивировка встречается и в других текстах [см. например, 196, цз. 1, 13б, цз. 4, 3б, 7б, 15а; цз. 5, 21б, 28а; 80, 25, 47, 52; 236, 208].

Построенный на легендарной основе, весьма узкий по содержанию и понятный лишь посвященным, такой довод в лучшем случае мог использоваться внутри тайного общества, но едва ли годился для утверждения антицинской идеи в широкой пропаганде.

В качестве другого мотива в ряде документов тайных обществ требование ниспровержения цинской власти обосновывается ее несправедливостью и жестокостью. Такой критический оттенок имеют нередко встречающиеся скупые характеристики, которые осуждают цинских правителей как «несправедливых», «грабителей», «хищных тигров», «безумных», «турых» и т. п. [см. 196, цз. 1, 1б, цз. 4, 3а, 3б, 13б, 25а, 27б, 29б; цз. 5, 20а, 22а, 26б, 24б, 26б, 27а, 32а; 80, 13, 33, 49; 263, 73, 76, 227].

Отдельные стихи излагают этот довод в более развернутом виде:

Мы уничтожим солдат и генералов Цинской династии,
Потому что ее правители причиняют вред народу.
Герои Хун приходят, чтобы отомстить за все обиды.
Они свергнут несправедливую Цин и восстановят Мин.
[196, цз. 6, 15, 263, 17б]

Содержащаяся в этих строках критика затрагивала важный социальный аспект борьбы против Цин, смутно

огражая ее объективную антифеодалную направленность. Однако даже при учете особенностей исторических условий Китая первой половины XIX в. такая критика была слишком распылчатой и примитивной по форме, что не могло не приглушать ее обличительного звучания и значительно ослабляло ее действенность и в качестве обоснования антицинской идеи, и в качестве призыва к открытой борьбе.

Чаще всего, выдвигая требование свергнуть Цин, документы тайных обществ подчеркивали его антиманьчжурское содержание, раскрывали его как призыв к уничтожению иноплеменной по происхождению, чуждой ханьцам маньчжурской власти. Во многих случаях первая часть лозунга «Фань Цин, фу Мин» заменялась выражением «ме мань» («уничтожим маньчжуров»), «цюй ху» («изгоним северных варваров») и т. п. [см. 196, цз. 1, 8б, 9а, 11б, 12а, 14б, 15б, 16б, 18а, 22а, 22б, 23а, 31б; цз. 4, 2б, 3а, 10б, 13б, 14а, 21б, 25б, 29б, 31а; цз. 5, 1б, 2б, 3а, 3б, 10б, 14а, 16б, 18а, 20а, 11б, 24а, 28а, 30б, 35а; цз. 6, 7б, 8а, 10а, 15а; 80, 7, 8, 17, 4б, 48, 60; 263, 39, 42, 67, 70, 80, 82, 99, 113, 174, 175, 176, 214, 218 и др.].

В одних текстах антиманьчжурский мотив раскрывается в спокойно-рассудительном тоне:

Мы возвратились к источнику, изучили [события]
прежних времен
Варвары Цин узурпировали наше отечество.
Ныне мы хотим отнять у маньчжуров империю.
И когда наступит полнолуние, поднимем знамена
справедливости.
[196, цз. 1, 15б, цз. 6, 14а; 263, 60]

Для некоторых стихов, посвященных антиманьчжурской теме, характерна заметная эмоциональная окраска:

Отовсюду подходят войска, чтобы служить
у пяти генералов⁷.
Собираются вместе славные герои Поднебесной.
Они пылают ненавистью к Цинской династии
И обязательно преиспоят в пепел кости мань-
чжурских варваров.
[196, цз. 5, 31б]

Особенно выразительными являются в этом отношении отдельные документы, используемые тайными обществами для пропаганды привлечения в свои ряды новых

⁷ Имеются в виду, очевидно, пять так называемых генералов-игров на легенды о происхождении «Тяньдихуа».

членов. Так, например, найденный в 1828 г. в Макао текст манифеста «Триады» под названием «Чжао цзюнь пай» («Извещение о призыве в войско») гласит:

О бескрайний Китай, безбраздная небесная династия!⁸
Тысячи владений посылали тебе дань,
Десятки тысяч правителей прибывали к твоему двору.
Маньчжурские варвары [иные] покорили тебя.
Разве можно успокоить чувство обиды за это?!
Вступайте в наши отряды Хун!
Поднимем пик, начнем восстание!
Уничтожим династию Цин!

[109, 94 - 95]

Анализ документов тайных обществ с полной очевидностью свидетельствует, что антиманьчжурский мотив выдвигался ими в качестве главного обоснования идеи свержения Цин. Таким образом, антицинская направленность тайных обществ по существу означала направленность антиманьчжурскую и имела прежде всего патристическое содержание.

В отличие от легендарного мотива мести за сожжение Шаолиньсы и распылчатых намёков на несправедливость цинской власти⁹, антиманьчжурская трактовка призыва «Фань Цин» обладала гораздо большей убедительностью и доступностью для понимания широких масс. Исходным пунктом этой трактовки являлось резкое противопоставление маньчжуров ханьцам, вытекающее из реальной действительности цинского режима. В условиях длительного господства маньчжуро-цинской династии, когда ее правители всячески вытраивали из памяти китайского народа свое обличье чужеземцев-завоевателей, такое противопоставление имело большой смысл. Оно подчеркивало «варварское», т. е. некитайское, происхождение маньчжуров, узурпаторский характер их власти в Китае и тем самым будило в ханьцах дух сопротивления иноплемennому гну.

Большое значение этой пропаганды «Триады» в рассматриваемый период отмечал Сунь Ят-сен. Характеризуя обстановку, сложившуюся в Китае к середине правления династии Цин, он писал в своих лекциях о трех народных принципах: «С периода Цяньлун¹⁰ людям запре-

⁸ Небесная династия (тянь чао) — одно из поэтических названий Китая.

⁹ А также мотивировок чисто религиозного характера.

¹⁰ Десять годов правления четвертого императора Цинской династии (1736—1795).

гили даже упоминать слова „маньчжуры“ и „ханьцы“, исторические сочинения подверглись переделке и из них вычеркнули все, что касалось истории смены династий Сун и Юань, Мин и Цин. Все книги, в которых содержались сведения о маньчжурах, хунну, татарах, были объявлены запрещенными и повсеместно уничтожались, хранить и читать их не разрешалось. После многократных кампаний так называемой „литературной инквизиции“ идеи китайского национализма, которые сохранялись в литературных произведениях, были полностью уничтожены. С середины Цин единственной организацией, выдвигавшей идеи национализма, было тайное общество Хунмынь» [194, т. 2, 618].

Призыв к свержению династии Цин, пронизывающий документы тайных обществ, не мог не получить отклика в среде китайского народа, который вопреки всем стараниям правящей маньчжурской клики добиться его полной покорности не утрачивал чувства ненависти к маньчжурам как иноплеменным угнетателям, снова и снова поднимался на борьбу против них. Отражавшая эти устремления патриотическая по характеру антиманьчжурская позиция тайных обществ была одной из важнейших причин их популярности в народных низах.

Однако поддержка антиманьчжурских лозунгов в народе определялась не только тем, что цинский режим олицетворял собой иноплеменный гнет. Маньчжуры вместе с китайскими помещиками жестоко эксплуатировали народные массы. Поэтому крестьянство, городская беднота и разорившийся люд, из которых пополнялись ряды тайных обществ, стихийно вкладывали в идею борьбы против маньчжурского господства и классовое содержание. Пропаганда тайных обществ, как отмечалось выше, слабо увязывала призыв «Фань Цин» с насущными для народа антифеодальными требованиями, что являлось ее существенной слабостью¹¹, хотя в целом, как показывает более широкий анализ, социальные мотивы играли в ней достаточно важную роль.

Что касается второй, позитивной части лозунга «Фань Цин, фу Мин», т. е. идеи восстановления Мин, то документы «Гяньдихуя» раскрывают ее прежде всего в

¹¹ Это особенно относится к ранним документам «Гяньдихуя». С середины XIX в. в них появляются непосредственно связанные с идеей свержения Цин более конкретные антифеодальные положения [см. 19, 94].

прямым, буквальным значением — как требование реставрации императорского дома Чжу предшествующей Минской династии. Такая трактовка содержится и в преданиях о происхождении тайного общества «Тяньдихуй» (появления среди его основателей некоего потомка императоров Мин и избрание его «главой союза» с целью восстановить на троне), и во многих стихах церемонии посвящения, и в других текстах. Вот несколько примеров:

Милосердная с Запада ¹² испытывает крайнюю радость:
Мин поднимается, Цин рассеивается, варвары будут
уничтожены.

Когда перебьем всех маньчжурских татар,
Сыны Хун снова восстановят старый трон Чжу.
[263, 99].

Чистое и белое облако поднимается как доброе
предзнаменование:
Прежний дом Чжу должен быть восстановлен на троне.
Пусть всюду будет известно, что сыны Хун уничтожат
Цинскую династию.

Они переправятся через Хуанхэ и восстановят империю Мин.
[195, изд. 4, 206].

Некоторые документы тайных обществ вкладывают в идею «фу Мин» более широкое содержание, трактуя ее как призыв к восстановлению ханьской, отечественной власти в противовес маньчжурской, иноплеменной и узурпаторской:

Пять драконов спустились на землю ¹³,
Чтобы сопровождать принца Мин.
Гуманные и справедливые в Поднебесной
Единодушно помогают ханьскому государству.
[217, 200]

Иногда эта мысль выражается в краткой, лозунговой форме. Например, на хранящемся в Центральном революционном музее КНР знамени «Тяньдихуя» периода тайлинского движения начертан призыв «Ме мань, силь хань» («Уничтожим маньчжуров, возродим ханьцев») [218, 16], который, вне всякого сомнения, является перефразировкой лозунга «Фань Цин, фу Мин», подчеркивающей аниманьчжурскую направленность его первой части и проханьскую — второй.

Наконец, довольно часто с восстановлением Мин документы тайных обществ связывают приход справедливости, счастья и добра. В разных случаях и эти понятия

¹² Имеется в виду, очевидно, богиня милосердия Гуаньшань.

¹³ Подразумеваются, видимо, пять «жестких» обществ в «Саньхэху»

вкладывается различный смысл. Одни тексты толкуют эту будущую справедливость крайне узко и, можно даже сказать, корыстно как обещание наград (титолов, должностей и пр.) верным сторонникам Мин (т. е. в первую очередь членам тайного общества) после восстановления ее власти:

Если солнце и луна выйдут вместе, восток будет светлым¹⁴.
Если поднимутся миллионы воинов — это герои Хун.
Когда свергнем Цин и восстановим истинного государя Мин,
Преданные и справедливые станут знатыми саповниками
[196, из. 4, 16a]

В руках мы сжмем кинжалы,
Чтобы убить монарха Цин и истребить маньчжуров,
Когда поможем минскому государю войти в золотой дворец,
Братья Хун получат императорские пожалования.
[263, 174]

В других документах ожидаемая после восстановления Мин справедливость трактуется в духе конфуцианского ригоризма:

Драгоценная девятирибусая пагода находится около центра¹⁵.
Основатели стоят друг подле друга многие века.
Вернуть Мин — основной замысел семьи Хун.
Великая Мин повсюду утвердит три связи и пять добродетелей¹⁶.
[196, из. 4, 116, 22a, из. 5, 9a; 263, 102]

Третья группа текстов тайных обществ связывает с восстановлением Мин надежды на общее благо и процветание страны:

¹⁴ Эта фраза имеет, по-видимому, иносказательный смысл. Первая ее часть неоднократно встречается в текстах общества «Сянь-хэуэй» в качестве условного обозначения династии Мин (соединение знаков «солнца» и «луны» образует иероглиф «мин»). Вторая часть, очевидно, представляет собой намек на знамение (красный свет в восточной части неба), которое, согласно некоторым вариантам легенды о происхождении тайного общества, как небесное благословение созрождало церемонию принятия клятвы при создании «Тяньдихуя» [см., например, 196, из. 2, 66]. Таким образом, смысл выражения в целом может быть истолкован примерно так: «Династия Мин покровительствует Небо».

¹⁵ Девятирибусая пагода — один из атрибутов алтаря в помещении «Тяньдихуя». Ее макет ставился с левой стороны алтаря [см. 80, 17; 216, 121; 265, 313; 274, ill 6-th, 313].

¹⁶ «Три связи» и «пять добродетелей» — конфуцианские моральные регламентации. «Три связи» (сянь ган) регулируют взаимоотношения между монархом и подданным, отцом и сыном и мужем и женой; «пять добродетелей» (у чан) — это пять предписываемых конфуцианством основных нравственных качеств «благородного» человека (гуманность, справедливость, пристойность, мудрость и искренность).

Давайте помчимся на лошади в одиночку к пределам Неба¹⁷
Вынесем все лишнее, чтобы защитить будущего государя.
Когда появится истинный император, к нам придет великое
счастье.

Давайте поможем государю Мин взойти на императорский
трон.
[263, 108, 185]

В прошлом из пушек мы убивали чинских солдат,
Но никто не мог истребить героев Хун.
Мы остаемся верны истинному государю Мин.
И когда уничтожим династию Цин, снова
паступит великий расцвет.

Понятие счастливого будущего, которое якобы ожидает страну после восстановления Мин, документы тайных обществ нередко выражают традиционным для идейного арсенала многих предшествовавших народных движений в Китае термином «тайпин», т. е. «великий мир», «великое равенство», или, как чаще принято у нас переводить, «великое благоденствие»¹⁸:

Рис Хун¹⁹ — самый ценный, им саволен Муянчэи,
Он кормит войска названных братьев павильона цветов.

¹⁷ Это выражение, построенное на основе одной из легенд периода Тан, имеет образное, метафорическое значение: немомый пер-
постью и любовью способен достичь невозможного [см. 263, 92, 93,
108].

¹⁸ Происхождение термина «тайпин» как символа справедливого
устройства общества восходит к глубокой древности. Впервые это
понятие было использовано, по-видимому, последователями конфу-
цианского учения. Однако распространение идеи «тайпин» связано
с социальными утониями раннего религиозного даосизма периода
Восточной Хань (25—220 гг. н. э.). Так, пананно-утопические пред-
ставления об идеальном обществе «Великого благоденствия», где
нет богатых и бедных и где господствуют равенство и справедлив-
ность, излагались в приписываемом даосскому проповеднику Юй
Цзи религиозном каноне «Тайпинцзин» (он же — «Тайпин цинли-
ну» — «Книга о полном постижении Великого благоденствия»).
Идея этого утраченного впоследствии сочинения легла в основу од-
ного из первых в истории Китая еретических учений даосского
рода — учения «Тайпиндао» («Путь к Великому благоденствию»)
Чжан Цзяо, которое сыграло мобилизующую роль в подъеме круп-
нейшего в конце периода Хань народного восстания «Желтых по-
вязок» [см. 60, 17—26; 20, 61—65; 13, 343—346; 52, 76—86; 7, 130,
139]. В последующие века идея «тайпин» продолжала сохранять
популярность в народных массах Китая и неоднократно использо-
валась как символ счастливого будущего в ходе борьбы против
феодалного гнета [см. 12, 19, 56, 84, 110 и др.; 170, 8].

¹⁹ Под «рисом Хун» подразумевается, по-видимому, продоволь-
ствие, которое захватывалось в процессе антицинских выступлений
«Тяньдихуа» и шло на снабжение приверженцев тайных обществ
(войск названных братьев павильона цветов). Составивший боль-
шую часть членов тайных обществ разорившийся, голодный лю-

Эта драгоценность должна возвратиться в ведение
государя Мин,
И по всей стране обязательно утвердится великое
благоденствие.
[196, из. 4, 226]

Хороший табак всегда испускает белый дым.
Его белые клубы напоминают драконов.
Истинный дракон²⁰ -- это государь династии Мин.
Под его властью в империи воцарится великий мир.
[80, 54]

Эти весы точны, как небесные звезды милосердны.
В Муяичэне они взвесили точно и ясно,
Что после Цин возвратится династия Мин.
И тогда в стране наступит великое благоденствие²¹.
[263, 44]

Из приведенных примеров видно, насколько разнообразны были толкования тайными обществами идеи «фу Мин». Обещания наград и почестей приверженцам переносились здесь с патристическим призывом восстановления в стране отечественной власти, ратование за окостеневшие конфуцианские догмы соседствовало с имеющими несомненный антифеодальный подтекст утверждениями о приходе всеобщего блага и справедливости. Однако все эти разнородные по содержанию идеалы, отражавшие различные устремления в расплывчатом социальном составе тайных союзов, вкладывались в призыв «фу Мин». Единственным и неперемнным условием их осуществления объявлялась реставрация предшествующей династии.

Вторая часть лозунга («фу Мин»), направленного против существующего режима, была тем не менее обращена назад, в прошлое. Такая ретроспективность позитивной идеи тайных обществ отнюдь не была случайной, исторически беспрецедентной. Напротив, обращение к прошлому для выражения вызова, брошенного настоящему, было характерной чертой многих народных движений допролетарской эпохи в различных странах мира. В феодальном Китае влияние традиции на борьбу народных масс против угнетателей было особенно велико.

рассматривал рис как драгоценность. Это, по нашему мнению, и нашло отражение в данном стихе. Другое толкование термина «рис Хун» дает Шлегель. Он утверждает, что это рис, помещенный на алтаре тайного общества [см. 263, 105].

²⁰ Имеется в виду истинный император.

²¹ Это четверостишие было начертано на весах, являющихся одним из атрибутов алтаря в помещении тайного общества и символизировавших справедливость.

Китайское крестьянство, поднимаясь на восстания, зачастую руководствовалось чуждыми ему по существу традициями господствующих классов. Начиная с восстания Чэнь Шэна и У Гуана в III в. до н. э. немало крупных народных движений в Китае провозглашало восстановление предшествовавших династий и государств в качестве цели борьбы против существующих режимов. Особенно ярко это проявлялось в массовых выступлениях против господствовавших в стране племенных правителей. Так, в начавшемся в 1351 г. антиюаньском восстании, которое возглавляла еретическая секта «Байляньцзяо», ее вожак Хань Шап-туи был объявлен потомком в восьмом колене императора Хуйцзун (1101 - 1125 гг.) предшествующей китайской династии Сун [см. 68, цз. 210, 5719].

Такой же печатью традиции был отмечен и призыв «фу Мин» у тайных союзов и организаций низов периода Цин. Выступая против маньчжурской власти, тайные общества объявляли своей целью реставрацию прошлой и притом свергнутой ранее самим народом феодальной династии²².

То, что идея восстановления Мин оказалась в центре всей патриотической деятельности тайных обществ, было обусловлено рядом конкретных обстоятельств. Во-первых, она зародилась еще на начальном этапе антиманьчжурской борьбы в Китае, проходившем под знаменем последних представителей Минского императорского дома. Иными словами, исторически идея «фу Мин» была непосредственно связана с сопротивлением китайцев маньчжурским захватчикам, на базе которого, как можно утверждать, возникли и сами тайные общества этой группы.

Во-вторых, Минская династия являлась последней пе-

²² Факт свержения императорской власти Мин в ходе крестьянской войны 1628 - 1645 гг. не мог повлиять на формирование проминских позиций тайных обществ, во-первых, потому, что крестьянская война конца Мин непосредственно не затронула юго-восточные приморские районы Китая, где позднее развернулась основная деятельность тайных обществ; в этих районах режим минской власти был уничтожен не восставшим народом, а маньчжурскими захватчиками и их пособниками. Во-вторых, хронологически события крестьянской войны конца Мин были отделены от предположительного времени возникновения «Тяньдихуя» полосой маньчжурского завоевания, которое выдвинуло на первый план задачи патриотической борьбы против чужеземного ига

ред маньчжурским завоеванием страны китайской династией. Поэтому с точки зрения традиции, которой тайные общества как организации феодальной эпохи подкрепляли свои требования, династия Мин более всего подходила для противопоставления маньчжурскому режиму.

Не следует к тому же упускать из виду, что у истоков некоторых тайных обществ, вероятнее всего, стояли реальные сторонники Мин, которые оказывали влияние на их идейный арсенал.

Наконец, в-третьих, нельзя отрицать, что в определенном смысле династия Мин была популярной среди китайского народа: она пришла к власти в результате свержения в Китае ига монгольских правителей широким народным движением, ее создателем и первым императором был выходец из простых крестьян. Хотя эти события были весьма отдалены от времени деятельности тайных союзов, касались лишь возникновения Минской династии и не имели отношения к ее последующей истории, однако с началом антиманьчжурской борьбы они вновь приобрели актуальное звучание и также могли способствовать восприятию призыва к восстановлению Мин.

Перечисленные обстоятельства служили своего рода историческим мостом между реально существовавшей Минской династией и идеей «фу Мин» в пропаганде тайных обществ. Но наличие такого «моста» в какой-то мере объясняет лишь патристическое, антиманьчжурское содержание указанной идеи. Между тем, по толкованию тайных обществ, реставрация императорской власти Мин означала не только избавление от маньчжурского ига, но и утверждение всеобщей справедливости и счастья. Эта трактовка идеи «фу Мин» не имела ничего общего с реальным историческим минским режимом. В ней нашли яркое отражение присущие народным массам феодальной эпохи и воспринятые тайными союзами павлюмонархические иллюзии.

Дух слепой веры в «доброего государя», которого в противоположность монарху Цин символизировал будущий минский император, буквально пропитывает документы тайных обществ. В стихах, повествующих о восстановлении Мин, будущий минский император называется не иначе как «истинный», «справедливый», а иногда даже подчеркивается: «Династия Мин наша

мать» [см. 263, 190]. В связи с этим примечательно, что, заявляя о приходе после восстановления Мин «великого счастья» и «расцвета», тайные общества отнюдь не заботились о сколько-нибудь весомом обосновании этого важного положения. Будущее счастье и процветание под минской властью преподносилось в их стихах и песнях как нечто естественное, само собой разумеющееся:

Когда наступает утро,
Обязательно поднимается светлое солнце.
Когда придет наш государь Мин,
Поднебесная вновь познает радость.

[196. цз. 5, 18a]

Подобная трактовка, рассчитанная исключительно на веру, была навязана стихийными антифеодалными чаяниями народных низов, составлявших основную среду тайных обществ. Однако в силу объективных условий тогдашнего Китая эти надежды выражались в традиционной монархической форме²³. Кроме того, согласно такой трактовке, справедливость и счастье должна была принести народу та самая власть, в несправедливости которой он уже убедился на своем опыте. Эта явная противоречивость с самого начала серьезно ослабляла притягательность идеи восстановления Мин в качестве позитивной программы антицинской борьбы.

В целом, в лозунге «Фань Цин, фу Мин» нашли яркое отражение многие специфические черты антиманьчжурской пропаганды, которая в первой половине XIX в. составляла постоянную и исключительно важную сторону деятельности тайных обществ.

²³ Выдвижение тайными обществами «претендентов» на воображаемый минский трон из числа своих вожakov в данном случае ничего не меняло, ибо народу они представлялись как действительные потомки императорского дома Мин.

В. П. И Л Ю Ш Е Ч К И Н

ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА И ЕРЕТИЧЕСКИЕ СЕКТЫ В КИТАЕ В СЕРЕДИНЕ XIX в.

Середина XIX в. была периодом особенно активной деятельности традиционных тайных обществ и еретических сект в Китае. В 1847—1863 гг. они подняли десятки антиправительственных восстаний в различных провинциях страны. Это было связано с мощным подъемом освободительной борьбы народных масс против феодального гнета и власти маньчжуров в указанные годы, наиболее ярко проявившимся в крестьянской войне тайпинов. Восстания под руководством тайных обществ и сект являлись составной частью освободительной борьбы тех лет и занимали в ней важное место.

Ареной наиболее активной деятельности тайных обществ были провинции Гуанси, Гуандун, Хунань и Аньхуй; еретические секты и рассматриваемый период действовали главным образом в провинциях Гуйчжоу, Хэнань и Шаньдун.

Тайные общества представляли собой законспирированные организации, каждая из которых обычно насчитывала от нескольких сот до нескольких тысяч человек. Имелось общества, объединявшие и значительно большее число людей. Например, в обществах «Хуншэнтан» («Общество величия и победы», руководитель Цяо Лаомао), «Гуаньштан» («Общество величия и справедливости», руководитель Сюй Ин) и «Фунтан» («Общество счастья и справедливости», руководитель Чэнь Синьвань), созданных в 50-х годах соответственно в районах Жунсянь — Лючэн Гунчэн, Пинлэй Шаньзыцзе и Цяньцзянь — Шанлинь на территории провинции Гуанси, насчитывалось в каждом более 10 тыс. человек [см. 191, 39—47]. В общество «Цзиньцзяньхуй» («Союз золотых монет»), действовавшее в уезде Пинъян провин-

ции Чжэцзян в начале 60-х годов, также входило 10 тыс. членов [94, 44], а общество «Ляньытан» («Общество единения и справедливости», руководитель Ян Сп-ань), действовавшее в районе Пинлэй — Шацзыцзе в 50-х годах, объединяло в своих рядах даже более 40 тыс. человек [191, 45]. В начале 60-х годов, по-видимому, несколько десятков тысяч членов объединял союз «Чалиньхуй» («Союз длинных пик») в районе Пусянь — Фаньсянь — Юньчэн (западная часть Шаньдуна). Однако таких крупных организаций насчитывалось очень немного. Большинство организаций имело незначительное число членов. Так, общество, созданное Ли Юньхэ и Лань Чао-дином в 1859 г. в районе Пюпичжай (провинция Юньнань), на первых порах насчитывало в своих рядах всего лишь 40—50 человек [209].

Вследствие глубоко укоренившихся традиций местничества, обусловленных всем укладом жизни китайского феодального общества, тайные союзы являлись, по существу, локальными организациями. Влияние каждого из них распространялось лишь в одном либо в нескольких соседних уездах или районах, а иногда в одном уезде, районе или крупном городе существовало одновременно по несколько различных обществ, которые не были связаны между собой и действовали разрозненно. В частности, в Шанхае в начале 50-х годов действовали разрозненные небольшие тайные организации: «Цинцзиньхуй» («Союз синих повязок»), «Бяньцзяньхуй» («Союз связок монет»), «Байлундан» («Партия ста драконов»), «Нюдан» («Птичья партия»), «Сяодаохуй» («Союз малых мечей») и др. [167, 236]. А в провинции Гуанси в начале 50-х годов в районе Гуйсянь — Сюаньхуа — Усюань известно о четырех тайных союзах: «Дэюаньтан» («Общество достижения первоначального»), «Ляншэнтан» («Общество единения и победы»), «Дашэнтан» («Общество великой победы») и «Ишэнтан» («Общество справедливости и победы»); в районе Янлчжоу известно о трех союзах: «Гуаньитан», «Дашэнтан» и «Циньшэнтан» («Общество благостной победы»); в районе Гуаншуньчжоу — о четырех союзах: «Юншэнтан» («Общество мужества и победы»), «Ляньшэнтан», «Ляньытан» и «Юшэнтан» («Общество дружбы и победы»); в районе Наньин — Чжунчжоу — о пяти союзах: «Ляньшэнтан», «Синьшэнтан» («Общество доверия и победы»), «Чжаншэнтан» («Общество длительной

победы»), «Цзиньтан» («Общество счастья и справедливости») и «Чжуньтан» («Общество преданности и справедливости»); в районе Усюань—Шанлинь—также о пяти союзах: «Цзюиньтан» («Общество решающей победы»), «Туниньтан» («Общество единства и победы»), «Диншэнтан» («Общество утверждения победы»), «Баиньтан» («Общество достижения победы») и «Циньтан» («Общество борьбы за победу») [191, 39—43]. По два-три союза действовали во многих районах провинций Гуанси и Гуандун.

Нередко мелкие тайные организации объединялись. Например, общество «Ляньтан» было создано в 1854 г. на основе слияния мелких обществ «Чжуньтан», «Гуаншоутан» («Общество величия и долголетия»), «Гуньтан» («Общество общей справедливости») и др. В Гуанси отмечено около 40 таких объединений [191, 38—47]. В 1855 г. в районе Пинлэй произошло слияние девяти союзов в единую организацию [191, 46]. Несмотря на разрозненность и отсутствие связей, тайные общества, как правило, имели сходную организацию, сходные уставы и ритуалы, довольно сложные и густо окрашенные религиозной мистикой, и пользовались схожими жаргонами. Вступавшие в организацию давали клятву соблюдать ее устав и ритуалы, не враждовать с другими ее членами, не доносить о ней властям и беспрекословно подчиняться приказам ее руководителей. Однако дисциплина в тайных обществах нередко оставляла желать лучшего.

Неустойчивость и кратковременность существования характерны для большинства тайных обществ. Одни из них после непродолжительной деятельности сливались с соседними организациями, другие, подняв восстание, утрачивали черты конспиративной организации и превращались в открытые вооруженные отряды, к которым мог свободно примкнуть каждый желающий, третьи раскрывались властями и подвергались разгрому. Однако, несмотря на жесточайшие преследования со стороны властей, тайные общества в некоторых провинциях в рассматриваемый период росли как грибы после благоприятных дождей. В частности, в провинции Гуанси, по далеко не полным данным, возникло: в 1850 г. — 19 тайных союзов, в 1851 г. — 15, в 1852 г. — 9, в 1853 г. — 17, в 1854 г. — 44, в 1855 г. — 10 [191, 38—47]. Всего в этой провинции в 1848—1866 гг. действовало более 120

различных тайных обществ [191, 38—47]. Примерно такая же картина наблюдалась в соседней провинции Гуандун.

В рассматриваемый период в северной части Аньхуа разрозненные тайные общества имели одинаковое наименование «нянь» (что означает «союз», «сообщество»), а в северной части Цзянсу и южной части Шаньдун — «фудан» («союзы, носящие повязки на голове»). В Сычуани среди различных тайных обществ, обычно известных в литературе под общим названием «Гэлаохуй» («Союз старших братьев») и насчитывавших в своих рядах 40—50 тыс. членов [см. 153], различались союзы «Хэйбан» («Черные братства») и «Хунбан» («Красные братства»). Первые из них именовались также «Циншуйпаогэ» («Братства чистой воды»), вторые — «Хуншуйпаогэ» («Братства мутной воды»); кроме того, существовали также общества «Яньбан» («Братства опиумных контрабандистов»), члены которых промышляли контрабандной транспортировкой и торговлей отечественным опиумом. А в провинциях, расположенных к югу от р. Янцзы, упоминавшиеся выше многочисленные и разнообразные тайные организации, имевшие различные, а нередко и одинаковые названия¹, чаще всего известны в литературе под общими наименованиями «Тяньдихуй» («Союз неба и земли»), «Саньхэхуй» («Триада»), «Саньдяньхуй» («Союз трех точек») либо «Хунмынхуй» («Союз братства Хун»), что нередко служит основанием для ошибочных заключений о том, будто они составляли единую организацию без руководства, являлись ее «ответвлениями». Авторы [см. 19; 196], придерживающиеся такой точки зрения, почему-то упускают из виду то обстоятельство, что руководство составляет как раз важнейший признак любой массовой политической организации и что без него нет и организации. Забывают они и о том, что создание единой конспиративной организации не только в масштабе всей

¹ Так, в Гуанси 6 разных союзов носили одинаковое название «Дашэнтан», 6 — название «Гуаньтан», 3 — название «Юньтан» («Общество вечной справедливости»), 3 — «Хуншэнтан». В Гуандуне совершенно не связанные между собой общества носили одинаковые наименования «Хуншэнтан», «Хуншунтан» («Общество великого послушания»), «Хуньтан» («Общество великой справедливости») и т. д. В Фуцзяни и Цзянсу имелось несколько разных союзов, носивших одинаковое наименование «Сяодаохуй».

страны, но даже в масштабе какой-либо одной провинции было невозможно в тогдашнем Китае по причинам, указанным выше.

Наиболее влиятельной еретической сектой в провинциях к северу от Янцзы была «Байляньцзяо» («Секта Белого лотоса»). Ее немногочисленные законспирированные общины, в ряде мест уцелевшие после разгрома большинства ее организаций властями в начале XIX в., действовали разобщенно. Пожалуй, наиболее влиятельной из них была община в уезде Коусянь в Шаньдуне. В уезде Цзоусянь той же провинции действовала секта «Вэньсяньцзяо» («Секта начетчиков») во главе с Сун Цзи-пэном, объединявшая в своих рядах, по-видимому, несколько десятков тысяч человек. В провинции Гуйчжоу в 50—60-х годах XIX столетия большой активностью отличалась буддийская еретическая секта «Дэнхуанцзяо» («Секта свечного нагара», или «постников»), насчитывавшая несколько десятков тысяч человек [69, изд. 12, 2], сходная с «Байляньцзяо» по верованиям и ритуалам. Ее законспирированные общины также действовали разобщенно. В 50-х годах «постниками» был поднят ряд вооруженных восстаний.

В отличие от тайных обществ, имевших чисто локальный характер и объединявших людей независимо от их религиозной принадлежности, еретические секты, как правило, распространяли свою деятельность на гораздо более обширные районы, иногда даже на несколько провинций и создавались на основе того или иного отклонения от официальных догматов и организационных форм традиционных для Китая религий. Ересь обычно была оболочкой, под которой скрывались те или иные политические и социальные устремления (например, идея равенства у «Байляньцзяо»).

Интересно отметить, что в районах деятельности тайных обществ, как правило, не имели распространения еретические секты, а в районах деятельности еретических сект обычно не создавались тайные союзы. Объяснение этому обстоятельству, по-видимому, следует искать в том, что те и другие организации, будучи оппозиционны властям, как бы заменяли друг друга.

Тайные общества организовывались как в сельских районах (включая и мелкие города), так и в некоторых крупных городах. По своему социальному составу они подразделялись на три основные категории: 1) смешан-

ные, 2) крестьянские и 3) состоявшие главным образом из деклассированных элементов.

Наибольшее распространение получили смешанные общества. Большинство их членов в деревнях и мелких городах составляли беднота, безземельные и малоземельные крестьяне, рабочий люд, лица, жившие случайными заработками либо лишенные средств существования (нищие, бродяги). Например, в Гуандуне, по словам цинского чиновника Цзэн Ван-яня, автора нескольких реляций о местных тайных обществах, в эти организации вовлекался «невежественный бедный люд, стремящийся к мелким выгодам» [97, 524]. Такое же положение было и в других провинциях. Руководителями многих тайных обществ были выходцы из среды немущих и маломущих, например батрак Лю Ба и лодочники Лян Я-чжан и Лян Пай-ю в Гуанси, странствующий актер Ли Вэнь-моу в Гуандуне, бедные крестьяне Ли Юань-хэ и Лань Чао-дин в Юньнани и многие другие.

В Аньхуе в состав тайных обществ в селах и мелких городах входили также люди, приработывавшие либо промышлявшие контрабандной транспортировкой и торговлей солью, а в Юньнани и Сычуани — общему отечественного производства.

Паряду с беднотой и деклассированными элементами в состав большинства тайных союзов в деревнях и мелких городах входили состоятельные крестьяне, мелкие торговцы, низшие чиновники, а также помещики, оппозиционно настроенные к господству маньчжурской аристократии в Китае, и некоторые представители феодальной интеллигенции, главным образом из числа тех, кто не смог выдержать экзамены на ученую степень либо не сумел получить чиновничью должность. Передко они становились организаторами и руководителями тайных обществ и поднятых этими организациями вооруженных восстаний. Например, видные руководители союзов и вооруженных отрядов «нянь» в Аньхуе Чжан Ло-син, Чжан Цзун-юй и Ли Чжао-шэу были выходцами из мелких помещиков, Сунь Гэн-синь — выходцем из мелких чиновников, а отряды «нянь» в районе Ляньюэня возглавляли члены семьи крупного помещика Се [167, 255]. В Гуандуне во время восстания 1854—1855 гг. тайный союз в уезде Синьхуй возглавлял богатый Чжан Лушэ, активное участие в этих восстаниях принимали некоторые обла-

датели цинских ученых степеней, например цзюйчжэнь Ли Шип-цзинь командовал крупными силами повстанцев [101, 95]². В Гуанси среди руководителей тайных обществ и их вооруженных отрядов были богатый Дэн Син-цзюе, бывший цинский чиновник Лин Я-дун, бывшие командиры отрядов местной самообороны Хуан Цзинь-лян, Хэ Вань, Чжан Гао-ю и др. [191, 55—57, 59—60, 68]. В Хунани известный главарь одного из тайных обществ Цяо Лян (Хун Да-цюань) был выходцем из феодальной интеллигенции. В Чжэцзяне восставшим «красноповязочников» в уезде Дуцинь в 1855 г. руководил торговец Цюй Чжэнь-хань [95, 136]. Во главе общества «Цзинь-цянхуй» в уезде Инчян стоял владелец аптекарской лавки Чжу Сю-сань и содержатель харчевни Шао Ци [9, 1]. Союз «Чанцянхуй» в районе Пусянь — Фаньсян — Юньчэн возглавляли руководители местных отрядов самообороны Ван Лай-фан, Ин Гуан-хэ, Лю Чжан-као, Ван Гуан-цзи и др. В него входили главным образом бойцы и командиры этих отрядов.

Тайные союзы в крупных городах также были разнородны по своему социальному составу. Основную массу их членов составляли всевозможный рабочий люд, лица, жившие случайными заработками, нищие и бродяги. В эти организации входили, кроме того, мелкие торговцы и представители некоторых других сравнительно обеспеченных групп населения. В частности, в шанхайском союзе «Сяодаохуй» едва ли не большую часть членов составляли матросы [104, 559, 608] и мелкие торговцы; его руководителями являлись Лю Ли-чуань — мелкий торговец сладостями, Линь А-фу — мелкий торговец зеленым чаем и Чэнь А-линь, служивший конюхом у богатого англичанина [104, 705]. В отличие от сельских тайных обществ, каждое из которых обычно состояло из уроженцев какого-либо одного уезда или района, шанхайский «Союз малых мечей» объединял в своих рядах выходцев из различных провинций — Гуандуна, Фуцзяни и Чжэцзяна [104, 559].

Число тайных организаций второй категории, т. е. состоявших целиком либо почти целиком из крестьян, было сравнительно невелико. В Гуанси к ним относились

² Там же (стр. 98) сообщается, что, например, среди 500—600 членов тайного союза в районе Пицзышу насчитывалось более десятка обладателей чиновничьих званий.

главным образом союзы «Мифань чжу» («Хозяев еды») и их вооруженные отряды, состоявшие из бедняков, которые питались из общего котла, добывая себе продовольствие, одежду и деньги, грабя богачей. Наиболее известными главарями «Мифань чжу» являлись Ян Сиань (Ян Сю-юань), Вэй Ши-яо, Чжао Гуй-хэ, Хуан Чжао-гуань, Лян Мин-цин, женщина Лин Эр-мэй и др. [191, 33—35]. В Хуанани такими крестьянскими организациями были союзы, руководимые крестьянином Лэй Цзай-хао и арендатором Ли Юань-фа, в Юньнани — союз, созданный бедными крестьянами Ли Юнь-хэ и Лань Чао-дином. К такого же рода организациям следует отнести и общества «Фудан» в северной части Цзянсу и южной части Шаньдун, состоявшие из голодавших крестьян и частично матросов [210, 1].

Число организаций третьей категории, т. е. состоявших целиком либо почти целиком из деклассированных элементов, также было сравнительно невелико. К ним относились, в частности, союзы и отряды бандитов в различных провинциях, организации морских пиратов, союзы и отряды речных пиратов в Гуандуне и Гуанси, действовавших под руководством Чжан Чжао по кличке «Большоголовый баран», Тянь Фаня по кличке «Большой карп», Жэнь Вэнь-бина и других, а также общества опиумных контрабандистов в Сычуани и Юньнани. Среди всех этих организаций особенно многочисленными были союзы и отряды речных пиратов, насчитывавшие порой многие тысячи людей. Они временами держали под своим контролем важные судоходные пути в Гуандуне и Гуанси, грабили города на этих путях и терроризировали население и местную власть. Пиратами становились бывшие матросы, бывшие ополченцы, голодающие крестьяне и бездомный люд.

Переходя к еретическим сектам, нужно сказать, что они имели распространение лишь в сельских местностях и мелких городах и были довольно разнородны по своему социальному составу. Наряду с крестьянами, составлявшими их костяк, в секты входили также мелкие торговцы, рабочий люд, помещики, буддийские монахи и представители феодальной интеллигенции. Так, например, активными деятелями секты «Дэнхуацзяо» в Гуйчжоу были обладатели цинских ученых степеней Мэй Цзи-дин, Сюй Тин-цзе и Ся Чао, монахи Мао Да, Мао Вэй-юань, Мао Ши-фу [205, 7], странствующий пропо-

ведник Лю И-шунь, бывший командир отряда местного ополчения Чжан Бао-шань и др.

Ни у одного из тайных обществ и ни у одной из еретических сект не было сколько-нибудь развернутой и четко сформулированной программы политических и социально-экономических преобразований. Союзы, объединявшие контрабандистов, пиратов, бандитские и прочие деклассированные элементы, вообще не выдвигали политических и социальных требований, поскольку их цели и интересы находились вне политики. Что же касается остальных тайных обществ, а также еретических сект, то можно говорить лишь о лозунгах, в которых они формулировали свои устремления, особенно во время вооруженных восстаний.

Смешанные по своему социальному составу союзы обычно популяризировали традиционные лозунги народных движений эпохи средневековья: «Имеем Неба восстановим справедливость» и «Чиновники угнетают, народ восстает». Их главное требование сводилось к низвержению правящей императорской династии Цинь. Большинство указанных союзов призывало заменить ее некогда низвергнутой китайской императорской династией Мин и потому пропагандировали лозунг «Фань Цинь, фу Мин» («Свергнем Цинь, восстановим Мин»). Под этим лозунгом начинались восстания няньцзюней, «Сяодаохуя» в Шанхае, союзов «Сяодаохуй» и «Хушэньхуй» в Фуцзяни и многих других тайных обществ в Гуандуне, Гуанси, Хунани и некоторых других провинциях, а также восстания еретических сект в Гуйчжоу. Показательно, что верховный руководитель няньцзюней Чжан Ло-син присвоил себе титул «Великого ханьского князя, исполняющего волю династии Мин» [211, 87], главный руководитель восстания общества «Сяодаохуй» в Шанхае Лю Ли-чуань сначала именовал себя «великим полководцем великого минского государства» [104, 6—7], а гуйчжоуские повстанцы-сектанты объявили одного из своих главарей, Чжан Бао-шаня, потомком минских императоров и провозгласили его князем и правителем [71, 220—223].

В 50-х годах в Центральном и Южном Китае распространялось много анонимных воззваний и манифестов, которые приписывались мифическому императору Тянь Дэ («Небесная доблесть») — потомку Минов, различным «полководцам двора великого минского императо-

ра», «командующим силами по усмирению маньчжуров» и даже тайпинам. Однако написаны они были, по-видимому, в большинстве своем деятелями тайных организаций³. В некоторых из этих документов повествовалось о том, как маньчжуры поработили китайский народ, насильственно навязали ему свои обычаи и измываются над ним, а также содержались призывы к борьбе за свержение маньчжурской династии Цин, в других заявлялось о намерении императора Тянь Дэ и его полководцев покарать маньчжуров и продажных чиновников и обеспечить добродетельное правление, в третьих предлагались награды за головы крупных цинских чиновников, в четвертых предписывалось населению сохранять спокойствие, заниматься повседневными делами, оказывать помощь повстанцам и т. д.

Следует отметить, что руководители некоторых тайных обществ, призывая к свержению господства маньчжуров, не выдвигали при этом лозунг восстановления династии Мин. Они предпочитали создавать свои собственные эфемерные династии и государства. Так, например, руководители одного из гуандунских союзов Ху Ю-лу и Чжу Хун-ин основали в 1854 г. в Гуанси эфемерное «Небесное государство восхождения к миру» («Шэн пин тянь го»), руководитель другой гуандунской тайной организации Чэнь Кай создал сначала (в 1854 г. в г. Фошане) династию «Великого спокойствия» («Да пин»), а затем (в 1855 г. в Гуанси) «Государство великих свершений» («Дачэн го») со столицей в г. Сюньчжоу, которое просуществовало до 1860 г. [см. 219]. Передко руководители тех или иных обществ, подняв восстание, провозглашали себя независимыми князьями (ванами).

Что касается социальных и общественно-экономических требований, выдвигавшихся смешанным по своему социальному составу организациями, то они также отличались ограниченностью и отнюдь не предусматривали коренной перестройки основ китайского феодального общества. Провозглашение тех или иных лозунгов опре-

³ Часть их опубликована [см. 91; 89; 90, т. 2, 891 - 899]. Манифесты и воззвания, написанные от имени тайпинов, по в действительности не являющиеся тайпинскими, легко определяются по отсутствию в них тайпинской титулатуры у лиц, от имени которых составлены документы, и датировке не по принятому у тайпинов календарю.

делалось в значительной мере личностью и классово-принадлежностью руководителей данной организации.

Многие тайные общества ограничивались лишь призывами к свержению маньчжурской династии Цин, не предлагая никаких социальных и общественно-экономических требований. Для других союзов были характерны туманные общие призывы к единству и справедливости, вроде «Уничтожить межи с тем, чтобы все жили одной семьей»; «Восемь сторон света составляют мир, все роды должны составлять одну семью»; «Для „Чжунь-итап“ нет больших и малых, оно не обижает ни богатых, ни бедных» [190, 17]. Нетрудно заметить, что некоторые из таких туманных призывов были выгодны фактически лишь для имущих. Третьи выдвигали лозунги, отражавшие интересы немущих и обездоленных. Так, в 1848 г. во время восстания в Гуанси, поднятого одной из подобных организаций во главе с Чжан Цзя-сяном⁴, восставшие сражались под лозунгами: «Бей чиновников и не трогай народа!» и «Оберем богатых, поможем бедным!» [186, 16]. Чжан Цзя-сян обращался к населению с призывом: «Богатые, отдайте деньги! Люди средних слоев, пробудитесь! Простые люди, следуйте за мной! Хорошо вспашем оскудевшие поля!» [186, 16].

В манифестах смешанных тайных обществ и еретических сект во время восстания иногда содержались обещания так или иначе облегчить тяготы населения. Например, Лю Ли-чуань и гуйчжоуские сектанты-повстанцы объявили об отмене налогов с населения на три года после свержения власти маньчжуров в стране [104, 16; 71, 221]. Шанхайские повстанцы, кроме того, запретили торговцам повышать цены на товары [104, 7]. А повстанцы-сектанты в Коусяне (Шаньдун) в 1861 г. захватили хлебные склады и раздали зерно населению.

Восставшие в разных местах, как правило, облагали богачей денежной и продовольственной контрибуцией либо просто грабили их. Так, во время восстания, поднятого обществом «Цзиньцянхуй» в уезде Пингъян провинции Чжэцзян в 1861 г., было ограблено и сожжено более 1700 лавок и домов шэньши и богачей [94, 11]. Такие же массовые грабежи помещиков и богачей по-

⁴ Чжан Цзя-сян вскоре переметнулся на сторону цинских властей и переименовал свое имя на Го-лянь (г. е. «Опора государства»). Он впоследствии принимал активное участие в подавлении тайнистов и погиб в одном из боев с ними в 1860 г.

встанцами наблюдались в Гуандуне, Гуанси, Сычуани и других провинциях. Они вызывались, с одной стороны, стремлением повстанцев обеспечить себя продовольствием и денежными средствами, а с другой — несправедливостью основной их массы к богачам и помещикам.

Подобная социальная направленность особенно характерна для деятельности союзов, состоявших целиком либо почти целиком из крестьянской бедноты. Это хорошо видно, например, из показаний руководителя крестьянского восстания в Хунани в конце 1849 — начале 1850 г. упоминавшегося ранее арендатора Ли Юань-фа. Он сообщал: «В 5-й луне 29-го года правления Даогуана (июль 1849 г. — В. И.) в нашей местности произошло наводнение, зерно сильно подорожало, богачи не хотели продавать его, а уездное начальство не давало приказа о снижении цен и не открывало склады для продажи хлеба по нормальной цене, лишь нищие предоставили беднякам займы небольшое количество зерна. В 8-й луне, после уборки урожая, они стали брать большие проценты за выданное ранее зерно. Беднякам это было не под силу. Тогда я стал подбивать людей не подчиняться, поднять бунт и обобрать богатых... Мы создали тайное общество и решили привлечь в него больше людей, чтобы обирать богатых и помогать бедным» [78, 6]. В ноябре 1849 г. это общество подняло восстание и создало вооруженные отряды, на знаменах которых красовались надписи: «Оберем богатых, поможем бедным!» [78, 7]. Аналогично действовали «Мифань чжу» в Гуанси и некоторые другие крестьянские союзы в различных провинциях. Например, в феврале 1853 г. в уезде Цзяхэ провинции Хунань восставшие члены одного из тайных союзов изъяли движимое имущество у многих местных помещиков и раздали его крестьянам [162, т. I, 224]. Так же поступили отряды Ли Юнь-хэ и Лань Чао-дина в Сычуани. Лишь в одном районе Тулянь они отняли у богачей спрятанные ценности на сумму более 600 тыс. лян и распределили их среди бедноты [153, 10].

Восстания, возглавлявшиеся деятелями тайных обществ и еретических сект, представляли собой во многих отношениях более низкую по сравнению с крестьянской войной тайпинов ступень народного, в основном крестьянского, движения против власти маньчжуров и гнета китайских феодалов, богачей и чиновников. По своей организации, практическим мероприятиям, поли-

тическим и социально-экономическим требованиям повстанцы, руководимые деятелями тайных союзов и еретических сект, несомненно, уступали тайпинам.

Вместе с тем народные восстания под руководством тайных обществ и еретических сект, как уже отмечалось выше, по числу их участников и размерам охваченной ими территории значительно превосходили движение тайпинов. Еще в 1847—1850 гг., накануне крестьянской войны тайпинов, тайные организации в различных местностях Гуандуна, Гуанси и Хунани подняли многочисленные восстания, из которых наиболее крупными были вооруженные выступления под руководством Лэй Цзай-хао, Чжан Цзя-сяна, Ли Юань-фа и Чэнь Я-гуя. К лету 1850 г. повстанческим движением была охвачена большая часть Гуанси. Этот подъем народной вооруженной борьбы подготовил благоприятную почву для крестьянской войны тайпинов, которая, в свою очередь, послужила мощным толчком к еще более широкому разворачиванию деятельности тайных обществ и еретических сект, а также к вооруженным выступлениям национальных меньшинств в провинциях Юньнань и Гуйчжоу. В 1853 г. после захвата тайпинами г. Нанкина наряду с продолжавшимися разрозненными восстаниями тайных союзов в Гуанси, Гуандуне и Хунани стало все более разгораться пламя вооруженной борьбы крестьян в северной части провинции Аньхуй под руководством деятелей тайных обществ «нянь»; эта борьба, в которой временами участвовали несколько сот тысяч крестьян, продолжалась непрерывно в течение последующих 15 лет, доставляя немало тревог и хлопот цинским властям.

В мае 1853 г. общества «Сяодаохуй», «Хунцзяньхуй» в Фуцзяни подняли восстание, в ходе которого повстанцы овладели г. Сямынем (Амос) и владели им в течение пяти месяцев. В сентябре того же года вспыхнуло восстание общества «Сяодаохуй» в Шанхае, продолжавшееся до февраля 1855 г. В 1854 г. народными восстаниями под руководством местных тайных обществ оказалась охвачена едва ли не большая часть территории Гуандуна. Восставшие захватили многие уездные города и подступили к провинциальному центру Гуанчжоу, который они подвергли осаде, длившейся до мая 1855 г. Не сумев одержать решающей победы⁵, они затем ото-

⁵ При подавлении восстаний в Гуандуне в 1854—1855 гг. местные власти казнили свыше 100 тыс. человек.

шли на территорию Гуанси и Хунани, где продолжали борьбу против цинских войск и помещичьих дружин самообороны.

Почти одновременно с подъемом народной вооруженной борьбы в Гуаидуне, осенью 1854 г., деятель секты «Дэнхуацзяо» («постников») в уезде Тунсинь провинции Гуйчжоу Ян Фын (Ян Лун-си) поднял восстание под лозунгами ликвидации тяжелого налогового гнета, быстро распространившееся на соседние уезды. Оно было подавлено через полгода цинскими войсками. Однако в конце 1855 г. деятели этой секты Сюй Тун-цзе и Мэй Цзи-дин подняли новое восстание в округе Тунжэнь той же провинции, организовали отряды «хунхао» («красного знака») и на короткое время захватили окружной центр и ряд уездных городов. Цинские войска к концу 1856 г. подавили и это восстание. Однако в начале 1858 г. в тех же самых районах сектанты-«постники» под руководством Хэ Дэ-шэна, Лю Н-шуня и других создали отряды «хуанхао» («желтого знака») и «байхао» («белого знака»), вновь поднялись на вооруженную борьбу и продолжали ее с переменным успехом вплоть до 1868 г., когда они были разгромлены окончательно.

В 1859-1860 гг. вновь наблюдался подъем массового народного движения под руководством тайных обществ в Гуанси в связи с прибытием туда тайпинских войск во главе с Шн Да-каем. В это время в провинции действовали десятки самостоятельных крупных и мелких отрядов повстанцев общей численностью в несколько сот тысяч человек. Осенью 1859 г. подняли восстание в районе Нюнчжай (северная часть Юньнани) руководители местного тайного общества Ли Юнь-хэ и Тань Чао-дин. Восставшие продвинулись на территорию соседней провинции Сычуань, где количество их выросло до 300 тыс. человек за счет местной крестьянской бедноты и членов «Хэйбан» и «Хунбан». Это восстание распространилось на значительную часть Сычуани и продолжалось до 1863 г. В марте-июле 1861 г. произошло вооруженное восстание крестьян в 12 уездах Шаньдуна, организованное при активном участии «Байляньцзяо» под лозунгами: «Свергнем династию Цин, восстановим династию Мин» и «Побьем богатых, поможем бедным». Почти одновременно начались восстания союзов «Фудан» в южной части Шаньдуна, секты «Вэньсяньцзяо» в уезде Цзоусянь и общества «Чанцяньхуй» в районе Пу-

сянь — Фансянь — Юнчэн с участием многих десятков тысяч крестьян. В мае того же года началось восстание союза «Цзиньцяньхуй» в Чжэнзяне, продолжавшееся более полугода. В августе 1863 г. в Шаньдуне вспыхнуло новое восстание под руководством Сун Цзинши, связанного с «Байляньцзяо», однако оно довольно быстро было подавлено.

Мы перечислили лишь наиболее крупные вооруженные выступления тайных союзов и еретических сект в середине XIX в. и не упоминаем о более мелких, количество которых исчислялось многими десятками. Из всего этого ясно видно, что народное движение под руководством тайных обществ и еретических сект представляло собой в то время весьма внушительную силу. Однако оно оказалось не в состоянии добиться низвержения господства маньчжурской феодальной аристократии и улучшения условий жизни широких народных масс. Это произошло потому, что крестьянская война тайпинов, восстания национальных меньшинств и выступления тайных обществ и еретических сект не слились в единый могучий поток, хотя главную движущую силу всех их составляло одно и то же угнетенное феодальное крестьянство. Земляческие тайные общества и еретические секты с характерным для них преобладанием местных и групповых интересов над общеклассовыми и общенародными действовали разрозненно, несогласованно и, как правило, не стремились объединить свои усилия и сплотиться с гайшимами и восставшими национальными меньшинствами. Руководимые ими повстанческие группы не выходили за рамки чисто локальных целей — уничтожения цинской власти на территории того или иного уезда или округа, самое большее — на территории той или иной провинции, и предпочитали добиваться осуществления этих целей, как правило, в одиночку. Во всем этом сказались исторически обусловленная классовая ограниченность феодального крестьянства и других низов тогдашнего китайского общества, очень низкий уровень их классового и политического самосознания, помешавшие им возвыситься до понимания необходимости единства действий и сплочения всех антиманьчжурских и антифеодальных сил.

Воспользовавшись разобщенностью в лагере повстанцев, цинская реакция смогла подавить одно за другим все народные восстания в то время.

И. Д. БАКШТ

**ОБЗОР ДИСКУССИИ
ОБ ОТРЯДЕ «ЧЕРНЫХ ФЛАГОВ» («ХЭИ ЦИ»)
НА СТРАНИЦАХ ВЬЕТНАМСКОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА**

В 1962 г. журналом «Изучение истории» («Nghiên cứu lịch sử»), издающимся в Ханое, была проведена дискуссия о роли китайского отряда «Черных флагов» и его предводителе Лю Юн-фу в новой истории Вьетнама. В семи номерах журнала (№ 34 - 40) было помещено шесть больших статей, в том числе таких известных историков, как Чан Хюи Миеу (директор Института истории ДРВ), Ван Тана, Данг Хюи Ванг и др. В № 41 представлены в сокращенном виде мнения девяти участников дискуссии по основным вопросам. В № 42 помещены материалы опроса, проведенного по инициативе журнала: запись воспоминаний старожилов о «Черных флагах», сделанная историком Нгуен Ван Пяном.

Напомним кратко историю этого отряда. Наиболее распространенной является версия о том, что отряд «Черных флагов» был одним из отрядов тайпинских войск, перешедших в 1867 г. после разгрома последних на территорию Вьетнама, где оставался в течение 20 лет. После непродолжительной, но ожесточенной борьбы с местными «разбойничьими» отрядами «Бать Миеу» («Белых мео») «Черные флаги» обосновались в верховьях Красной реки, близ г. Лаокая. Они были признаны вьетнамскими властями, глава отряда Лю Юн-фу получил от них титул, а войско — небольшое жалование натурой и деньгами. В дальнейшем отряд «Черных флагов» привлекался властями феодального Вьетнама для проведения карательных операций против «разбойников» в горных районах Северного Вьетнама, для борьбы против войск китайского генерала Ли Ян-цзая, пере-

шедшего в 1878 г. во Вьетнам и поднявшего здесь восстание под лозунгом восстановления династии Ле и т. д. Во время начавшихся французских захватов во Вьетнаме (экспедиция Дюпюи — Гарнье в 1872—1874 гг., а затем война 1882—1885 гг.) «Черные флаги» были привлечены командующим королевской регулярной армией в Северном Вьетнаме Хоанг Та Вьемом для участия в борьбе против начавшегося иноземного завоевания. В течение войны 1882—1885 гг. отряд «Черных флагов» участвовал наряду с вьетнамской регулярной армией, а также введенными во Вьетнам войсками цинского Китая в ряде сражений. Наибольшую известность получили успешные действия отряда «Черных флагов» в 1873 и 1883 гг., когда в результате засад, организованных у местечка Каузэй (Бумажный мост) близ Ханоя, французским отрядам, захватившим ханойскую крепость, был нанесен чувствительный удар; были убиты офицеры Ф. Гарнье и А. Ривьер, возглавлявшие эти военные экспедиции. По условиям франко-китайского Тяньцзиньского договора 1885 г., войска «Черных флагов» были отправлены в Китай. Лю Юн-фу занял там сначала небольшую военную должность в провинции Гуандун, затем был переведен на Тайвань. В 90-х годах и в начале XX в. он продолжал сохранять связи с некоторыми лидерами вьетнамского освободительного движения.

На страницах исторической литературы интерес к положению и действиям отряда «Черных флагов» возник впервые еще во времена начала французских захватов на территории Бак-ки (совр. Бак-бо) в 70-х годах, а особенно в 80-х годах XIX в. Упорная и успешная борьба с захватчиками, а также мятежное происхождение отряда предопределили резко отрицательное отношение к «Черным флагам», проявившееся во французских публикациях как официального характера (*Affaires du Tonkin*), так и в многочисленной военно-мемуарной литературе конца XIX — начала XX в.

В собственно вьетнамской исторической литературе колониального периода вопрос о «Черных флагах» был впервые затронут Нгуен Ван Баном сначала в газете «Бао мой», а затем в выпущенной им в 1941 г. книге «Разбойники Черные флаги» [см. 226]. Следуя трактовке французской литературы колониалистского характера, этот автор расценивает «Черные флаги» лишь как

разбойников, грабивших население тех районов, где располагалось лагерем или проходило это войско.

После августовской революции 1945 г. оценка деятельности этого отряда резко изменилась. Вьетнамские историки Чан Ван Зап [см. 227] и Чан Ван Зау [см. 228], освещая политическую сторону деятельности «Черных флагов», исходили в первую очередь из той активной роли, которую они сыграли в борьбе против французского завоевания. Личность самого Лю Юн-фу освещалась ими с симпатией. В этих книгах Лю Юн-фу охарактеризован как «справедливый и честный командир, типичный представитель боевого союза вьетнамского и китайского народов» [228, 192], как «непокорный крестьянский повстанец, проявлявший великодушие, благородство, бескорыстие» и т. п. [227, 10].

Однако разноречивые оценки продолжали бытовать, как отмечает редакция журнала, и среди масс вьетнамского населения и в кругах творческой интеллигенции. Сам горячий тон полемики в ходе дискуссии не может быть объяснен лишь чисто профессиональным интересом историков. Приводимый в ряде статей материал опросов жителей деревень, исторические песни, бытующие еще по сей день в народе, говорят о том, что общий интерес к этой теме, несмотря на почти 100-летнюю отдаленность от сегодняшнего дня, далеко еще не утрачен, она и до сих пор волнует широкие слои населения.

Нам представляется, что организация дискуссии была вызвана как потребностью чисто научного характера — необходимостью более глубокой и разносторонней разработки конкретного исторического вопроса¹, так и той неизменной актуальностью, которую имеет во Вьетнаме более общий вопрос о вьетнамо-китайских политических связях в различные периоды вьетнамской истории.

Участники дискуссии сосредоточили свое внимание на вопросах, остававшихся недостаточно освещенными в исторической литературе, таких, как изменение социального состава, характер деятельности «Черных флагов» со времени ухода из Китая, цели и побудительные мотивы.

¹ Это было вызвано односторонностью характеристики отряда «Черных флагов», содержащейся в книгах Чан Ван Зау и Чан Ван Запа, а также, как отмечает редакция журнала, отсутствием единства мнений по этому вопросу между вьетнамскими и китайскими историками [см. 333, № 34, 6].

вы их действий во Вьетнаме, отношения с вьетнамскими и цинскими властями, взаимоотношения с населением. Изучение этих проблем позволяет определить направление и степень социально-политической эволюции отряда «Черных флагов», уточнить его место в сложном и бурном периоде истории Вьетнама последней четверти XIX в.

Начавший дискуссию об отряде «Черных флагов» историк Ван Тан [см. 333, № 34, 7—15], пожалуй, единственный из участников обсуждения, довольно подробно остановившийся на периоде пребывания «Черных флагов» в Китае и попытавшийся выяснить вопрос об их тогдашнем социальном составе, идеологической программе и связях с тайпинами. Опираясь на материалы китайских исторических работ, например Се Син-яо [см. 191], он оспаривает распространенное утверждение о принадлежности «Черных флагов» к тайпинам и относит их к одному из вооруженных отрядов многочисленных тайных обществ. Деятельность этих обществ, их вооруженные выступления весьма активизировались в 40—60-х годах в южнокитайских провинциях в связи с ростом феодальной эксплуатации и обнищанием широких масс населения, однако в отличие от тайпинов они, по мнению автора, не имели какой-либо четкой политической программы, «были заражены суевериями, их вооруженные отряды не отличались дисциплиной» [см. 333, № 34, 9]. Со слабостью идеологической программы, с большим числом деклассированных элементов (бродяг) Ван Тан связывает и отпечаток в значительной мере разбойного характера, который был присущ деятельности «Черных флагов» еще в ранний период их пребывания в Китае. Он подкрепляет это признанием самого Лю Юн-фу о составе отряда в этот период: «Солдаты не солдаты, разбойники не разбойники; я опирался на людей, рыскавших в поисках пищи, не имевших ничего, кроме своего тела»². На основании тех же источников Ван Тан утверждает, что после прихода тайпинской армии Шэнь Да-кай³ в Гуанси крупный отряд Го Лан-вана, в который входил тогда Лю Юн-фу, оказал тайпинам вооруженную поддержку, но не слился с ними органи-

² «Рукопись истории жизни Лю Юн-фу», помещенная в «Материалах о франко-китайской войне» [цит. по 333, № 34, 8].

³ Во вьетнамской транскрипции Thach Dat Khai, возможно, Чэнь Кай.

законно и не принял их дисциплины. Те же причины обусловили и непоследовательность поведения этого отряда после разгрома его в 1863 г. цинскими войсками. Одно время остатки отряда были завербованы на службу в войско местного помещика, затем, теснимые цинскими войсками, перешли в 1867 г. во Вьетнам. Все эти факты заставили Ван Тана отнестись с недоверием к высказыванию самого Лю Юн-фу, причислявшего себя к тайпинам⁴, и расценил как преувеличение хвалебные оценки о нем, содержащиеся в указанных выше книгах вьетнамских авторов: «Лю Юн-фу, с одной стороны, возвеличивает себя, с другой — хочет заставить читателя думать, что он сам и «Черные флаги» вышли из армии тайпинов. Истина заключается в том, что «Черные флаги» помогли тайпинам, но не были в составе тайпинской армии. Лю и «Черные флаги» ненавидели цинский режим, но большая часть их, в сущности, была бродягами» [333, № 34, 10].

Однако резкие оценки Ван Тана разделили далеко не все участники дискуссии. Многие усмотрели в них принижение моментов политического характера, политической борьбы, и с этих позиций были сделаны основные критические замечания. Так, Нгуен Ван Кьем и Нгуен Вьет [см. 333, № 41, 15], а также Тыонг Тхау и Минь Хонг [см. 333, № 36, 12, 13], не отрицая самих приведенных Ван Таном фактов, подчеркивают необходимость понимания исторических социальных условий возникновения крестьянских тайных обществ, призывают не забывать, что сама антицинская направленность придавала политическую окраску большинству из них. Дам Суан Линь [см. 333, № 40, 48] в основном согласился с утверждением Ван Тана о том, что «Черные флаги» не входили в состав тайпинской армии. Однако он считает, что тайпины оказали довольно большое влияние на некоторые тайные общества. Буй Ван Чунг, Нгуен Дык Нанг не согласились с положениями статьи Ван Тана. Они считают, что можно доверять высказываниям самого Лю Юн-фу, а также некоторым другим источникам, свидетельствующим, что в числе командиров мелких подразделений могли быть тайпины [см. 333, № 41, 8].

К сожалению, никто из этих историков не привлек

⁴ Это высказывание помещено в приведенном выше автобиографическом очерке Лю Юн-фу, записанном с его слов.

дополнительного материала источников для подкрепления высказанных суждений, так что их участие в обсуждении этого вопроса ограничилось краткими репликами.

Основным достижением дискуссии по этой проблеме пока следует считать саму постановку вьетнамскими историками вопроса о разграничении вооруженных отрядов тайных обществ и тайпинов, о выявлении идеологической стороны деятельности тайных обществ, их социального состава.

Отрицание принадлежности «Черных флагов» к тайпинам и причисление их к тайным обществам с их довольно расплывчатой идеологической программой, смешанным социальным составом⁵ позволили вьетнамским историкам найти весьма обоснованные объяснения многих сторон деятельности «Черных флагов» в период пребывания их во Вьетнаме.

Основное внимание дискуссии было посвящено деятельности «Черных флагов» во Вьетнаме и рассмотрению последующей эволюции этого отряда. Большинство историков различают по крайней мере два периода, во время которых выявились различные тенденции, свойственные этому отряду. Первый, начальный период 60—70-х годов, когда «Черные флаги» определенным образом «легализовали» свое положение во Вьетнаме и установили отношения с вьетнамскими официальными властями, и второй период, 80-е годы, когда наиболее ярко проявлялись антиколониальные настроения Лю Юн-фу и его отряда, активно участвовавшего в освободительной борьбе вьетнамского народа 1882—1885 гг.

Одной из наиболее важных проблем, поднятых на дискуссии, была проблема взаимоотношений отряда «Черных флагов» с населением Вьетнама. Сказалось ли их бунтарское крестьянское происхождение на отношениях с населением той страны, где они находились в течение 20 лет? Нашел ли здесь проявление какой-либо момент классовой солидарности и есть ли основания для прежних оценок этого отряда как «образца крестьянских повстанцев того времени» и т. п.?

Пытаясь привлечь возможно более широкий материал, историки обратились не только к официальным феодальным хроникам, но и к народной памяти — расска-

⁵ Эти черты отмечает и советский исследователь В. П. Илюшечкин [см. 122, 34].

зам, преданиям, песням о «Черных флагах». Предоставление слова народу должно было, по мнению историков, сделать необходимые коррективы в официальных версиях королевских хроник и высказываниях цинских властей.

Как уже говорилось, историком Нгуен Ван Пяном был проведен опрос жителей тех сел близ Ханоя, где не раз располагались лагерем части отряда «Черных флагов» [см. 333, № 42, 26—29]. Довольно много такого рода свидетельств содержится и в статье Ван Тана. Все они говорят о том, что действиям «Черных флагов» по отношению к сельскому населению Бак-ки как в 60-е, так и в 80-е годы были свойственны методы грабежа и жестокости (нередки случаи убийств, и даже массовых).

В статье Ван Тана [см. 333, № 34, 13] приводятся тексты двух народных песен, сходных по содержанию (одна записана в селе Кот близ Ханоя, другая — в провинции Тхань-хоа). Вот что говорится в первой из них об этом отряде:

Черные флаги и Желтые флаги
Заставили плакать и жаловаться сотни семей.
Раньше они под видом защиты превратили нас в рабов,
Теперь сразу покинули нас!
Разграбили сожженные дома,
Насилуют наших жен, требуют в услужение наших детей...

Ван Тан приводит рассказ старожилы из провинции Тхай-нгуйен об убийстве небольшим отрядом «Черных флагов» жителей уезда Во-ияй, укрывшихся при их приближении в пещере (эпизод относится к 80-м годам), а также данные феодальной хроники «*Dai — Nam thú's luc chình biên*» («Истинная история Великого Вьетнама») об убийстве этим отрядом более тысячи человек из селения под Бакнинем, отказавшихся впустить их на ночлег, а также об убийстве в провинции Тюйен-куанг должностного лица. В рассказах стариков — жителей сел Нгпа-ло, Кот, Ко-нюэ, расположенных близ Ханоя [см. 333, № 42, 26—29], неизменно говорится о страхе, который испытывали жители при приближении этого отряда, о его грабежах, насилиях и убийствах.

Все эти факты, по мнению Ван Тана, не дают оснований говорить о существовании контакта между «Черными флагами» и вьетнамским населением, о каком бы то ни было проявлении классовой и межнациональной солидарности.

«Во время пребывания во Вьетнаме Лю Юн-фу и „Черные флаги“ совершали действия, показывающие, что они не были „образцом крестьянских повстанцев того времени“», — пишет он, считая эти явления обычными для периода упадка крестьянских движений [333, № 34, 15]. К такой оценке этой социальной стороны деятельности отряда «Черных флагов» присоединилось большинство участников обсуждения (историки Чан Хюи Лиеу, То Минь Чунг, Нгуен Ван Кием, Нгуен Вьет)⁶, Тьонг Тхау и Минь Хонг в своей статье [см. 333, № 36, 13] обращают при этом внимание и на то, что подобные действия «Черных флагов» связаны с изменением их социального состава, которое началось еще в Китае, а именно с пополнением этого отряда бродягами и профессиональными разбойниками. Однако они призывают отнестись более осторожно к обвинениям в их адрес, указывая и на вынужденный в известной мере характер их грабежей (королевское жалование, выдаваемое этому отряду за охрану занимаемых ими районов, было слишком незначительным) и на то, что поборы и грабежи были обычным явлением в то время, ими занимался не только этот отряд, но и королевские регулярные войска и части китайских войск, расквартированные в некоторых вьетнамских городах, не говоря уже о многочисленных местных вооруженных грабительских группах.

Даг Хюи Ван и Дам Суан Линь предостерегают от поспешных обобщений и настаивают на тщательной проверке сведений, бытующих среди населения, которое могло либо приписать им жестокости, совершаемые другими, либо превратно истолковать мотивы их действий. Так, по мнению Даг Хюи Вана, нет оснований доверять одной из легенд, приводимой в статье Ван Тана, присланной из провинции Тхань-хоа, так как, насколько известно, отряд «Черных флагов» там никогда не был. Неубедительным он считает и другой пример — об убийстве должностных лиц, которое могло произойти по политическим мотивам. Даг Хюи Ван призывает также обратить внимание и на положительные свидетельства, дошедшие до нас. Он приводит, в частности, следующие

⁶ Нгуен Ван Киём и Нгуен Вьет, в частности, пишут в своей статье: «Действия Лю Юн-фу лишь усиливали тяготы крестьян, разрушали производительные силы общества, противоречили интересам народа» [см. 333, № 41, 16].

слова цинского чиновника Тан Цзин-суна о «Черных флагах»: «Когда приходит отряд Лю, солдаты дисциплинированны... в строю не шумят. Когда отряд проходит рынок, народ приветствует его — пришла армия генерала Лю». Подобное мнение сложилось и у Нгуен Куанг Битя, бывшего в то время губернатором района, где обосновались «Черные флаги», а затем возглавившего антифранцузскую борьбу в Северном Вьетнаме: «Куда бы ни приходил Лю с отрядом, в котором уважали дисциплину, везде становилось оживленно». Поэтому, заключает Данг Хюи Ван, хотя и следует признать обоснованность многих обвинений в грабежах и жестокостях, но все же нет оснований говорить о полном перерождении «Черных флагов» в профессионально-разбойничий отряд; поведение их во время французского завоевания было бы явно необъяснимо с таких позиций [см. 333, № 37, 18].

Лишь один из участников обсуждения, Ву Фам Хоанг, попытался придать действиям «Черных флагов» характер классовой борьбы, основываясь на нападениях «Черных флагов» на богачей как в период пребывания в Китае, так и позднее [см. 333, № 41, 9].

Довольно резко отнесся к попыткам смягчения оценок этих действий «Черных флагов» известный историк Чан Хюи Лиену [см. 333, № 42, 21—25]. Называя вопрос об отношениях с населением одним из наиболее важных, он призывает прислушиваться к народной оценке, дошедшей до нас из глубины столетия и опирающейся на слишком многочисленные свидетельства, чтобы можно было ею пренебречь. «Вряд ли, — возражает он Ву Фам Хоангу, — стоит уменьшать их ответственность перед народом и смягчать вину, приписывая их действиям классовый характер, когда для такой оценки нет оснований». Подобные оценки он назвал антиисторическими [333, № 42, 25]. Изменения в классовом составе и связанные с этим изменения в характере деятельности крестьянских повстанческих отрядов в сторону распространения отрицательных явлений, подчеркнул Чан Хюи Лиену, относятся к числу закономерностей крестьянских движений в эпоху их поражения, упадка (при отсутствии положительной идеологической программы и правильного руководства).

При всей возможной справедливости критических замечаний относительно отдельных примеров, приведен-

ных Ван Таном, материалы и свидетельства в целом, на наш взгляд, вполне убедительно вскрыли обособленность отряда «Черных флагов» от широких слоев населения, особенно ярко проявившуюся в период до начала французского вторжения. Интересно отметить, что в исходной позиции Ван Тана при освещении деятельности «Черных флагов» в Китае и ряда авторов в вопросе об отношении «Черных флагов» с населением Вьетнама общим является признание того, что грабительский характер действий данного отряда по отношению к широким слоям крестьянства является не менее значительным явлением, чем их антифеодальная и даже антифеодалная борьба. Многие авторы говорят в связи с этим об ограниченности крестьянских повстанческих движений в эпоху феодализма.

Вопрос о характере взаимоотношений «Черных флагов» с вьетнамскими и китайскими властями в 70—80-х годах явился, по мнению участников дискуссии, одним из важных критериев при определении политического лица этого отряда. В статьях ряда авторов прослеживаются основные вехи из истории этих взаимоотношений. После утверждения «Черных флагов» на территории Вьетнама королевский двор Вьетнама за заслуги в борьбе с «разбойниками» пожаловал Лю Юн-фу титул 7-й степени, отряд получил официальное разрешение разместиться в районе Бао-тханг, где должен был нести военную охрану, получил также право собирать налоги с торговых лодок, проходящих по Красной реке. Впоследствии один из командиров «Черных флагов» добился права сбора соляного налога в Ха-занге. Нгуеновский двор высоко ценил участие «Черных флагов» в карательных экспедициях как против враждовавшего с ним отряда «Желтых флагов»⁷, так и против вторгавшихся китайских вооруженных групп, а в 80-е годы — в борьбе против французского завоевания. За эту помощь Лю Юн-фу, которому уже во время войны был пожалован титул 2-й степени, получил должность помощника главнокомандующего войсками района Там-туйен.

Верная служба феодальной монархии как способ обеспечения средств существования, так же как и субъективные стремления Лю Юн-фу наладить отношения

⁷ Есть мнения, что отряд «Желтых флагов» выделился из числа «Черных флагов».

с вьетнамскими властями⁸, отнюдь не говорит, но довольно единодушному мнению участников дискуссии, о наличии какой-либо антифеодальной направленности «Черных флагов». Об этом же свидетельствует и отсутствие у них каких бы то ни было попыток возобновления антикитайской борьбы, о чем пишет Даиг Хюи Ван: «Когда Лю Юн-фу пришел во Вьетнам, он и не думал восстановить свои силы и возвратиться в Китай, чтобы продолжать борьбу против Цинов, а хотел обрести прочную постоянную базу и поэтому помогал Нгуенам подавлять разбойников» [333, № 37, 17]. Чан Хюи Лиену, Ван Тан и Ле Ван Минь указывают в связи с этим на начало процесса феодализации отряда «Черных флагов», понимаемой не как перерождение их в земельных собственников, а как приобщение к государственно-феодальному аппарату королевского Вьетнама. Вследствие этого положение отряда «Черных флагов» в общей системе феодального Вьетнама определяется Нгуен Нок Ланом как «военная единица по сбору налогов в своих целях, вассал центрального правительства» [333, № 41, 12], а Нгуен Ван Кином и Нгуен Вьетом как «чиновник центрального правительства, искавший в грабежах дополнительные средства к существованию» [333, № 41, 17]. Чан Хюи Лиену, поддерживая положение о феодализации этого отряда, подчеркивает, однако, незавершенность этого процесса, что находит подтверждение в достаточно явной, на его взгляд, организационной и военной самостоятельности «Черных флагов». «Отряд его (Лю Юн-фу. — И. Б.) занимался не только сбором налогов, — пишет он, — а был в первую очередь военным отрядом» [333, № 42, 23]⁹.

Оценки некоторых историков, например Ву Фам Хонга, считавшего, что Лю Юн-фу принял должности от двора Нгуенов «ради справедливости, любви, гуманности, так как в это время Вьетнам и Китай имели одного общего врага» [см. 333, № 41, 10], вызвали упреки в упрощении и прямом противоречии историческим фактам, так как об этих мотивах можно говорить лишь применительно к более позднему времени. Так, Ле Ван

⁸ Чан Хюи Лиену и Тьонг Тхау придают в своих статьях указания Лю Юн-фу с выражением благодарности двору за пожалованные должности и титулы [см. 333, № 42, 22; 333, № 36, 11].

⁹ Таково мнение и Ле Ван Мина, определяющего «Черных флагов» как «военный феодальный отряд, состоявший из разнородных элементов, носителей различной идеологии» [333, № 41, 16].

Минь, возражая Ву Фам Хоангу, говорит, что Лю Юн-фу до начала борьбы с французами «руководствовался своими интересами и защитой интересов двора Хюэ, к которому ренитывал благодарность» [333, № 41, 10]. В своей оценке Ван Тан также подчеркивает взаимную заинтересованность Лю Юн-фу и властей феодального Вьетнама в сотрудничестве. «В своих действиях Лю шел вместе с династией Нгуенов, последняя, желая укрепить свое господство, использовала его, чтобы разгромить разбойников», пишет он, определяя положение «Черных флагов» как «наемников» [333, № 34, 11, 15].

Думается, что вряд ли можно согласиться с оценками, преувеличивающими степень слияния «Черных флагов» с государственно-феодальным аппаратом Вьетнама. Нам представляется, что положение «Черных флагов» по отношению к вьетнамской центральной власти к 80-м годам стало напоминать положение местных национальных меньшинств и их вождей, сочетавших большую или меньшую степень автономии при управлении своими районами с определенными обязательствами по отношению к центральной королевской власти.

Что касается взаимоотношений Лю Юн-фу с властями цинского Китая, то они сохранили отпечаток классовой вражды. Со стороны последних недоверие к вчерашним повстанцам и стремление ослабить их любым путем доминировало, пожалуй, в течение всего периода военных действий (1882-1885 гг.). Один из ярких примеров такого отношения приводят в своей статье Тьюинг Тхау и Минь Хонг, цитируя слова губернатора Сычуани Динь Бао-цзиня, который писал, что «„Черные флаги“ помогают нам. Это еще один враг для Франции. Если этот „враг“ победит, то Вьетнам будет нам благодарен за помощь... Если этот „враг“ будет разбит Францией, то незаметно будет ликвидировано без нашей помощи большое бедствие для Китая» [333, № 36, 11]. Историк Данг Хюи Ван приводит примеры того, как цинские власти и нгуеновский двор ограничивали военную активность «Черных флагов» во время развернувшейся войны, сокращали количество находившегося в их распоряжении огнестрельного оружия и военных припасов, выплату денежного жалованья, натурального довольствия, посылали о них в Пекин недоброжелательные отзывы и т. п. [см. 333, № 37, 16—17].

В то же время Ле Ван Минь [см. 333, № 41, 20] и Чан

Хюи Лиеу [см. 333, № 42, 23] обращают внимание на попытку цинских элителей использовать «Черные флаги» в своих политических целях -- для упрочения власти Китая над Вьетнамом как давней страны-сюзерена, к этому времени уже значительно утратившей свою власть над «вассалом». «Цинские феодалы тоже не исходили из добрых намерений. -- пишет в связи с этим Ле Ван Минь, -- для них наша страна была вассалом, которому они должны были помогать и хотели воспользоваться случаем, чтобы вмешаться во внутренние дела Вьетнама». Историки Тьонг Тхау и Минь Хонг [см. 333, № 36, 11] описывают любопытный факт: в 1882 г. военачальник Гуандуна -- Гуанси Тан Цзин-сун решил воспользоваться замешательством, царившим в это время среди вьетнамских властей в связи с захватом французским отрядом ханойской крепости. Он предложил Лю Юн-фу захватить вьетнамский престол, обещая при этом помощь со стороны Китая. Авторы статьи приводят и ответ Лю Юн-фу, отказавшегося поддержать эти планы. Это свидетельствовало о своеобразной честности и последовательности его поведения по отношению к вьетнамскому двору и иллюстрировало положение, занимаемое его отрядом во Вьетнаме: «Подданный короля, я должен буду его обмануть, этого делать нельзя, к тому же я благодарен Вьетнаму, как же я могу поднимать бунт?».

Однако, и это отмечают многие историки, эволюция отношений «Черных флагов» с вьетнамскими властями сказалась в конечном итоге и в отношениях со своими прежними классовыми врагами -- цинскими чиновниками и с цинским режимом в целом. Это выразилось, как отмечает Чан Хюи Лиеу, в принятии Лю Юн-фу китайских должностей и чиновных степеней еще в период войны, в отводе части отряда на территорию Китая после окончания войны в 1885 г. и отказе Лю Юн-фу от прямого участия в продолжавшейся патриотической борьбе во Вьетнаме [см. 333, № 42, 24]. Данг Хюи Ван приводит свидетельства о том, что Лю Юн-фу выражал благодарность цинским властям за пожалованные должности, которые рассматривались им как официальное признание его последними [см. 333, № 37, 17]. Во всем этом многие участники спора видят подтверждение того процесса феодализации, о котором говорилось выше, -- процесса классового перерождения, утери боевого крестьян-

ского повстанческого духа и т. п. Такая оценка нашла отражение в статьях Ван Тана [см. 333, № 34, 15], До Тхиена [см. 333, № 41, 12], Хо Хыу Фыока [см. 333, № 41, 15], Ле Ван Миня [см. 333, № 41, 19], Чан Хюи Лису [см. 333, № 42, 25] и др. Нам представляется, что, конечно, нет оснований говорить о наличии антицинской направленности во взглядах самого Лю Юн-фу в этот период, но в то же время не следует забывать о прежних антагонизмах с цинским режимом, которые отразились как в личных взаимоотношениях между ним и китайскими чиновниками, так и в вынужденном характере ухода отряда из Вьетнама [см. 333, № 42, 24]. Немалую роль в этом сыграло не столько желание цинских властей, сколько давление со стороны Франции.

Что касается оценки второго периода пребывания «Черных флагов» во Вьетнаме, то здесь участники дискуссии были единодушны в признании военных заслуг этого отряда во время развернувшейся борьбы против французского завоевания в 1882–1885 гг. Большинство из них уделяют большое внимание этой активной, положительной стороне деятельности «Черных флагов», благодаря которой они, собственно говоря, и вошли в историю Вьетнама этого периода. Победы над французскими отрядами Гарнье в 1873 г. и Ривьера в 1883 г. расцениваются Ван Таном как «имевшие большое влияние на состояние духа вьетнамской армии и народа» [333, № 34, 11]. Данг Хюи Ван обращает внимание на военную активность «Черных флагов» на всем протяжении военных действий в течение трех лет [см. 333, № 37, 15]. Тьонг Тхау и Минь Хонг подчеркивают особое значение их успехов в условиях пассивной политики королевского двора Нгуенов, поражений королевской регулярной армии, неравенства военных сил, недостаточной активности китайских войск в то время [см. 333, № 36, 9, 14]. Они приводят высказывания цинских военачальников и признания французских военных властей о боевых качествах этого отряда — активности, храбрости военачальников и полководческом даре самого Лю Юн-фу, умевшего прекрасно использовать выгодные для себя условия местности, привычную тактику. В своей статье До Тхиен [333, № 41, 13–14] отмечает и рост престижа «Черных флагов» в глазах населения, что нашло свое выражение в обращении к Лю Юн-фу за помощью со стороны патристически настроенной группы феодальной

интеллигенции в Ханое, собравшей местное ополчение (автор приводит текст этого обращения).

Наконец, и с этим согласились все участники дискуссии, сам Лю Юн-фу сыграл немалую роль в той активной позиции, которую заняли «Черные флаги» во время французского вторжения. Многие отмечают как характерную черту Лю Юн-фу его ярко выраженные антиколониальные настроения, понимание истинных целей вторгшихся чужеземцев в войне, начавшейся под лозунгами установления французского «протектората». Показательны в этом отношении его содействия и дружеские связи с некоторыми лидерами вьетнамского освободительного движения конца XIX — начала XX в., так же как и его патриотическая позиция в 1894 г. во время японо-китайской войны. Авторы некоторых статей напоминают положительные отзывы о боевых делах Лю Юн-фу со стороны людей, возглавлявших повстанческую антифранцузскую борьбу в Тонкине в 80—90-х годах (Нгуен Куанг Бить, Нгуен Тхьен Тхуат), а также лидера вьетнамского национально-освободительного движения начала XX в. Фан Бой Тяу.

Однако мнения по вопросу о мотивах антифранцузской позиции Лю Юн-фу существенно разделились. Некоторые участники дискуссии считают побудительным мотивом осознание им общности целей Вьетнама и Китая в борьбе против иноземного завоевания [см. 333, № 36, 8; 333, № 41, 9]. Большинство же (в том числе и Чан Хюи Лнеу) возражают против такого определения, считая это осовремениванием. Опираясь на высказывания самого Лю Юн-фу (призыв к войску «Черных флагов»), они убедительно доказывают, что взгляды и цели Лю Юн-фу не выходили за рамки феодально-конфуцианских норм поведения подданного по отношению к монарху (в данном случае по отношению к нгуеновскому двору и цинскому императору)¹⁰ и смыкались в конечном итоге с позицией большинства цинских сановников по отношению к Вьетнаму. Последние же не только выступали с позиций «защитить Китай, защищая Вьетнам»,

¹⁰ «Командующий [Лю] лишь воин на границе Среднего государства, придя во Вьетнам, получил от вьетнамского короля военную милость, ему было доверено тяжелое и ответственное дело. [Он] особенно благодарен также великому императору Китая за доверие в [этой] серьезной миссии...» (из клятвы Лю Юн-фу перед войском) [333, № 37, 17].

но и делали уступки Франции за счет Вьетнама (отсюда и та непоследовательность поведения Лю Юн-фу, которая отмечалась выше). Чан Хюи Лиену цитирует те высказывания Лю Юн-фу, где он без обиняков называет Вьетнам, как и в древние времена, прямым вассалом Китая [см. 333, № 42, 23]. Нгуен Ван Киём, Нгуен Вьет [см. 333, № 41, 17] и Ле Ван Минь [см. 333, № 41, 20] считают, что «Черные флаги» лишь защищали собственный район, собственные интересы, поставленные под угрозу в связи с французским нашествием. Вряд ли правильно, на наш взгляд, противопоставлять одни резоны другим. Представляется вполне возможным сочетание разного рода соображений у такой сложной исторической личности, каким был Лю Юн-фу, прошедший значительную эволюцию от руководителя повстанческой группы до чиновника в цинском Китае.

Разноречивость по многим затронутым в ходе обсуждения вопросам сказалась и на итоговых оценках «Черных флагов», особенно по вопросу о том, считать или не считать Лю Юн-фу выразителем духа боевой дружбы между китайским и вьетнамским народами в то время. Ван Тан и некоторые поддерживавшие его историки не сочли эту формулу достаточно обоснованной, другие считают ее приемлемой, хотя и с большими оговорками, указывая на стихийное, а не сознательное ее проявление, на неизбежные моменты ограниченности и т. п.

Как бы то ни было, материалы дискуссии достаточно разносторонне осветили деятельность отряда «Черных флагов» и его роль, были затронуты попутно некоторые специфические моменты национально-освободительной борьбы во Вьетнаме. Нам представляется также, что дискуссия дает материал для размышлений об общих проблемах эволюции крестьянских движений.

Н. М. КАЛЮЖНАЯ

О ХАРАКТЕРЕ ТАЙНОГО СОЮЗА «ИХЭТУАНЬ»

Активизация деятельности иностранных держав в Китае, перешедших в конце XIX в. к прямому захвату китайской территории под видом «аренды» и «сфер влияния» и рост экономического проникновения Запада, следствием которого было усиление эксплуатации и разорение отдельных категорий трудящихся, вызывали в стране всеобщее возмущение. Результатом этого возмущения явилось мощное антиимпериалистическое выступление в Китае — восстание ихэтуаней, приведшее к войне Китая с империалистическими державами, которая закончилась поражением Китая и подписанием унижающего «Заключительного протокола», закреплявшего полуколониальное положение страны.

Восстанию ихэтуаней были присущи многие черты тех выступлений, которые В. И. Ленин относил к категории «старых китайских бунтов» [3, 179]. Во главе этого движения, что было традиционным для Китая, стоял тайный религиозный союз — «Ихэтуань» («Отряды справедливости и мира»)¹. Очевидцы восстания именуют его по-разному. Наиболее распространенное название — «Ихэцюань» («Кулак во имя справедливости и мира»). Известны также названия «Дацюань» («Большой кулак»), «Шэньцюань» («Священный кулак»), «Хунцюань» («Красный кулак»). Так, начальник уезда Пинъюань Цзян Кай писал в своих мемуарах, что в августе 1899 г. он получил официальную бумагу от губернатора

¹ Из известных нам письменных источников это название впервые употребил губернатор провинции Шаньдун Чжан Жу-мэй в своей докладной записке на высочайшее имя от 30 июня 1898 г. [см. 75, т. I, 14].

провинции Шаньдун Юй Сяня, в которой было сказано, что «Ихэцюань» — это союз «Хунцюань» [см. 72, т. 1, 355]. Сам Цзян Кай отождествлял союз «Ихэтуань» с союзом «Дадао» («Союз больших мечей») [см. 72, т. 1, 354]. В совместном докладе чиновников Хун Юн-чжоу (начальник области Дуичан) и Цас Ти (начальник уезда Гуаньсянь), поданном на имя губернатора провинции Шаньдун Чжан Жу-мэя, сообщалось, что союз «Ихэтуань» одно время именовался «Мэйхуацюань» («Кулак мэйхуа»²) [см. 75, т. 1, 15]. Они же утверждали, что союз именуется еще и «Ниньхуй» («Союз справедливых») [см. 75, т. 1, 15]. Такое обилие наименований, на наш взгляд, объясняется тем, что название «Ихэтуань» было собирательным для ряда сект и союзов, выступавших в этот период в одном русле антииностранной борьбы; костяком этого союза, видимо, являлась секта «Ихэцюань». К союзу «Ихэтуань» примыкали секты «Хундэнчжао» («Красная лампа») — организация женщин [со всеми ответвлениями — «Хэйдэнчжао» («Черная лампа»), «Ланьдэнчжао» («Голубая лампа») и др.], «Шагохуй» («Союз начищенных котлов») и др.

История идеологии, обрядов и организационных форм «Ихэцюаня» уходит в глубь веков. Первое упоминание об упражнениях в приемах кулачного боя содержалось в указе императора Юнчжэна (1727 г.), где говорилось, что «издавна довольно часто встречались люди, использовавшие приемы кулачного боя (цюань бан) и называвшие себя наставниками», и приказывалось «строго-настрога запретить приемы кулачного боя» [72, т. IV, 123]. На основании этого указа трудно утверждать, что имелся в виду именно союз «Ихэцюань», ибо физическими упражнениями, в которые входили приемы кулачного боя, видимо, занимались различные союзы. В императорском указе 4 сентября 1808 г. встречается название «Ихэцюань»: «...в последние дни на территории Цзяннани — в областях Инчжоу, Бочжоу, Сюйчжоу, в провинции Хэнань — в области Гуйдэ, а также в провинции Шаньдун — в областях Цаочжоу, Ичжоу и Яньчжоу участились случаи массовых сборов бездельников и хулиганов, вооруженных пожами. Они создали союзы под названием „Шуньдаохуй“ („Общество разящего меча“),

² Мэйхуа — цветок японского абрикоса, плоды которого напоминают сливу.

„Хувэйбянь“ („Плетка из хвоста тигра“), „Ихэцюань“, „Багуацзяо“ („Учение о восьми триграммах“) и бесчинствуют в сельских местностях, обижая порядочных людей». В указе содержалось предписание наказывать участников союзов [72, т. 4, 123–124].

Исполняя императорский указ, местные власти выявляли и отдавали под суд представителей тайных союзов. Согласно донесению наместника столичной провинции Чжилл На Янь-чэна, в провинции до 1815 г. (год, когда наместник подал свое донесение) состоялось три суда по делу членов секты «Ихэмэнь» («Секта справедливости в мире»). По данным того же сановника, союз «Ихэмэнь» являлся ответвлением общества «Лигуацзяо» («Учение о триграмме Ли») [см. 63, 131], в свою очередь отпочковавшегося от старинной еретической секты «Байляныцзяо» («Учение о Белом лотосе»).

Начальник уезда Уцяо провинции Чжилл Лао Найсюань, который в 1899 г. подал на имя наместника провинции специальную записку «Исследование происхождения секты „Ихэцюань“», отождествлял секту «Ихэмэнь» с сектой «Ихэцюань», о которой говорилось в указе 1808 г. (хотя вполне допустимо, что это были разные секты), а затем сделал вывод, что секта «Ихэцюань», действовавшая в начале XIX в., — это та же самая организация, что и «Ихэтуань», выступавшая в конце века, и что, следовательно, основная ее цель, поскольку она является преемницей «Байляныцзяо», учинить антиправительственную смуту [см. 63, 133–134]. Эта концепция об идентичности союзов «Ихэтуань» и «Ихэцюань» была подхвачена многими современниками восстания, противниками союза правительства с ихэтуанями [см. 72, т. 1, 47–55, 353–362; т. 4, 443–445]. Она проникла и в современную историческую литературу [см. 150; 207; 259; 43 и др.].

Источники свидетельствуют, что союз «Ихэтуань» отличался от союза «Ихэцюань» начала века. После донесения На Янь-чэна свыше 80 лет в источниках не встречается названия «Ихэцюань», и лишь в 1898 г. начинает действовать союз с аналогичным названием. Длительный срок, разделявший деятельность союзов, позволяет усомниться в их идентичности. Главное же состоит в том, что, унаследовав, как уже отмечалось выше, традиционные формы организации, обрядов и некоторых сторон идеологии старинных тайных союзов, «Ихэтуань»

с самого начала провозгласил свою, отличную от «Ихэ-цуюнь» первого десятилетия XIX в. политическую программу. Антииностранная, главным образом антихристианская, деятельность членов союза в начале движения, провозглашение процинских лозунгов³, открытый союз с правительством Цыси на определенном этапе — все это ставит под сомнение унаследование союзом «Ихэ-туань», во всяком случае значительной частью его членов, идей общества «Байляньцзяо», а также связь ихэтуаней с этой сектой. Сами ихэтуани в ответ на обвинение их в причастности к «Байляньцзяо» заявляли: «Наша вера — не ересь и не учение „Байлянь“» [73, 18]. Чтобы убедить в этом правительство и население, они несколько раз выдавали чиновникам лиц, обвиненных ими в связях с «Байляньцзяо». Так, современник восстания Юнь Юйдин в своих мемуарах сообщал, что ихэтуани «схватили спешивших на базар крестьян более семидесяти человек... и, выдав за последователей секты «Байляньцзяо», отправили в министерство наказаний» [72, т. 1, 50; 166, 24, 26].

Остановимся теперь на организационных, обрядовых формах союза «Ихэтуань» и некоторых сторонах его идеологии. «Ихэтуань», как уже говорилось, — тайная религиозная организация, члены которой исповедовали элементы всех трех видов религии, сосуществовавших в Китае, — конфуцианства, буддизма, даосизма. В прокламации, имевшей хождение под Пекином, повстанцы так раскрывали сущность своей веры: «„Ихэтуань“ — это союз, в котором „и“ означает гуманность, а „хэ“ — сдержанность (как известно, „и“ и „хэ“ — это конфуцианские добродетели. — Н. К.)... В этом союзе почитается буддизм...» [72, т. 4, 148]. Повстанцы неоднократно в прокламациях обращались к так называемому предку Люй [см. 73, 8], по-видимому Люй Тун-бину (жил в период династии Тан), создателю даосской гимнастики и искусства владения мечом, канонизированному китайцами одним из восьми святых.

Известный русский исследователь союза «Ихэтуань» А. Рудаков утверждал, что прототипом этого союза «послужили религиозные общины, в которых мальчики

³ Нужно отметить, что у какой-то части повстанцев, увлеченных общим потоком, прослеживаются традиционные для тайных обществ антицинские, процинские настроения.

с раннего возраста под руководством старших занимались даосской гимнастикой... Девочек... монахини вводили в тайные общества, члены которых искали тот „философский камень“, приобретение коего составляет предмет всех стремлений даосов, давая бессмертие...» [143, 4]. И действительно, как отмечают почти все современники восстания, среди ихэтуаней было множество детей⁴.

Члены союза «Ихэтуань» поклонялись многим богам, духам, святым. Особой популярностью среди ихэтуаней, апрочем, как и среди всего китайского населения, пользовался бог Гуаньди (Гуань Юй — известный полководец периода Троецарствия, обожествленный за особую преданность династии Хань, наделенный многими «функциями» — бог богатства, войны и др.). В нашем распоряжении множество прокламаций, начинающихся словами: «Бог Гуань изрек» [см. 72, т. 4, 150; 73, 6]. По словам Цзян Кая, главным божеством считался Ян Цзянь, которого члены союза именовали «великим учителем» [см. 72, т. 1, 354]. Среди богов или духов рангом ниже фигурировали либо исторические личности (Лю Бо-вэнь — честный и справедливый чиновник периода Минской династии [см. 73, 8], Ма У — один из вождей повстанческих отрядов «жителей зеленых лесов» [см. 72, т. 1, 354]), либо герои старинных произведений, имевшие огромную популярность среди простого народа как борцы за правду, защитники бедняков, благородные и мужественные рыцари (Чжао Юнь — один из героев романа «Троецарствие», известный генерал, сражавшийся против тирании Цао Цао [см. 72, т. 4, 151], Чжан Фэй — также известный полководец из романа «Троецарствие». Сунь У-кун — главный герой прославленного романа «Путешествие на Запад», фантастическое существо — Царь обезьян, наделенный сверхъестественной силой, готовый в любой момент вступить в борьбу с насилием и несправедливостью [см. 72, т. 1, 354]).

⁴ Интересно, что На Янь-чэн, не один год следивший за деятельностью тайных сект в первой половине XIX в. и отдавший под суд многих сектантов, не упоминает об этой любопытной детали. Напрашивается вывод, что в союз «Ихэцюань», существовавший в начале века, дети не входили. Это можно считать еще одним доказательством того, что «Ихэтуань» и «Ихэцюань» не одно и то же. Конечно, возможно, их участие было строго закодировано (что, на наш взгляд, менее вероятно) и поэтому не привлекло внимания наместника.

Руководство союзом осуществляли наставники. По степени святости они делились на ранги: великий наставник (даши или лаошифу), наставники первого, второго и третьего разрядов (дашисюнь, эршисюнь, саньшисюнь). Степень святости зависела от успехов в усвоении гимнастических упражнений и знания заклинаний. Для этого нужна была длительная тренировка. Для достижения первой ступени святости «хунь» («мутные») требовалась тренировка в течение 100 дней, для святости «цин» («очитившиеся») — 400 дней [см. 72, т. 1, 238, 244; 143, 13].

Приверженцы союза обычно собирались в какой-нибудь заброшенной хижине или под навесом — так называемым алтарем — и под руководством наставников заучивали заклинания и осваивали комплекс гимнастических приемов, наивно полагая, что таким образом они станут неуязвимыми от пуль и снарядов, обретут бессмертие. Ихэтуани были уверены, что знание заклинаний вселяет в них большую силу. «Тот, кто знает 7—8 слов, — считали они, — может противостоять 10 тысячам человек, а знающий 16—17 слов может легко разрушать дома иностранцев» [72, т. 1, 241]. Заклинания чаще всего были малопонятны. Вот, например, отрывок из заклинания от огня виштовок и пушек:

Отворись, дверь северной пещеры, и покажись,
Будда, ведающий ружьями.
Железное божество восседает в железной
кумирне на железном лотосовом троне;
Железные люди в железных одеждах стоят
за железными крепостями...
[73, 7]

Но иногда оно содержало вполне понятный политический призыв:

Если ученики будут старательно учиться,
Повсюду трава превратится в воинов;
Если неразумные люди постигнут волю святых,
Они уничтожат дьяволов (иностранцев. — Н. К.),
защитят великую династию Цинь.
[72, т. 4, 152]

Русский врач В. В. Корсаков, свидетель восстания ихэтуаней, так описывает телесные упражнения членов союза: «Участники становились на открытом месте лицом на юго-восток, поставив перед собой предварительно зажженные жертвенные свечи или факел. Затем читали нараспев заученную заклинательную молитву и

сжигали после этого на свече жертвенные бумажки. После этого они становились на четвереньки, сложив особым способом руки, и начинали делать туловищем качательные движения из стороны в сторону. Со многими скоро начинали делаться судороги подобно эпилептическим, они падали на землю, бились, затем вскакивали, размахивали руками, прыгали. Глаза у них наливались кровью, у рта появлялась пена» [64, 76—77]. Считалось, что в этот момент в ихэтуаня вселялся дух. Существовали разные варианты такого рода «гимнастики», описанные современниками. Обязательной составной частью телесных упражнений были поклоны до земли [см. 166, 12; 143, 11—12].

Большое внимание уделяли ихэтуаня упражнениям с мечом. Собственно, меч и был основным видом оружия повстанцев. Судя по словам Цзян Кая, посылавшего людей ознакомиться с алтарем ихэтуаней, меч являлся украшением мест сбора повстанцев: «Перед алтарем горизонтально висел большой меч» [72, т. 1, 354]. Одна из песен того времени запечатлела упражнения ихэтуаней:

Меч вращается в такт с телом
Удар кулаком, силе удар.
Чем быстрее, тем лучше.
Не медли.

[71, 78]

Вера ихэтуаней в достижение бессмертия и неуязвимость была так велика, что они, по отзывам очевидцев, шли навстречу пулям европейских солдат чуть ли не с голыми руками и, конечно, гибли. Это тем не менее не уменьшало их веру, а лишь стимулировало к дальнейшему совершенствованию «гимнастических» приемов. Иногда они пытались демонстрировать свою «неуязвимость» перед зрителями, однако редко это кончалось благополучно. Начальник уезда Уцзяо Чжи Би-ху описывает со слов солдат подобного рода эксперимент, проделанный Лю Чан-сяном, одним из вождей ихэтуаней: «Лю попытался продемонстрировать свое искусство, но неудачно. Пуля попала ему в левую ногу, и из нее потекла кровь» [72, т. 4, 444].

Прием в секту осуществлялся в строго индивидуальном порядке и требовал двух поручителей и клятвы: «Не быть жадным, не развратничать, не нарушать приказаний родителей, не нарушать существующих законов (этот пункт, между прочим, является лишним подтвер-

ждением того, что нельзя отождествить «Ихэцюань» начала XIX в. и союз «Ихэтуань» конца столетия. — Н. К.), изгнать чужеземцев, убивать чиновников-взяточников, в городах быть скромными и не глазеть по сторонам. При встрече с единомышленниками приветствовать их» [150, 517]. Члены союза имели амулеты, которые либо прикрепляли на макушке головы, либо носили на боку [см. 72, т. 1, 354]. По словам А. Рудакова, амулет представлял собой «маленький кусочек желтой бумаги, на котором был грубо намалеван какой-то образ... Вокруг этого изображения было нацарапано несколько загадочных слов мистического содержания» [143, 14].

Для союза «Ихэтуань», как и для самых разнообразных тайных союзов и еретических сект не только в Китае, но и во многих других странах Востока и Запада, был характерен аскетизм. Воспевая ихэтуаней, жители с уважением отмечали, что они «пьют простую воду» [74, 35].

Члены союза «Ихэтуань» группировались по отрядам, которые различались по названиям триграмм, взятым из древней книги гаданий «Ицзин». Существовали отряды триграммы «кань», «цянь», «дуй», «ли» и др. Они отличались друг от друга цветом и формой одежды. Например, в отряде «кань» одевались в красное, в «цянь» — в желтое. В мемуарах Цзян Кая содержится описание одного из отрядов ихэтуаней, который возглавлял популярный в провинции Шаньдун вождь Чжу Хун-дэн: «На Чжу Хун-дэне были красные штаны и высокая красная шапка. Другие главари держали в руках по два красных флага. Пики и мечи были украшены красной лентой. В отличие от других ихэцюаней они избрали для себя красный цвет, который, по их мнению, символизировал цвет огня на юге» [72, т. 1, 356]. Дополнительный материал о внешнем виде ихэтуаней дает Чжи Би-ху: «Главари [ихэ] цюаней сект „цянь“ и „кань“ носили определенную форму одежды, передвигались в зеленых носилках, а их сподвижники обертывали головы желтой или красной повязкой. Лишь у секты „дуй“ одежда была, как у актеров. Их главарь носил длинное платье, а в руках держал плетку из хвоста лося. Они предпочитали одежду черного цвета с мелкими застежками, расположенными в ряд, носили шапку героя, как будто выступали на сцене в роли Хуан Тянь-ба (один из популярных героев различных спектаклей старой пекинской оперы,

олицетворявший справедливость и смелость. — Н. К.)» [72, т. 4, 445].

Подобно другим тайным союзам, отряды ихэтуаней, по-видимому, имели внутри дробное деление. Один из руководителей восстания ихэтуаней уже в наши дни вспоминал о структуре своего отряда: «Десять человек составляли десяток, во главе которого стоял командир десятка, десять десятков — сотню, во главе с командиром сотни... Каждое подразделение имело знамя: десяток — треугольный флажок... сотня — большое квадратное желтое знамя, в центре которого был изображен иероглиф „лин“, что значит „приказ“. У всей армии было желтое знамя „волчий клык“, на котором черными иероглифами было написано: „Ихэтуань“, „Поддержим Цин, смерть иностранцам“» [326, 17.IX.1960].

Как правило, отряды ихэтуаней были разобщены, изолированы друг от друга и действовали самостоятельно. А. Рудаков утверждал, что у союза «Ихэтуань» существовал «Центральный комитет», который обосновался в провинции Шаньдун и назывался «Шаньдун цзунтуань» («Шаньдунское главное общество») [143, 8]. Находящиеся в нашем распоряжении источники заставляют усомниться в этом утверждении. Действительно, «цзунтуань» («главный отряд») существовал у ихэтуаней. Помимо упоминания о нем А. Рудаковым это название находим в «Уставе» [73, 2], выработанном для повстанцев китайскими саповниками, поставленными во главе общества в период союза ихэтуаней с цинским правительством. Однако наряду с «цзунтуанем» источники сообщают о наличии «лаотуаня» («старшего отряда»), подпись которого стоит под «Уставом»⁵ [73, 3], «тянься джитаня» («первого алтаря „Поднебесной“»), созданного Чжан Дэ-чэном под Тяньцзином [72, т. 4, 510], а также «цзунтаня» («главного алтаря») в Мукдене [143, 48]. Все эти названия, на наш взгляд, скорее отражают субъективные претензии того или иного отряда на руководящую роль в союзе, а не объективное положение вещей.

В союзе состояло немало молодежи. Цзян Кай отмечал, что возраст осваивавших приемы ихэтуаней «колебался в пределах двадцати лет» [72, т. 1, 354]. Среди

⁵ Упоминание о «лаотуань» содержится и в «Песнях ихэтуаней» [см. 74, 86, 88].

ихэтуаней, как уже отмечалось выше, было много подростков и детей. Об этом поется в песнях:

Дети звонко смеются.
С мечом в руках они проходят по всей стране.
Не страны ни винтовки, ни пушки,
Головы иностранцев летят с плеч.

[74. 46]

Чжун Фан-ши в «Записках о событиях 1900 г.» также отмечал, что среди ихэтуаней много детей [см. 166 12]. Необходимо отметить, что факт привлечения к восстанию ихэтуаней детей вызывает повышенный интерес у некоторых историков и политических деятелей Китая, которые обращаются к прошлому страны, пытаются оправдать идеологические и организационные методы современной «культурной революции». Историк Ци Бэньюй, бывший в 1967 г. членом группы по вопросам культурной революции при ЦК КПК, в статье «Пагнотизм или национальное предательство?» восторженно приветствовал эту практику ихэтуаней, столь созвучную, по его мнению, с практикой «культурной революции» [см. 327. I.IV.1967].

Социальный состав союза «Ихэтуань» был чрезвычайно разнороден. Костяк составляли крестьяне. Свидетель событий Чжун Фан-ши в «Записках о событиях 1900 г.» сообщал, что ихэтуани «по виду грубые сельские жители, занимавшиеся сельским хозяйством» [166, 12]. Сановник Цзай И также утверждал, что «справедливые люди (ихэтуани. — Н. К.) — это выходцы из крестьян» [72, т. I, 13]. Губернатор Шаньдуна Юй Сянь сообщал в докладе трону, что крестьянином был один из помощников Чжу Хун-дэна — Дун Юань-бан [см. 75, т. I, 41]. По утверждению начальника уезда Гаоми Цзи Гуйфэня, зажиточным крестьянином был и сам Чжу Хун-дэн [см. 105, 57]. Богатый материал об участии крестьян в союзе «Ихэтуань» находим мы в «Песнях ихэтуаней» [см. 74]. В уезде Уцзин провинции Хэбэй была популярна песня про одного из вождей отрядов ихэтуаней:

Средь народа объявился герой,
И хоть он не силен в грамоте,
Он честный человек
И мстит за народ.
Чтобы труженики обрели спокойствие,
Он землепашец —
Старший брат из Чжонжана.

174 59—601

В союз вступали транспортные рабочие — лодочники, возчики, потерявшие работу в результате распространения в Китае новых современных видов транспорта — пароходства, железнодорожного сообщения. Руководитель «тянься днитань» Чжан Дэ-чэн, живший под Тяньцзинем, был лодочником. Он занимался перевозкой грузов по рекам Юйхэ и Сихэ. Когда в 1896 г. между Пекином и Тяньцзинем было установлено железнодорожное сообщение, Чжан, подобно тысяче других лодочников, лишился средств к существованию и стал считать иностранцев повинными в своих бедствиях [см. 72, т. 4, 510]. Из семьи лодочника была популярная руководительница женской организации «Хундэнчжао» Хуан Лянь [см. 72, т. 4, 512]. Материалы обследования движения ихэтуаней в районе Тяньцзиня, сделанного группой китайских историков в 1960 г., свидетельствуют, что один из лидеров ихэтуаней, некто Пан, работал водоносом [см. 172, 262]. В Шэньяне среди изучавших приемы ихэтуаней в мае 1900 г. были возчики [см. 220, 81].

Активно участвовали в восстании ремесленники — мастера, печники, каменщики, наемные рабочие [см. 212, 10]. В союзе состояли и мелкие торговцы. Судя по материалам того же обследования, один из предводителей ихэтуаней, Лю Шин-цзю, был родом из семьи торговца чулками [см. 172, 262].

Среди участников союза были и бывшие военные. Цзян Кай сообщал, что в отряде Чжу Хун-дэна «немало бродячих солдат, поэтому они хорошо владеют военным делом» [72, т. 1, 356]. Как сообщает биографическая справка, бывшим солдатом был известный в районе Тяньцзиня вождь ихэтуаней Цао Фу-цянь [см. 72, т. 4, 510]. Большинство источников, в том числе «Записки о бандитах [ихэ]цзянях» (авторы Савара Токузукэ и Оу Ин), сходятся на том, что один из вождей ихэтуаней в Чжочжоу, Ли Лай-чжун, также был военным [см. 150, 513].

Отдельные представители низших слоев шэньши и пародававшейся интеллигенции — студенты, учителя — также примыкали к развернувшемуся антииностранному движению. Как сообщает Чжи Би-ху, в Фучане среди ихэтуаней сражался студент Лю Инь-у, в Цзинчжоу — студент Вэй Шу-сян [см. 72, т. 4, 443]. В районе Чжайтана (западнее Пекина) во главе отряда ихэтуаней стоял учитель Лян [см. 21, 404].

В союзе «Ихэтуань» было много служителей культа. По данным неоднократно цитировавшегося Цзян Кая, в отряде ихэтуаней, действовавшем в районе Пинъюаня в конце 1899 г., «состояли и буддийские, и даосские монахи» [72, т. 1, 356]. Ближайшим соратником Чжу Хун-дэна был монах Синь Чэн по прозвищу Истинный Мин [75, т. 1, 41]. Руководителем ихэтуаней в Цзинчжоу, по данным Лао Най-сюаня, был монах У Сю [см. 72, т. 4, 480]. Среди ихэтуаней были и деклассированные элементы⁶. В период союза ихэтуаней с цинским правительством к движению примкнула и придворная знать, которая устраивала в своих дворцах алтари, тем самым солидаризируясь с ихэтуанями.

Сложный социальный состав союза «Ихэтуань» не мог не наложить отпечаток на идеологическую программу повстанцев. В сущности, законченной, четко сформулированной и записанной в каком-то одном документе программы у повстанцев не было. Их политическое кредо, цели и задачи борьбы, отношение к окружающей действительности можно установить на основании лозунгов, начертанных на знаменах отрядов, прокламаций и листовок, песен, имевших хождение среди народа.

Документы повстанцев, пропитанные суеверием и мистицизмом, нередко содержат скрытый, загадочный смысл. Вот один из примеров. В прокламации, содержащей якобы изречение Лю Бо-вэня⁷, имеется такая фраза: «Нас постигнет беда, когда золотые крысы приплывут по океану, это будет роковым годом» [73, 8]. Видимо, здесь содержится намек на иностранные корабли, приплывшие в форт Дагу. В соответствии с циклической таблицей китайского календаря 1900 г. (по-китайски — год гэнцзы), год, когда восстание достигло наибольшего размаха, именуется годом «крысы». Может быть, таким путем ихэтуани пытались внушить суеверному населению, что события 1900 г. были «судьбой» для Китая, предска-

⁶ Фань Вэнь-лань утверждает, что общество «Шагохуй» состояло из нищих [см. 150, 508]. Чжи Би-ху сообщает, что участница союза «Хундэнчжао» Хэй Эр в молодости занималась проституцией [72, т. 4, 444].

⁷ Лю Бо-вэнь, он же Лю Цзю, — государственный деятель периода Минской династии (вторая половина XIV в.), был директором императорской обсерватории, цензором, губернатором. Известен как историк, написавший несколько книг. По традиции Лю Бо-вэнь изображается человеком твердого характера, честным, справедливым, ненавидящим зло [см. 63, 221].

занной еще Лю Бо-вэнем. Наконец, заслуживает внимания и тот факт, что в выражении «роковым годом» слово «роковым» («бэньмин») созвучно выражению «истинный Мин». Не исключено, что таким приемом повстанцы маскировали свои антицинские настроения. К области предположений можно отнести и комментарии профессора А. Рудакова в отношении часто встречающегося в прокламациях сочетания «две четверки и одна пятерка» [73, 13, 15], который отмечает: «...другими словами, указывалось на число 13. Находчивые люди в этом числе видели год с 13 месяцами, т. е. високосный, который у китайцев считается предвестником бедствий государства... как на таковой указывали тогда на 1900 г.» [143, 22].

Документы ихэтуаней позволяют составить представление о мировоззрении повстанцев, об основных целях их борьбы.

Основной задачей, которую ставили перед собой участники движения, была борьба против иностранной агрессии. Общество ихэтуаней, состоявшее преимущественно из крестьян, ремесленников и люмпен-пролетариата, отсталых и забытых, в своих лозунгах и прокламациях стихийно выражали идеи национализма, стремление к национальной независимости. Они разоблачали, хотя и примитивно, политику иностранных держав в Китае, призывали массы к борьбе с ними, к изгнанию иностранцев с территории Китая.

В прокламации, излагающей якобы надпись на плите, извлеченной из шахты горы Веньцюань, звучит возмущение по поводу несправедливых договоров, навязанных иностранцами Китаю [см. 73, 8]. В листовке ихэтуаней деревни Сымалань под Пекином справедливо критикуется грабительская политика империалистических держав, которые «обирают государственную казну, рушат кумиры, уничтожают статуи будд и насильственно отнимают у народа землю, в которой покоятся могилы предков» [72, т. 4, 148].

Большую неприязнь у китайского населения, в том числе у членов союза «Ихэтуань», вызывала деятельность миссионеров, с которыми ближе, чем с другими иностранными представителями, соприкасались местные жители, ибо по роду своей деятельности проповедники учения Христа предпочитали жить бок о бок с китайским населением. Миссионеры осуждались за покровительство людям с сомнительной репутацией: «Благодаря сво-

ей хитрости привлекли на свою сторону всех алчных и корыстолюбивых и в необычайных размерах совершали притеснения» [111, 23—24]. Иностранные служители культа обвинялись в неуважении обычаев населения той страны, в которой вели пропаганду христианского учения: «Приверженцы учения Христа оскорбляют духов, поносят мудрецов, предают забвению нормы отношений между людьми» [73, 9].

Особо ненавидели ихэтуани местных христиан, которые порой использовали христианскую религию в своих корыстных интересах. Обращенные в христианство осуждались за то, что искали в этой религии лишь материальную выгоду, для чего угождали миссионерам, нередко в ущерб своему народу. «Зачем принимают христианство? — спрашивается в одной из песен. — Лишь ради денег» [74, 10]. Принятие христианства китайцами рассматривалось местным населением и повстанцами как предательство:

Обращенные китайцы, обращенные китайцы
Почитают лишь иностранцев и не признают отцов,
Выдают им наши секреты,
Выслуживаются перед иностранцами, вертятся
 вокруг них.
[74. 8]

Уничтожающей критике со стороны ихэтуаней подвергались и китайские сановники, вступавшие в сделку с представителями иностранных держав: Ли Хун-чжан, которого повстанцы называли «пособником иностранцев» [73, 12] и о котором говорили, что, «если иностранцы говорят «запад», он не смеет писать «восток» [74, 16]; Юань Ши-кай, про которого говорилось, что «он предатель» [74, 15], что «он заодно с иностранцами» [74, 16]; пытавшийся расправиться с движением ихэтуаней генерал Не Ши-чэн, о котором повстанцы сложили песню — «Не Ши-чэн — собака. На простых людей смотрит злобно, а иностранцев почитает как предков» [74, 17]; глава Цзунлиямыня князь Цин, в адрес которого говорилось в «Оповещении» ихэтуаней: «Тебя кормит и поит Китайское государство, а ты помогаешь иноземцам. Если не исправишь свою ошибку, пожалеешь» [72, т. 4, 147].

Критика и разоблачение агрессивной политики держав в Китае естественно переходила в призывы к изгнанию чужеземцев из страны, расправе с иностранными представителями, проводившими в Китае захватническую

политику своих правительств. «Смерть иностранцам!» — таков был основной лозунг ихэтуаней, начертанный на их знаменах. «Мы изучаем священные приемы кулачного боя, — провозглашали ихэтуани в одной из своих прокламаций, — чтобы защитить Китай, изгнать заморских грабителей» [72, т. 4, 149]. «Вернем наши горы и реки, вернем наши права», — распевали повстанцы, а с ними и большинство местных жителей.

Особой популярностью пользовался лозунг борьбы с христианской церковью и обращенными китайцами. В прокламации, наклеенной на стене протестантской церкви в Цзядине (провинция Шаньдун), был назначен определенный день «для подавления христианской религии, сожжения всей церковной собственности и убийства всех миссионеров и обращенных китайцев» [117, 262]. В другой прокламации ихэтуани призывали население к тому, что, «если в каком-либо поселении еще остались христиане, их следует немедленно прогнать, а церкви и другие принадлежащие им здания сжечь» [72, т. 4, 149].

Разоблачение и осуждение агрессивной политики иностранных колонизаторов в Китае, призывы к освобождению от чужеземного засилья поднимали народные массы на борьбу против иностранного гнета. Вместе с тем ряд китайских ученых усиленно подчеркивают антифеодальный характер движения на первом его этапе [см. 207; 212 и др.]. Особую популярность приобрела эта идея в настоящее время. У некоторых китайских историков и особенно политиков заметна тенденция чрезмерно преувеличивать революционность крестьянства, в том числе китайского. Ци Бэнь-юй рассматривает выступление ихэтуаней в целом как «революционное движение, когда революционные массы подняли великий бунт против империализма, великий бунт против феодализма» [327, I.IV.1967].

Имеющиеся в нашем распоряжении источники свидетельствуют, что движение с самого начала было ярко выраженным антииностраным (в том числе антимиссионерским), и лишь отдельные немногочисленные факты можно характеризовать как элементы антифеодальной борьбы (столкновение с правительственными войсками и помещичьим ополчением, нападения на помещичьи усадьбы, расправа с отдельными феодальными чиновниками). Подтверждение этому мы находим и в

прокламациях повстанцев. В них порой содержится весьма резкая критика существовавших в Китае порядков, разоблачение продажных чиновников, а в песнях даже издевательство над правителями Китая, но тем не менее открытых призывов к свержению феодальных порядков документы повстанцев, которыми мы располагаем, содержат очень мало (преимущественно песни, но следует учесть, что они были записаны в конце 50-х годов).

Характерно, что в большинстве случаев ихэтуани критикуют чиновников и цинский двор не как эксплуататоров-феодалов, а как предателей национальных интересов, не способных постоять за независимость страны, изгнать из Китая иностранцев. «[Чиновники] помогают чужеземцам и, преклоняясь перед их могуществом, чинят произвол над соотечественниками», — говорится в прокламации, содержащей якобы пророчество Лю Бо-вэня [73, 8]. «Из десяти чиновников девять обросли жиром, — читаем мы в другой прокламации. — Пришли разбойники (иностранцы. — Н. К.), а они их не ловят, позволяют гулять по нашей земле» [73, 8]. В пародии на:

Глупый цинский двор
Ни на что не годен.
Лишь поддакивает иностранцам.
[71. 13]

Передняя дверь раскрыта,
Задняя дверь распахнута.
В переднюю дверьпустили тигров,
А в заднюю — волков (иностранцев. — Н. К.).
А цинский двор, не замечая тигров и волков,
Целыми днями развлекается.

[74. 14]

Известны прокламации, отрицавшие жестокость и деспотизм монархов, призывавшие поддержать династию. В цитированной выше прокламации с так называемым пророчеством Лю Бо-вэня говорится: «Наш государь не Цзе и не Чжоу»⁸, а в другой прокламации высказывается надежда на то, что, «когда иностранцы будут полностью разгромлены, великие Цины обретут господство над всей страной» [73, 18]. Массовая агитация

⁸ Цзе — правитель конца династии Ся, отличавшийся согласно традиции необыкновенной жестокостью и распутством; Чжоу — последний правитель эпохи Шан-Инь — также изображается как жестокий тиран. Цзе и Чжоу олицетворяют в глазах китайцев крайнюю жестокость.

ихэтуаней описывается как провинская: «В городах воздвигаются алтари, а братьям внушается: „Поддержим Цин, смерть иностранцам!“» [72, т. 4, 148].

Анализ источников позволяет заключить, что лозунг «Поддержим Цин» существовал у ихэтуаней с самого начала восстания, с 1898 г. [166, 79; 266, 132]. Кстати говоря, он имел распространение в 1898 г. и в провинциях, достаточно отдаленных от главных районов движения (Сычуань, Хубэй) [326, 27.X.1960]. Этот лозунг был господствующим в конце 1899 г. в провинции Шаньдун [см. 105, 87] и с мая 1900 г. до вступления войск союзников в Пекин (август 1900 г.) в провинции Чжили⁹. Повстанцы периодически в зависимости от деятельности правительства и местных властей снимали этот лозунг. Существует лишь одно прямое свидетельство, не подтвержденное другими источниками, о выдвижении ихэтуанями (Чжу Хун-дэном) лозунга «Долой Цин» [см. 72, т. 4, 504]. Утрируя революционность ихэтуаней, Ци Бэньюй фальсифицировал исторические факты. Он утверждал, что лозунг в поддержку династии был выдвинут лишь на одном коротком этапе [см. 327, I.IV. 1967].

Однако это не означает, что союз «Ихэтуань» был протинастической организацией, как утверждают некоторые буржуазные ученые [см. 259; 265; 270]. Напротив, в ряде прокламаций мы находим глухие антицинские намеки [подробнее см. 125]. При этом используется своеобразный прием написания по частям целого, находящегося под запретом. Так, довольно часто можно встретить вместо иероглифа «мин» (ассоциируется с династией Мин) две его составные части — иероглифы «солнце» и «луна». «Солнце и луна светят мне», — говорится в заклинании от огня винтовок и пушек [73, 7]¹⁰. Возможно, таким путем ихэтуань намекали на свои симпатии к исконно китайской династии Мин. Подобным образом, с помощью отдельных иероглифов «вол» и «восьмерка» подается иероглиф «Чжу» [см. 73, 17]. Предполагается, что под «Чжу» подразумевается фамильный иероглиф императоров династии Мин. В этом случае также можно говорить о провинских настроениях по крайней мере части ихэтуаней. Еще один

⁹ См. прокламации ихэтуаней [72, т. 4, 148, 152; 166, 18, 20].

¹⁰ Подобный прием применен и в другой прокламации, помещенной в том же журнале [см. 73, 17].

пример такого зашифрованного намека приведен выше при разборе прокламации, содержащей изречение Лю Бо-вэня. Возможно, таких прокламаций было больше, но до нас они не дошли.

Антицинские призывы ихэтуаней нельзя рассматривать только как антифеодальные, ибо вместо иноземной маньчжурской династии ихэтуани мечтали о возвращении подлинно китайского монарха в образе какого-нибудь потомка Минской династии. Видимо, на такую роль претендовали некоторые вожди ихэтуаней — Чжу Хун-дэн, взявший фамилию минских императоров (Чжу), монах Сянь Чэнь, именовавший себя «Истинным Мином» (Бэнь Мин). Ихэтуани, костяком организации которых являлось крестьянство, не могли выйти за пределы традиционных для этого класса монархических идеалов.

Ихэтуаням, видимо, были свойственны и утопические мечты об имущественном равенстве, о всеобщем достатке. Провозглашая основные принципы союза, повстанцы писали: «В этом союзе... не допускается притеснения бедняков богатыми, издевательство сильных над слабыми» [72, т. 4, 148]. Паселение в песнях возлагало надежды на ихэтуаней, которые «спасут бедных, помогут сырым, дадут нам досыта поесть, дадут нам одежду» [74, 76].

Как видим, идеологическая платформа ихэтуаней была сложной и противоречивой, что объясняется обилием союзов, известных под общим, собирательным названием «Ихэтуань», нестрым социальным составом участников движения, особенностями китайского общества, задавленного гнетом империализма и феодализма.

Идеологическая слабость повстанцев объясняется отсталостью, темнотой и низким уровнем их сознания. Это явилось одной из причин, позволивших империалистам задушить справедливую борьбу китайского народа.

Союз «Ихэтуань» был религиозной организацией, в которой широко процветали мистицизм и черная магия. Поэтому в борьбе с противником повстанцы прежде всего возлагали надежду на помощь святых и духов, на талисманы и заклинания, на «магическую» силу ихэтуаньской гимнастики. Об этом красноречиво свидетельствуют документы участников союза. Вот характерное высказывание: «Мы произносим заклинания и повторяем слова Будды; мы сжигаем желтую бумагу и возжигаем бла-

говония, призывая святых выйти из своих пещер. Святые покидают пещеры, духи спускаются с гор и, вселяясь в людей, учат их приемам [ихэ]цюаней. В совершенстве постигнув искусство боя, мы без труда усмирим наземных дьяволов» [73, 18]. В другой прокламации ихэтуани сообщали: «Ныне по милости великого небесного владыки на землю спустились мириады духов...» [72, т. 4, 148]. А в третьей прокламации повстанцы уверяли, что бог посылает им в помощь «восемь миллионов священных воинов, которые уничтожат еретическое учение» [72, т. 4, 151].

О так называемой сверхъестественной силе ихэтуаней, якобы приобретенной ими в результате своеобразной гимнастики и мистических обрядов, распространялись самые невероятные легенды и небылицы, которым верили многие жители. Ян Дянь-гао, современник восстания ихэтуаней, житель Пекина, утверждал, что он якобы был свидетелем «магической силы» ихэтуаней, которые-де, наклеив на доме какую-то бумажку и крикнув «гори», вызвали пожар [см. 166, 82]. А. Рудаков приводит легенду, будто бы Тяньцзиньская железная дорога была разрушена от одного прикосновения жерденок гаоляня, которые были в руках повстанцев [см. 143, 11]. Чжи Би-ху, начальник уезда Уцяо, также передает дошедшую до него молву о «магической силе» ихэтуаней: «Некая Ван Юй-цзе, девятнадцати лет, могла взбираться на высокие иностранные здания и вызывать огонь. Иностранцы обстреливали ее со всех сторон, но не попадали и тогда падали ниц, отбивая поклоны, а она взмывала в воздух и улетала» [72, т. 4, 444].

Как уже отмечалось выше, ихэтуани искренне верили в то, что с помощью заклинания можно приостановить огонь орудий противника, а путем гимнастики добиться неуязвимости от пуль. Участники боев с ихэтуанями отмечали, что во время боя те проделывали своеобразные акробатические упражнения. «Они мчались галопом (на противника. — Н. К.), — описывал один из боев Цзян Кай, — кувyrкаясь на ходу, словно в них вселилась нечистая сила» [72, т. 1, 359].

Вся литература повстанцев пропитана суеверием. Так, с пребыванием в стране иностранцев ихэтуани связывали стихийные бедствия и появление разного рода заболеваний. В прокламации ихэтуаней деревни Сямалань иностранцы обвиняются в том, что «не было года, чтобы

урожай не пострадал от саранчи или засухи» [72, т. 4, 148]. «Только после того как будут уничтожены все иностранцы, — говорилось в другой прокламации, — начнутся дожди» [73, 9]. В песне, распространенной в провинции Шаньдун, отсутствие дождей объяснялось строительством христианских церквей.

Нет дождей,
Земля сохнет —
Христианские церкви заслонили небо.
Вот справимся с заморскими чертями —
Хлынет проливной дождь.

[74, 6 7]

Иностранцев обвиняли в умышленном отравлении источников и пищи [см. 72, т. 4, 148; 73, 9] и, таким образом, в возникновении в Китае эпидемии; говорили, что они-де «повсюду раскладывают магические предметы», поэтому, мол, женщинам опасно выходить за ворота [см. 72, т. 4, 152]. В одной из прокламаций ихэтуани утверждали, что якобы «заморские дьяволы создают бумажных людей и лошадей, вредящих простым людям Китая» [72, т. 4, 152]. Речь идет о китайском похоронном обряде сжигания бумажных фигурок людей и лошадей, якобы необходимых умершему на том свете как свита. Прокламация, видимо, имеет целью вызвать у суеверного населения, ревностно следовавшего культу предков, еще большую ненависть к иностранцам, которые не только причиняют страдания живым китайцам, но будто бы угрожают и их предкам. Поэтому в качестве предохранительной меры в ней советуется населению «три ночи... возжигать на каждой могиле благовония» [72, т. 4, 152].

Отсутствие классового сознания у повстанцев привело к тому, что ихэтуани объявили борьбу не иностранному капиталу, являвшемуся инициатором и проводником агрессивной политики в Китае, а иностранцам вообще. «Пусть трепещет от страха великая Франция, а англичане, американцы, немцы и русские навсегда утихомируются!» — провозглашалось в одной из прокламаций. И далее: «Если неразумные люди постигнут искусство святых, несомненно, удастся уничтожить дьяволов всех до единого» [73, 18]. Мало того, члены союза «Ихэтуань» обрушивались не на феодалов-помещиков, а на китайцев-христиан, без различия их социального положения. Так, повстанцы заявляли, что они изучают прие-

мы ихэтуаней, чтобы «уничтожить местных христиан» [72, т. 4, 149]. Единственным спасением для обращенных китайцев было принять требование ихэтуаней: «Немедленно отрекайтесь от христианства и принимайте учение Будды» [73, 9].

Выступая против иностранной агрессии, ихэтуани доходили до полного отрицания европейской культуры и современных достижений науки. В этом отношении национализм ихэтуаней по существу смыкался с «феодалным национализмом» правящих кругов Китая, отражая изоляционистские и консервативные идеи повстанцев. Все ненациональное объявлялось «скверной», вызывало протест ихэтуаней и подлежало немедленному уничтожению: иностранные товары, современные здания, железные дороги, пароходы, телеграф и т. д. В баодинской прокламации, например, извещалось, что ихэтуани «сожгут до тла иностранные здания... Иностранные товары всех родов будут преданы истреблению» [111, 23—24]. Другая прокламация призывала: «Крушите железные дороги, вырывайте телеграфные столбы, немедленно уничтожайте пароходы» [73, 18]. Подобный лозунг был особенно популярен среди простого населения, которое пело: «Изрубим электрические провода, вырвем телеграфные столбы, разломаем поезда, разрушим пароходы» [74, 34]. В «Записках о событиях 1900 г.» Янь Дянь-гао сообщал, что ихэтуани запретили пользование иностранными товарами, в том числе иностранными осветительными лампами, поэтому население выливало керосин; кроме того, среди жителей прошел слух, что будет учинена расправа с учащимися, читающими иностранные книги, поэтому учащиеся стали жечь имевшуюся у них иностранную литературу [166, 86].

В истории стран Европы также были примеры, когда трудовой люд разрушал машины, которые он считал виновниками своего тяжелого положения. В этом смысле можно провести определенную параллель между движением ихэтуаней и движением разрушителей машин в XVIII в. или луддитов в начале XIX в., хотя призывы ихэтуаней громить иностранную технику были связаны не столько с экономическими тяготами, вызванными ее появлением (они затронули лишь отдельные группы трудящихся), сколько с общими консервативно-изоляционистскими идеями.

Консерватизм и отсталость ихэтуаней проявились и

в осуждении ими движения за реформы, прогрессивного для Китая того времени. Это осуждение ихэтуаней сформулировали как «божий гнев» «на преступное общество „Баогохуй“ („Общество защиты государства“), связанное с иностранцами», которому якобы «верховный владыка» грозит гибелью [73, 12]. В этом отношении наблюдается определенная идейная близость между ихэтуанями и консервативной кликой Цыси.

Знакомство с прокламациями ихэтуаней позволяет сделать вывод, что ненависть к европейцам, вполне естественная реакция на гнет чужеземных захватчиков, нередко переходила в расизм, в сознание национального превосходства и национальной исключительности китайцев по отношению к европейцам. В прокламации, обнаруженной в районе Баодина, идея национального превосходства выражена очень ярко: «Хотя они (иностранцы. — Н. К.) и ездят на носилках, не соответствующих их рангу, все же Китай считает их варварами» [111, 24].

Не чем иным, как идеей национальной исключительности, можно объяснить попытки ихэтуаней огулом приписывать иностранцам все человеческие недостатки: «Мужчины у них безнравственны, женщины развратны, а их дети рождаются от матерей, предающихся блуду со своими сыновьями. Если не верите, приглядитесь внимательно: у всех дьяволов глаза отливают синим цветом» [73, 18]. Таким образом, даже внешнее несходство с китайцами считалось пороком иностранцев.

В результате организационных и идеологических слабостей союза «Ихэтуань» патристическое освободительное движение, направленное против империалистического господства, было в какой-то мере использовано и даже на отдельных этапах возглавлено консервативными феодальными силами во главе с реакционной кликой Цыси. Главнокомандующими ихэтуаней были маньчжурские сановники Цзай Сюнь и Ган И, разработавшие устав ихэтуаней. Таким образом, повстанцы в известной степени подпали под контроль правительства и стали его орудием. Характерно, что Ци Бэнь-юй отрицал факт использования цинским правительством восстания ихэтуаней. Политику правителей Китая в отношении ихэтуаней он примитивно характеризовал как политику «обмана и задабривания» и делал вывод, что «абсолютно недопустимо клеветнически изображать ихэтуаней орудием феодального правительства». И далее:

Эта клевета и нападки на революционное общество «Ихэтуань» отражает лютую ненависть классовых врагов к крестьянству как главной силе китайской революции» [327, 1.IV.1967]. Преувеличение вопреки историческим фактам революционности ихэтуаней, равно как и превозношение отдельных фактических слабостей движения, восхваление идеи бунта, каковым по существу являлось восстание ихэтуаней, — все это делается исключительно в угоду политической конъюнктуры в Китае, в целях оправдания содержания и методов «культурной революции».

Движение ихэтуаней, направленное в основном против империалистического гнета в Китае, было справедливой борьбой широких народных масс, героизм и патриотизм повстанцев заслуживают глубокого уважения. Однако по форме движение было стихийным и неорганизованным, идеология повстанцев, пропитанная мистицизмом, суеверием, во многом носила реакционный характер. В полуфеодальном Китае до начала XX в. такая форма борьбы народных масс, костяком которых являлось крестьянство, возглавляемое тайными союзами, при отсутствии руководства более передового класса (буржуазии или пролетариата), являлась наиболее типичной. Это была не вина ихэтуаней, а их беда.

Организационные и идеологические слабости восстания определили его исход. В большинстве своем невежественная масса повстанцев, вооруженная примитивным оружием, заклинаниями и талисманами, на какое-то время поставленная под контроль капитулянтских цинских чиновников, конечно, была не в состоянии противостоять вооруженным до зубов империалистическим державам. Такая задача по плечу не стихийному бунту, а лишь сознательному демократическому движению.

Л. Н. БОРОХ

ПЕРВЫЕ КИТАЙСКИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ И ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА

История общества «Синчжуи», первого политического объединения китайских революционеров, дает материал для размышлений о влиянии традиционных тайных организаций на раннее буржуазно-революционное движение¹.

Документальные источники, дающие возможность определить характер отношений «Синчжуна» с тайными обществами, немногочисленны. К ним можно отнести официальные документы организации, например клятву², сохранившиеся списки ее личного состава³, а также указы цинской администрации, изданные в период выступлений «Синчжуна» в Гуанчжоу в 1895 г. и Хуйчжоу в 1900 г. [см. 85, т. 1, 230—232, 274].

Оценки тайного антиманьчжурского движения встречаются уже в ранних произведениях Сунь Ят-сена, опубликованных в Лондоне и рассчитанных на широкий круг европейских читателей. В статье «Настоящее и будущее Китая» Сунь Ят-сен писал о «бродящих в Китае скрытых силах» [147, 44]. В брошюре «Похищен в Лондоне» он не только упоминал «о существовании сильного подземного течения народного недовольства», но и дал первое описание выступления в Гуанчжоу, в кото-

¹ В последние годы эта проблема привлекла внимание ученых разных стран [см. 272; 273, 251].

² Документ был восстановлен одним из участников организации — Фэн Цзы-ю, который лично давал клятву в 1895 г. [см. 18, т. 1, 3].

³ Документация «Синчжуна», включавшая данные об участии членов тайных обществ в организации, была частично уничтожена во время провала заговора в Гуанчжоу в 1895 г. После Синьхайской революции Фэн Цзы-ю дополнил списки [см. 18, т. 4, 25—65].

ром участвовали члены тайных обществ [268]. В беседе с русским переводчиком этой брошюры Сунь Ят-сен более откровенно говорил о характере «скрытых сил», существовавших в Китае. Когда речь зашла о возможности прогрессивного народного движения, он обратил внимание собеседника на разветвленную систему тайных обществ, отметив массовость этих организаций [см. 130, 28—31].

Более последовательные сведения о связях «Синчжуна» с тайными обществами содержатся в программных работах Сунь Ят-сена «План строительства государства» (1917—1919 гг.) [см. 194, т. 1, 168—185]⁴ и «История революции» (1923 г.) [см. 164, т. 6, 147—159], а также в официальных гоминьдановских изданиях по истории партии [см. 208]⁵. Отдельные эпизоды этого сотрудничества описаны в мемуарах Чэнь Шао-бо [см. 85, т. 21—76], Чэнь Чунь-шэна [см. 85, т. 1, 235—244]⁶, Миядзакки Торадзо [см. 85, т. 1, 90—132]. Авторы этих воспоминаний либо лично разрабатывали планы восстаний с участием тайных обществ, либо по поручению организации вели с ними переговоры⁷.

⁴ В историческом разделе работы, создавая который Сунь Ят-сен хотел напомнить членам партии о революционных традициях гоминьдана, при рассказе о первых этапах борьбы он выдвинул историю сотрудничества с тайными обществами на первый план. В освещении Сунь Ят-сена отношения с тайными обществами — это история использования революционерами традиционных организаций в своих интересах.

⁵ В главу «Провал в Гуанчжоу в год пивэй» включены архивные материалы (тексты имперских указов), отражающие участие тайных обществ в восстании 1895 г. [см. также 85, т. 1, 225—234; 18, т. 1—4]. В работе Фэн Цзы-ю документальные материалы сочетаются с комментариями автора как одного из деятелей «Синчжуна». Многотомник богат биографическими зарисовками, позволяющими уточнить связи отдельных членов организации с тайными обществами.

⁶ В «Записки» Чэнь Чунь-шэна вкраплены тексты сообщений гонимских газет, многочисленные донесения с мест в Гуанчжоу, донесение генерал-губернатора Гуанчжоу на имя императора о совместных действиях «Синчжуна» и тайных обществ в 1900 г.

⁷ Чэнь Шао-бо — один из руководителей «Синчжуна», участник выступления 1895 г., представитель «Синчжуна» на переговорах с вожаками «Саньхэуя» («Триады») и «Гэлаоуя» («Общество старшего брата») в 1899 г. в Сянгане, редактор газеты «Чжунго жибао» (печатный орган «Синчжуна»), ставшей центром подготовки второго восстания. Чэнь Чунь-шэн — член редакции «Чжунго жибао». Миядзакки — японский политический деятель, член «Синчжуна» с 1896 г., участник переговоров с тайными обществами в 1899 г.

В беседе с русским переводчиком брошюры «Июньшен в Лондоне» [130, 29] Сунь Ят-сен очертил районы распространения тайных обществ в Китае следующим образом: «В центральных наших провинциях, Хунани и Хубэе, более трех четвертей населения принадлежат к тайным обществам. Юго-восточные провинции тоже кишат тайными организациями, да и в остальном Китае они процветают, хотя и не имеют такого преобладающего значения». Почти все, кто составил ядро «Синчжуна», были выходцами из юго-восточных провинций — района массового распространения тайных обществ⁸. Некоторые молодые люди, приезжавшие учиться в Сянган и Гуанчжоу, уже были членами тайных организаций (хуйданов). Известно о причастности к тайным обществам Ю Ле, который вступил в одну из организаций хуйданов в Шанхае [см. 18, т. 1, 8]. В тайну антиманьчжурских обществ был с детства посвящен Се Цзуань-тай; его отец возглавлял организацию «Саньхэхуя» среди китайских эмигрантов в Австралии [см. 272, 83]. Наиболее многочисленны материалы о связях Чжэн Ши-ляна — сына богатого шанхайского купца. Чжэн Ши-лян был влиятельным лицом в обществе «Саньхэхуй» у себя на родине (уезд Гуйшань, провинция Гуандун) [см. 18, т. 1, 24]⁹. Он поддерживал знакомство с вожаками хуйданов Гуандуна, Гуайси и даже Юго-Восточной Азии [см. 163, т. 1, 35].

О близости к тайным обществам большой группы молодежи, вступившей впоследствии в «Синчжун», сохранились лишь косвенные данные: одни давали клятву жить и умереть вместе, другие называли себя сводными братьями¹⁰. О существовании тайных антиманьчжурских организаций Сунь Ят-сен, по-видимому, знал с детства¹¹, а в период учения в медицинском училище

⁸ В произведениях Сунь Ят-сена об истории революции и мемуарной литературе употреблены наиболее распространенные названия обществ — «Саньхэхуй» или «Хунмын» («Общество братьев Хун»). В китайской литературе широко распространен обобщающий термин для всех тайных обществ — хуйданы.

⁹ В мемуарах Чэнь Шао-бо говорится о принадлежности Чжэн Ши-ляна к «Саньхэхуя» («Обществу трех точек») [см. 85, т. 1, 23].

¹⁰ На основании этих данных к членам тайных обществ причисляют Лу Хао-дуна, Чэнь Куй-гуаня, Ян Хао-пина и др. [см. 272, 82]. Лу Хао-дуна, Чэнь Куй-гуаня, Ян Хао-пина и др. [см. 272, 82].

¹¹ В его родном уезде Сяншань было распространено тайное общество «Тяньдихуй» («Общество Неба и Земли») [см. 221, 16].

«Боцзи» (1886 г.) через Чжэн Ши-ляна и Ю Ле значительно пополнил свои представления о деятельности тайных обществ. Впоследствии он придавал большое значение знакомству с Чжэн Ши-ляном. В разделе об основных вехах революции (работа «План строительства государства»), материал для которого подбирался очень скупо, Сунь Ят-сен нашел возможным остановиться на истории этой дружбы, восстановить ее во всех подробностях. «Среди моих соучеников не было подобного ему. Он поразил меня при первой же встрече», — вспоминал Сунь Ят-сен о своем впечатлении от Чжэн Ши-ляна [194, т. 1, 168]. Вскоре после знакомства Чжэн сообщил Сунь Ят-сену, что «принадлежит к хуйданам» и что, «если появится необходимость, он может подыскать среди хуйданов полезных людей» [194, т. 1, 168]. Влияние этой дружбы признавал и Чэнь Шао-бо. В его мемуарах об истории организации глава о формировании революционных идей начинается с описания встречи Сунь Ят-сена с Чжэн Ши-ляном [см. 85, т. 1, 23]. К 1887 г. относится знакомство будущих организаторов «Синчжуна» с восьмидесятилетним отшельником Чжэн Анем, бывшим советником Лин Цзэ-сюя, который якобы беседовал с молодыми людьми об организации и целях хуйданов, убеждал в необходимости объединения с ними ¹².

Значение контактов с участниками тайных обществ для будущих лидеров «Синчжуна» трудно переоценить. Молодые люди восхищались смелостью вожakov хуйданов. Им импонировал дух рыцарства и взаимопомощи, преданности и самопожертвования, который провозглашался в заповедях тайных братств. Но значительно более серьезное воздействие эти встречи оказали на политические убеждения членов «Синчжуна». После поражения Китая в войне с Францией (1884—1885 гг.) небольшая часть студенческой молодежи была настроена против правящей династии. Обращаясь к проектам Ван Тао, Чжэн Гуань-ина, Хэ Ци о мирной европеизации Китая, к событиям Тайпинского восстания, к опыту революций в Европе и Америке, группа будущих организа-

¹² Этот эпизод был рассказан одним из вожakov хуйданов с островов Тихого океана [см. 163, т. 1, 39]. В воспоминаниях Сунь Ят-сена и Чэнь Шао-бо о нем не упоминается. Большое значение этому событию придает Дэи Сы-юй по словам которого «совет Чжэи Аня впоследствии дал эффект» [см. 272, 82].

торов «Синчжуна» пыталась решить вопрос о путях спасения страны (реформа или революция). В этот период поисков и колебаний она нашла отклик своим антицинским настроениям у членов тайных организаций. Сунь Ят-сен впоследствии вспоминал, что «единственно, кого не приводили в смущение разговоры о революции и свержении маньчжуров, — это члены тайных обществ» [194, т. 1, 172]. В густоразветвленной сети тайных организаций, существовавших в Китае, молодежь увидела реальные силы, выступавшие против династии. Предложение Чжэн Ши-ляна — «подыскать полезных людей», советы старика Чжэн Аня — объединить хуйданов указывали путь к антицинским силам.

Предложение Чжэн Ши-ляна было реализовано еще в годы, предшествующие созданию «Синчжуна». Ему поручили вербовать хуйданов Гуандуна для использования их в будущем [см. 18, т. 1, 24]. Сунь Ят-сен в «Истории революции» писал, что накануне создания партии налаживание контактов с «Саньхэхуем» являлось для него первоочередной задачей [164, т. 6, 152]. Оформление «Синчжуна» в Голулу (1894 г.) происходило при непосредственном участии членов тайного общества «Цапыцзюнь». Глава местного отделения этого общества Дэн Инь-пань, используя свое влияние в эмигрантской общине, помог Сунь Ят-сену установить связи с китайскими эмигрантами и вовлечь их в организацию [см. 18, т. 1, 43]¹³.

Многие из тех, кто вступил в «Синчжун» в Сянгане и Гуанчжоу в 1895 г., также имели связи с тайными обществами. Членами «Саньхэхуя» были Чжэн Ши-лян, Ю Ле, Се Цзуань-тай. Однако в списках организации они не отнесены к хуйданам. В 1895 г. в списках «Синчжуна» членами хуйданов считались лишь 13 человек [см. 18, т. 4, 40—42]. По-видимому, их связи с тайными обществами были несколько иными, чем у всех остальных. Для них деятельность в тайных обществах стала основным или даже единственным занятием: указание на принадлежность к хуйданам заменяло в документах союза характеристику общественного положения. Девять человек из этой группы были связаны с Сунь

¹³ Дэн Ин-пань, став одним из активных деятелей «Синчжуна», пожертвовал в казну организации значительную сумму денег и впоследствии выехал в Китай для участия в восстании.

Ят-сеном еще в 1892 г. Некоторое время они служили в его аптеке «Дунси» в Аомыне [см. 18, т. 4, 42]. О других известно, что они пользовались влиянием среди хуйданов у себя на родине и в то же время занимали руководящее положение в «Синчжуне». Лян Да-нао был вожаком хуйданов в уезде Бэйцзян провинции Гуандун [см. 18, т. 4, 42]. По поручению штаба «Синчжуна» в 1895 г. он вел подготовку к выступлению в этом районе. Двое других, Чжу Гуй-цюань и Цю Сы, согласно воспоминаниям Сунь Ят-сена о революции, во время восстания 1895 г. возглавили 3-тысячный отряд, направленный на захват Гуанчжоу. После провала заговора оба вожака были арестованы и казнены [см. 194, т. 1, 170].

В 1900 г., согласно спискам организации, в «Синчжун» входило 23 члена тайных организаций [см. 18, т. 4, 53—56]. Это были лидеры тайных обществ из приморских уездов Гуандуна. В документах «Синчжуна» они именовались «маршалами» и «генералами». Многие из них погибли в столкновениях с цинскими войсками во время Хуйчжоуского восстания. Наиболее авторитетным вожаком «Саньхэхуя» в этом районе был Хуан Фу [см. 18, т. 4, 53—56]. Когда началась подготовка к восстанию, Хуан Фу находился на Борнео, Чжэн Шн-лян специально посылал за ним одного из своих людей [см. 85, т. 1, 67]. К «Синчжуну» присоединился Цзэн Цзе-фу — руководитель «Саньдяньхуя» («Общества трех точек») уезда Гуйшань [см. 18, т. 4, 54]. Его внук, занимавший влиятельное положение в «Саньхэхуе», также вступил в «Синчжун» и накануне второго восстания вербовал сторонников в районе Пинхай [см. 18, т. 4, 54]. Известно, что в организацию были вовлечены вожаки хуйданов из уезда Синань, возглавившие вооруженные отряды «лулинь» («зеленых») [см. 85, т. 1, 67].

«Хуйданы», активно участвовавшие в деятельности «Синчжуна» в 1895 и 1900 гг., не были рядовыми членами тайных братств. В организацию вступала в основном верхушка местных тайных обществ. Они были выходцами из разных слоев населения. Предводителями становились получившие образование, достаточно состоятельные люди: сын купца Чжэн Шн-лян, владелец гостиницы в Сингапуре Хуан Яо-тин, фармацевт из уезда Боло, студент из тяньцзиньского училища «Бэйянь» [см. 18, т. 4, 53—56]. Но среди вожаков хуйданов, близких к «Синчжуну», были и такие, которых, по словам Миядза-

ки Торадзо, «никак не назовешь учеными людьми». Описывая руководителей «Гэлаохуя» («Общество старшего брата»), приехавших на переговоры в Сянган в 1899 г., Миядзакэ заметил, что по внешнему облику, по манере держаться и разговаривать они резко отличались от интеллигентов [см. 85, т. 1, 110]. Определить более точно социальное лицо этой группы из-за отсутствия сведений не представляется возможным.

Принимая руководителей тайных обществ в свои ряды, «Синчжун» занял иную позицию в отношении основной массы участников антиманьчжурских организаций. Опираясь на их вожakov, революционеры широко использовали отряды хуйданов в своих целях только в периоды восстаний.

Поиски контактов с тайными обществами Гуандуна, вступление вожakov хуйданов в «Синчжун» не были случайными в деятельности организации. Программа, которой следовали члены «Синчжуна», сохраняла отдельные идеи и представления, распространенные среди участников тайного антиманьчжурского движения. Члены тайных обществ давали клятву посвятить себя «восстановлению Минской династии, которая происходит от Неба и Земли и всего сущего, уничтожению варваров-бандитов и ожиданию истинного мандата Неба...» [231, 307]. Они твердили в заповедях о своей решимости разрушить маньчжурское правление [см. 231, 312]. Церемония приема в «Синчжун» также включала ритуал клятвы. Вступающие в организацию обещали бороться «за изгнание татарских рабов (маньчжуров), за восстановление Китая, за создание демократического правительства» [18, т. 2, 23].

Таким образом, первое требование революционеров повторяло самый популярный лозунг, выдвинутый стихийным движением. Толкование этого лозунга членами «Синчжуна» также не было оригинальным. Они исходили из традиционных представлений о господстве в стране чужеземцев и о неминуемом возмездии маньчжурам за их «грязные деяния»¹⁴. Более того, сама формулиров-

¹⁴ Мысль о виновности маньчжуров во внешнеполитических неудачах, об их ответственности за положение в стране высказана в «Декларации» «Синчжуна». «Презренные порабитители навлекли на родину такую беду, — говорилось в документе, — причиняют народу такой вред, что, однажды оступившись, мы не можем воспрянуть» [194, т. 1, 19]. В очень резкой форме мысль о мести маньчжурской династии звучит в «Показаниях Лу Хао-дуна». После провала заго-

ка «изгнание татарских рабов» — не была придумана членами «Синчжуна». Это и подобные ему выражения («изгнание варваров-бандитов», «нечистых варваров», «северных варваров») встречаются в прокламациях хуйданов и в документах тайпинов, которые, презрительно называли маньчжуров татарами [90, т. 2, 891; 90, т. 1, 161, 162]. Даже по форме клятва «Синчжуна» отличалась от других его документов и напоминала заповеди «Саньхэуя»¹⁵.

Хотя антиманьчжурский лозунг, оказавшись в программных документах «Синчжуна» рядом с положениями о «восстановлении государственного престижа» и создании «демократического правительства», претерпел тем самым известную трансформацию¹⁶, он служил идейной основой для сближения «Синчжуна» с тайными обществами.

Говоря о потенциальных возможностях хуйданов¹⁷, Сунь Ят-сен выделял основные моменты (массовый характер тайных обществ, их готовность выступить против династии, недостаток оружия у участников движения), которые обусловили важнейшие тактические решения революционеров в период подготовки к первым восстаниям.

Завоевать власть в 1895 г. члены «Синчжуна» намеревались с помощью наемных отрядов, завербованных вора в 1895 г. Лу Хао-дун, не скрывая своих убеждений, говорил, что идея борьбы с маньчжурами уже давно стала лично для него и его единомышленников «основной идеей», что в течение многих лет они готовились отомстить маньчжурским врагам [см. 85, т. 1, 229].

¹⁵ Возможно, что и сам ритуал клятвы был подсказан обрядами, установившимися в тайных обществах. Так же как и ритуальные диалоги, клятвы, пароли хуйданов, клятва организации не была записана. Ее содержание члены «Синчжуна» хранили в глубочайшей тайне.

¹⁶ Выступление первых китайских революционеров против господства маньчжуров в классовом и политическом смысле означало выступление против феодальной монархии за буржуазную республику. В материалах по истории «Синчжуна» нет ни одного свидетельства о том, что внимание его членов привлекал бы лозунг «Восстановление Мин» или тайпинский лозунг империи всеобщего благоденствия. Царистские идеи отвергались ими, по-видимому, с самого начала.

¹⁷ В беседе с русским переводчиком брошюры «Похищен в Лондоне» Сунь Ят-сен говорил, что «члены тайных организаций готовы, по-видимому, взяться за оружие, но его нужно иметь, а кроме того, нужно известное стечение благоприятных обстоятельств» [130, 29—30].

среди хуйданов Гуандуна¹⁸. В день выступления эти отряды (общей численностью 3 тыс. человек) с разных сторон должны были войти в Гуанчжоу. По словам Сунь Ят-сена, им отводилась в восстании роль «силы, оказывающей давление» [268, 25].

Члены «Синчжуна» решили воспользоваться уже сложившимися объединениями, снабдив их оружием и заплатив каждому участнику операции. В день гуанчжоуского выступления, когда в главный штаб пришло известие о провале, Сунь Ят-сен и Чэнь Шао-бо, распущенные предводители отрядов, раздавали им деньги [см. 85, т. 1, 31]. О финансовых отношениях, существовавших между руководителями заговора и его рядовыми участниками, упоминается также в указе, изданном после раскрытия заговора местной администрацией провинции Гуандун: «Его (Сунь Ят-сена. — Л. Б.) приверженцы направлялись повсюду вербовать людей. От его имени набирали храбрецов. Обещали глупому народу ежемесячно платить десять иностранных монет каждому. И народ наперебой шел наниматься...» [85, т. 1, 232].

Интересная деталь, раскрывающая характер отношений «Синчжуна» с тайными обществами, сохранилась в рассказе Сунь Ят-сена о первом восстании. Члены организации договаривались с хуйданами тех уездов, население которых говорило на диалекте, отличном от Гуанчжоу. «Ввести в дело людей из другой местности мы считали мерой разумной, — пояснил Сунь Ят-сен, — так как, не будучи в состоянии переговариваться с гуанчжоусцами, они не могли бы подпасть чуждому влиянию, а стало быть, обещали быть более стойкими» [268, 25]. В штабе восстания рассчитывали, что пришельцы не смогут «ни дезертировать, ни вовсе оставить дело, так как их легко было бы узнать и на них неизбежно пало бы подозрение, окажись они в Гуанчжоу после беспорядков» [268, 25].

Составляя план восстания, руководители «Синчжуна» шли проторенной дорогой, используя привычные для членов тайных обществ аксессуары. Отличительным знаком участников восстания, по их замыслу, должна была стать красная повязка. Члены «Синчжуна» избра-

¹⁸ Члены «Синчжуна» установили связи с хуйданами уездов Шуньдэ, Сяншань, Чаочжоу, Бэйцзян. К северу и югу от Синцзян было создано несколько десятков командных пунктов [см. 18, т. 4, 11].

ли цвет, почитаемый в тайных обществах [25, т. 1, 227]¹⁹. Они также решили воспользоваться паролем, который был выдержан в духе изречений, распространяемых тайными обществами: «Изгнать злодеев, успокоить народ» («Чу бао, аньянь»²⁰). Следуя обычаю тайных обществ, повстанцы намеревались в знак неповиновения Цинской династии отрезать косы.

Первое поражение надолго парализовало деятельность организации. Лишь спустя четыре года «Синчжун» попытался создать в Китае базу для нового выступления. И на этом этапе своей истории революционеры вновь обратились за поддержкой к тайным обществам. В 1899 г. в Сянган был направлен Чэнь Шао-бо, которому руководство союза поручило наладить выпуск газеты («Чжунго жибао»). Чэнь Шао-бо принял решение вступить в «Саньхэхуй». Впоследствии в своих мемуарах он пояснил, что у него не было иного пути к установлению прочных связей с хуйданами [см. 85, т. 1, 60]. Через одного из членов «Синчжуна» Чэнь Шао-бо пригласил в Сянган старейшего руководителя «Саньхэхуя» из уезда Хэпин, который провел церемонию посвящения²¹. После церемонии Чэнь Шао-бо был возведен в ранг «байшань» («белый всер») [85, т. 1, 61]. «Байшань» — почетное звание военного советника — присваивалось лишь за большие заслуги старейшим членам «Саньхэхуя»²². Чэнь Шао-бо придавал большое значе-

¹⁹ О красных повязках восставших упоминается не только в рассказах о подготовке к выступлению [85, т. 1, 227]. В одном из указов, изданных после раскрытия заговора, местные власти обращались к населению с призывом снять красные повязки и уйти от разбойников [см. 85, т. 1, 232].

²⁰ Существование системы паролей явилось одной из улик, предъявленной цинской администрацией организаторам восстания [см. 85, т. 1, 232].

²¹ В мемуарах Чэнь Шао-бо сохранилось подробное описание обряда посвящения («кайтай») в «Саньхэхуй». При вступлении в общество Чэнь Шао-бо ритуал не был соблюден полностью. Обряд совершался в доме Чэня, присутствовали лишь он сам, рекомендовавший его Чэнь Нянь и приехавший старейшина этого общества. Согласно обычаю, после церемонии новый член предлагал братьям по обществу угощение. Чэнь Шао-бо внес около 100 юаней на устройство такого «банкета» для местных хуйданов [85, т. 1, 60—61].

²² Чэнь Шао-бо сообщает полутно некоторые сведения о способной лестнице рангов, существовавшей в этом обществе. Так, сбором и передачей информации занимались так называемые «цао се» («соломенный башмак»). Очень широкими полномочиями обладали лица в ранге «хун гун» («красная напка»). Они ведали наказаниями преступников внутри общества [см. 85, т. 1, 60].

ние этому событию. По его словам, вступление в «Саньхэхуй» открыло широкие возможности для развертывания деятельности в Гуандуне [см. 85, т. 1, 61].

«Синчжуну» удалось привлечь на свою сторону также хуйданов бассейна Янцзы. Наладить с ними отношения помог Би Юн-нянь, член «Синчжуна» с 1898 г., в прошлом участник движения за реформы [см. 85, т. 1, 61]. С его рекомендательным письмом в Сянган прибыла группа вожаков «Гэлаохуя»²³. Это были представители наиболее могущественных организаций в районе Хунань — Хубэй [см. 85, т. 1, 61]. Они проявили чрезвычайную заинтересованность в совместных действиях с «Синчжуном». При встрече они заявили о желании объединиться с другими организациями. «Ныне, если не знать, что творится вокруг и лишь безудержно стремиться к смуте, не продлит ли это безграничную беду еще на столет», — объясняли руководители «Гэлаохуя» мотивы своего приезда [85, т. 1, 110]. Чэнь Шао-бо, который в качестве представителя «Синчжуна» вел переговоры, нашел, по-видимому, и с этой группой хуйданов общий язык. Его приняли в члены «Гэлаохуя» и провозгласили «главарем над главарями» («лунтоу чжи лунтоу») ²⁴.

Вожак «Гэлаохуя» задержался в Гонконге на два месяца. Итогом длительных переговоров явилось совещание в октябре 1899 г., на котором три представителя «Синчжуна», два — «Саньхэхуя» и семь — «Гэлаохуя»²⁵ приняли решение о создании объединения «Синханьхуй» во главе с Сунь Ят-сеном [163, т. 1, 87; 85, т. 1, 112]. Собравшиеся наметили районы будущих восстаний (Гуандун — Гуанси, Фуцзянь — Чжэцзян, Шанхай). Было решено известить местных хуйданов о результатах переговоров. Участники совещания скрепили союз клятвой,

²³ Приезд группы описан в воспоминаниях Чэнь Шао-бо и Миядзаки, которые принимали ее в Сянгане [см. 85, т. 1, 61, 110]. Согласно мемуарам Чэнь Шао-бо, группа приезжих составляла несколько десятков человек.

²⁴ Церемония посвящения была несложной. Вожак «Гэлаохуя» зажгли ритуальные свечи, произнесли слова клятвы. Зарезав петуха и смешав его кровь с вином, предложили Чэнь Шао-бо выпить эту смесь. В завершение церемонии Чэнь Шао-бо должен был высоко поднять руку над головой [см. 85, т. 1, 61].

²⁵ По воспоминаниям Миядзаки можно установить титулы вожakov «Гэлаохуя», участвовавших в совещании. Четверо именовались «шан чжу» («хозяин горы»), трое — «гугунами» («столпами») [см. 85, т. 1, 111 - 112].

совершенной по обычаю «Гэлаохуя» (выпили вино, смешанное с кровью петуха) [см. 85, т. 1, 112].

Благодаря соглашению 1899 г., революционеры располагали более широкими связями с хуйданами накануне нового выступления «Синчжуна» (Хуйчжоуское восстание 1900 г.). Оно намечалось одновременно с выступлением «Армии независимости», которое готовили реформаторы при поддержке тайных обществ долины Янцзы. На этот раз руководство организации перенесло центр восстания из Гуанчжоу в приморские районы Гуандуна [85, т. 1, 67—68]. В докладе генерал-губернатора провинции о мятеже в Хуйчжоу содержится подробное описание местности. Это были труднопроходимые горные районы, покрытые лесами, издавна известные как место скопления «бандитов» [см. 85, т. 1, 242]. Чэнь Чунь-шэп также отмечал, что эти уезды являлись «гнездом „Саньхэхуя“», — «убежищем для членов революционных организаций» [см. 85, т. 1, 235—236]. Для лидеров «Синчжуна» это обстоятельство имело большое значение: они рассчитывали на массовое выступление хуйданов.

Роль «главной силы», по словам Чэнь Шао-бо, отводилась членам «Саньхэхуя» из уездов Синьань, Хуйчжоу, Гуйшань [см. 85, т. 1, 68]²⁶. Факт участия хуйданов в восстании получил отражение в многочисленных донесениях цинских властей. Губернатор Гуандуна Дэ Шоу на запрос императора о мятеже докладывал о событиях в Хуйчжоу как «о сговоре Сунь Вэня с местными бандитами» [85, т. 1, 242]. В донесениях из уездов неоднократно повторялось сообщение, что армия мятежников целиком состоит из хуйданов, что силы хуйданов на местах непрерывно возрастают²⁷. В ходе выступления повстанцы открыто заявляли о своей принадлежности к тайным обществам. В одной из гонконгских газет было опубликовано их заявление: «Мы не ихэтуани, мы великие политические деятели — хуйданы — члены «Исинхуя», «Тяньдихуя», «Саньхэхуя» [85, т. 1, 241].

²⁶ В восстании участвовали также отряды «лулинь» из уезда Синьань, вожаки которых вступили в организацию [85, т. 1, 67].

²⁷ Численность авангардного отряда повстанцев составляла 600 человек. В период наивысшего подъема восстания, по сведениям гонконгских газет, число участников возросло до 20 тыс. [85, т. 1, 239].

Руководители «Синчжуна» разработали общий план восстания. Они добивались поддержки Японии и вели переговоры с англичанами о независимости Гуандуна и Гуанси. Организация снабжала хуйданов оружием²⁸ и направляла в отряды небольшую группу военных инструкторов [18, т. 4, 54]. Членами «Синчжуна» были подготовлены для повстанцев некоторые материалы пропагандистского характера. Сохранились сведения, что накануне выступления в Хуйчжоу Сунь Ят-сен написал четверостишие:

В бесметельных вихрях мрака нет просвета.
Несчастий годы катятся чредою.
Но возмужали славные герои.
Готовые свершить пересвот Земли и Неба.
[163, т. 1, 87]

Эта песенка распространялась среди хуйданов и служила сигналом к выступлению.

При участии членов «Синчжуна» было, по-видимому, составлено и заявление повстанцев из уезда Гуйшань, опубликованное в Сянгане. В этом документе традиционные идеи о воле Неба переплелись с программными требованиями революционеров о демократическом правительстве. «Мы, китайцы, проживающие в Китае и за границей, — говорилось в заявлении, — даем клятву изгнать маньчжурское правительство и создать государство народовластия» [85, т. 1, 241]. Лозунг восстановления могущества Китая («Осуществление незавершенных стремлений трехсотлетней давности») сочетался в документе с предложениями о развитии международной торговли Китая. За традиционным призывом хуйданов «пожертвовать собой», «не жалеть крови во имя великого дела» следовал призыв к державам о нейтралитете, выдержанный в духе программных положений «Синчжуна» [см. 85, т. 1, 241].

Активно содействуя подготовке восстания 1900 г., лидеры организации почти не принимали непосредственного участия в выступлении. На первый план руководство «Синчжуна» выдвинуло фигуру, наиболее авторитетную для членов тайных обществ Гуандуна. Восстание в Хуйчжоу возглавил Чжэн Ши-лян, отряд которого был авангардом повстанцев. Военные операции вели также

²⁸ У Чжэн Ши-ляна имелось 300 винтовок. Часть оружия члены «Синчжуна» надеялись получить из Японии, другую часть тайно закупить у местного военного гарнизона [см. 85, т. 1, 236].

отряды местных хуйданов, руководимые своими вожаками. Они то скрывались в труднодоступных районах, то совершали нападения на уездные центры. Участники восстания, следуя традиции тайных обществ, надели красные повязки [см. 85, т. 1, 243]. Некоторые повстанцы были одеты в белые одежды с красной каймой [см. 85, т. 1, 243]. Худайны выступали не под знаменем «Синчжуна» (белое солнце на синем небе), а под флагом, на которых были имена вождей «Сунь», «Чжэн», лозунги «Защитим иностранцев, уничтожим маньчжуров» [см. 85, т. 1, 239], «За Великий Китай» («Да Цинь го») [см. 85, т. 1, 242]. Подчиняясь общему замыслу восстания, отряды хуйданов на этот раз действовали довольно самостоятельно. Они придерживались своей обычной тактики и сохраняли обычные для тайных обществ атрибуты выступления.

Историк Ло Сян-пин, автор многочисленных работ о Сунь Ят-сене, в одной из бесед высказал утверждение, что «если бы не было „Хунмына“, то не было бы и „Синчжуна“» [272, 96]. Действительно, с мыслью о глубоком воздействии тайных обществ на первых китайских революционеров нельзя не согласиться. Изучение отношений «Синчжуна» с тайными обществами позволяет поставить вопрос о различных аспектах этого влияния. Антиманьчжурские идеи в программе организации свидетельствуют о влиянии тайного движения на политические убеждения членов «Синчжуна». С поддержкой хуйданов были связаны первые шаги практической деятельности революционеров.

Признавая участие членов тайных обществ в революционных событиях, Сунь Ят-сен в то же время выступал против возможной переоценки роли хуйданов в революции. В одном из своих писем составителям «Истории республики» он писал: «Хотя в тайных обществах густо расцвел национализм, они были деспотичны по своей сути, с очень резкой разницей сословий, в них не было даже отзвуков принципа республики и идеи народовластия» [164, т. 5, 321]. Сунь Ят-сен подчеркивал чрезвычайно важное обстоятельство: ограниченность сферы идейного влияния хуйданов на новое направление. Он настаивал на четком установлении границ этого влияния.

Вопрос о характере воздействия тайных обществ на тактику «Синчжуна» также требует уточнения. Члены

организации увидели в хуйданах готовый инструмент революции. Революционеры имели возможность нанять вооруженные отряды за определенное вознаграждение (1895 г.) или договориться с вожаками хуйданов о выступлении (1900 г.). В значительной степени эта возможность облегчала положение революционеров и определяла курс «Синчжуна» на организацию заговоров и восстаний. Но подобное обстоятельство не могло в известном смысле не ограничивать китайских революционеров в их поисках опоры для переворота. Пользуясь помощью вооруженных отрядов хуйданов, организация не сразу почувствовала необходимость в поддержке иных сил, необходимость развернуть революционную агитацию среди других слоев населения.

Материалы по истории общества «Синчжун» дают основание не только говорить о революционизирующем влиянии тайных антиманьчжурских обществ на буржуазно-революционное движение, но и уяснить, в чем конкретно это влияние проявлялось. Однако оценка этого влияния не может быть однозначной. Знакомство с политической программой, с тактическими решениями лидеров «Синчжуна» показывает, что нельзя преувеличивать воздействия хуйданов на взгляды и деятельность первых революционеров и лишь положительно оценивать его результаты.

А. С. КОСТЯЕВА

ТАЙНЫЕ СОЮЗЫ НАКАНУНЕ СИНЬХАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Сложная и многоплановая проблема — тайные союзы в Синьхайской революции — еще ждет своего исследователя. В данной статье мы остановимся только на некоторых ее сторонах.

В исторической литературе главное внимание уделено участию союзов в общей революционной борьбе, и то единодушно, с которым большинство историков революции 1911 г. признают их существенную роль в свержении Цинской династии; свидетельствует о важности и значимости различных аспектов этой большой проблемы. Можно привести лишь некоторые, достаточно яркие оценки: «Без деятельности тайных союзов, — писал Тан Лян-ли, — республиканская революция не была бы осуществлена» [269, 9]; «Невозможно правильно понять современные события в Северо-Западном Китае, — отмечал в 1913 г. Кейт, — без учета тайного общества «Гэлаохуй» («Общество старшего брата») [249, 23]. Следует, однако, отметить, что историки главное внимание уделяли либо обществам, в той или иной мере связанным с революционно-демократическим лагерем, таким, как «Саньдяньхуй» («Общество трех точек»), «Гэлаохуй», «Лунхуахуй» («Общество „Лунхуа“»), либо возникшим в начале XX в. союзам революционеров, которые позднее вошли в «Тунмэнхуй» или примыкали к нему [см. 24; 207; 213; 222; 250].

Подобное ограничение круга тайных союзов вытекало из общего направления исследований, рассматривавших прежде всего сознательное революционное движение. На первый план выдвигались вопросы связей и контактов новых революционных союзов, возникших на рубеже XIX—XX вв., со старыми, традиционными объ-

единениями оппозиции. Именно эта сторона проблемы и получила наибольшее освещение в литературе¹.

Один из центральных, основных вопросов — социальный состав союзов — освещен значительно меньше, хотя и в этом плане высказано немало общих замечаний и предположений. Буржуазные и в особенности гоминьдановские авторы подчеркивали темноту и невежественность рядовых членов тайных союзов, отмечали необразованность их руководителей, противопоставляли их революционерам². Взгляды современных китайских историков о составе союзов наиболее полно высказаны на страницах газеты «Вэньхуйбао» в период дискуссии 1961—1962 гг.³ Участники дискуссии рассматривали в основном такие объединения, как «Тяньдихуй» («Союз неба и земли»), «Гэлаохуй» и некоторые другие. Многообразие мнений по данному вопросу, с одной стороны, свидетельствует о социальной неоднородности союзов, а с другой — ставит перед исследователями задачи конкретного изучения состава той или иной группы союзов и даже каждого союза в отдельности.

Неоднородность социального состава теснейшим образом связана с многообразием самих союзов, их разнотипностью. Под общим термином «тайные общества» скрываются самые различные по своему характеру оппозиционные организации⁴. Именно на этой стороне общей проблемы мы и остановимся более подробно.

¹ В современной историографии, например, утвердилась концепция, согласно которой в период до 1908 г. революционеры в борьбе с Цинями опирались главным образом на тайные союзы, используя их в качестве основной силы восстаний; непосредственно же перед революцией центр тяжести своей работы они перенесли на армию и студенчество [см. 156; 222; 246].

² Описывая «Гэлаохуй», Кейт, например, писал, что тайный союз «черпает свои силы и апеллирует к крестьянам, ремесленникам, простым солдатам. Его члены крайне невежественны, даже руководители — малообразованные люди» [249, 23].

³ Ряд историков, например Дай И, считают «Тяньдихуй» в основе своей крестьянской организацией позднефеодального общества, в которой было заметное преобладание и влияние городских слоев — кустарей, рабочих, торговцев, деклассированных элементов. Оспаривая эту точку зрения, Вэй Цзян-ю подчеркивает исключительно крестьянский, антифеодальный характер союза с его отсталыми формами организации, реакционной идеологией и примитивными методами борьбы. Юань Дин-чжун основной акцент делает на сочетании классовых и национальных целей «Тяньдихуя», чем и объясняет многообразие социального состава [см. 23].

⁴ В данной статье будут рассмотрены только союзы. Китайская

Как уже отмечалось выше, китайская и западная историография считает такие организации, как «Тяньдихуй», «Саньдяньхуй», «Гэлаохуй», основными, а более мелкие объединения их филиалами и ответвлениями. Теория разветвленности указанных союзов Китая, существования их крупных отделений в различных районах страны⁵ получила весьма широкое распространение в исторической литературе⁶. Видимо, подобная теория возникла из концепции происхождения союзов.

Наиболее распространенная теория связывает возникновение «Тяньдихуя», например, с антиманьчжурской борьбой в начале правления Цин. Основание союза обычно относят к 1674 г. (13-й год правления Канси).

Историческая традиция связывает возникновение «Тяньдихуя» с антиманьчжурской деятельностью минских сановников, которые во второй половине XVII в., убедившись в бесплодности активной борьбы с Цинь, перешли к иной форме сопротивления⁷. Не оспаривая основной идеи данной концепции, современный китайский историк Цай Шао-цин в статье о происхождении «Тяньдихуя» («Бэйцзин дасюэ сюэбао», 1964, № 1) подправляет и уточняет ее, отмечая, что при первых маньчжурских императорах в юго-восточных провинциях Китая широкие народные массы (а не минские сановники)

традиция, а вслед за ней и современная историография проводят относительно четкую грань между тайными союзами (термин «хуйдан») и оппозиционными сектами (термин «цзяомэн»). Многие авторы считают секты замкнутыми патриархальными организациями крестьянства с сильным влиянием феодальной идеологии, мистики, суеверий. В этом плане секты нередко противопоставляются хуйданам. Широкое распространение получила концепция преобладания сект на Севере и союзов - на Юге. Некоторые авторы связывают это даже с темпераментом южан и северян. Указанные точки зрения с различной степенью категоричности изложены в работах китайского революционера Тао Чэи-чжэна [см. 85, т. 3, 99—111], в статьях современных историков Шао Сюнь-чжэна [см. 22] и Ван Тянь-цзиня [см. 158].

⁵ Хираяма Сю, в частности, приводит данные о пяти крупных отделениях «Тяньдихуя»: 1) в Фуцзяни и Цзянсу, 2) в Гуандуне и Гуанси, 3) в Юньнани и Сычуани, 4) в Хунани и Хубэе, 5) в Чжэцзяне, Цзянси и Хэнане [19, 37].

⁶ Сяо И-шань в своем исследовании приводит 11 крупнейших ответвлений «Тяньдихуя», среди которых «Шуайдаохуй» («Союз двойных пожей»), «Сяодаохуй» («Союз малых пожей»), «Сяохунцихуй» («Союз малого красного знамени»), «Цин хун бан» («Синее и красное братство») и даже «Гэлаохуй» [см. 196, т. 1, 4].

⁷ Этой точки зрения придерживались буржуазные революционеры Сунь Ят-сен, Тао Чэи-чжэи, Чжан Тай-янь.

на базе издавна существовавших тайных союзов создали оппозиционную антицинскую организацию под названием «Тяньдихуй».

Поскольку «Тяньдихуй» был одним из первых союзов по борьбе с Цинами, а широкая антиманьчжурская пропаганда в виде театральных представлений, преданий, легенд⁸, обрядов, ритуалов обеспечивала ему популярность в народе, то возникавшие позднее тайные союзы с аналогичными целями борьбы, видимо, считали себя последователями этого общества и даже его отделениями. Кроме того, отдельные представители союза могли создавать самостоятельно подобные объединения в других провинциях под тем же названием. Поэтому, возможно, и появились в уставе «Тяньдихуя» пункты, обязывающие членов союза оказывать помощь своим собратьям из других провинций [см. 19, 41—49; 196, т. 3, 1—11].

Вышеизложенная концепция разветвленности основных и наиболее распространенных союзов вызывает большое сомнение. Локальность, изолированность массовых выступлений союзов, прямо вытекавшая и отражавшая экономическую и политическую разобщенность не только отдельных районов страны, но даже провинций, отнюдь не свидетельствуют о существовании какой-то относительно единой организации с прочными и постоянными связями. Некоторые текстуальные и смысловые различия программных документов «Тяньдихуя», взятые из разных источников⁹, также говорят об отсутствии такого единства. Следует иметь в виду и организационную неустойчивость союзов. На протяжении веков, независимо от причин и времени своего создания, они не раз меняли свой характер и названия. Многие из них были уничтожены, другие распадались сами, вместо них появлялись новые.

⁸ Существует несколько легенд о создании союза, одна из которых гласит, что монахи буддийского храма Шаолиньсы (провинция Фуцзянь), оказавшие в свое время неоценимую услугу Канси, были вероломно обмануты последним. Цинские солдаты, с помощью предателя проникшие в монастырь, сожгли и разрушили его. Случайно спасшиеся пять монахов разошлись по уездам, призывая население объединиться и отомстить маньчжурам [см. 196, т. 1, 9]. Кроме легенды о сожжении храма Шаолиньсы широкое хождение имела история семьи Чжэн Чэн-гуна и обстоятельства убийства семьи Чжэн Чжи-луна в Пекине [см. 196, т. 1, стр. 10].

⁹ Имеются в виду работы Хираяма Сю [см. 19] и Сю И-шаня [см. 196].

К началу XX в. в Китае существовало множество союзов, возникших в разные периоды и по различному поводу. В этой связи весьма любопытно высказывание французского журналиста Жана Рода, современника Синьхайской революции. «Большим обилием тайных обществ, — писал Род, — Небесная империя обязана тиранической власти законов, обычаев и обрядов, которые так жестоко поработили личность, что борьба с ними в защиту своей индивидуальности для единичного члена общества оказалась непосильной. Поэтому принадлежность к группе, сплоченной солидарностью общих интересов, является для китайца как бы необходимым условием его существования» [142, 283].

При всем многообразии и разнохарактерности этих объединений, на наш взгляд, можно условно выделить два основных типа союзов: объединения, преследовавшие преимущественно экономические цели, главным образом те или иные формы взаимопомощи, и организации с политическим уклоном. Разумеется, невозможно провести четкую грань между указанными типами, тем более что у многих союзов второго типа все же преобладали экономические моменты их деятельности. Достаточно наглядно это видно по клятве «Тяньдихуя» — определению «политического» союза¹⁰. Из 36 пунктов подавляющее большинство касается морали, норм поведения членов союза, различных видов помощи, лишь два последних отражают политические цели¹¹.

Союзы взаимопомощи объединяли определенные категории населения. Как подметил Жан Род, в Китае не только «рабочие, но и ученики в школе, и солдаты в полку, и даже слуги в доме неизбежно соединяются в союзы со строго разработанной иерархией, при помощи которых рабочие, ученики, солдаты, слуги способны оказывать победоносное противодействие злоупотреблениям» [142, 283]. Среди этого типа объединений видное место занимали союзы «соляных» контрабандистов¹²,

¹⁰ Текст клятвы приведен у Хирямы [см. 19].

¹¹ В клятве «Тяньдихуя», опубликованной у Сяо И-шаня, на первое место поставлено требование мобилизации сторонников и активной поддержки восстания с целью свержения Цин и восстановления Мин.

¹² Под «соляными» контрабандистами подразумевались арендаторы соляных разработок (особая категория крестьян), скупщики соли, торговцы, перевозчики, лодочники, занимающиеся добычей и сбытом соли, минуя государственную монополию.

действовавшие преимущественно в бассейне Янцзы. Чаще всего в источниках упоминаются «Хунбан» («Красное братство»), «Цинбан» («Синее братство»), «Сыфаньдан» («Союз контрабандистов»).

Нарушение государственной соляной монополии, а отсюда различные формы противодействия властям несколько отличали эти союзы от других организаций взаимопомощи. Узкие и специфические задачи защиты своих членов — торговцев (крупных и мелких), перевозчиков, лодочников — от преследований правительства превращали союзы в боевые объединения, построенные по военно-общинному принципу. Они, как правило, имели довольно значительные вооруженные отряды, боевые лодки. Газеты писали об использовании контрабандистами современного огнестрельного оружия.

Однако корпоративность этих организаций не исключала участия в них и более широких слоев населения. Газета «Чжунвай жибао», в частности, отмечала силу, распространенность и влияние союза «Цинбан», его глубокие связи с населением провинций Чжэцзян и Цзянсу. Местные чиновники постоянно жаловались на трудности борьбы с «бандитами», убежища которых были рассеяны по всем деревням. Когда приближались правительственные войска, «бандитов» невозможно было отличить от местных крестьян [332, № 1, 1, 3].

В периоды активной борьбы с властями, во время ожесточенных боев с войсками, население, заинтересованное в низких розничных ценах на соль¹³, как правило, поддерживало контрабандистов. Кроме того, нередко были и совместные выступления крестьян и соляных торговцев против высоких налогов и монополии. Такое массовое движение, возглавленное союзами «соляных» контрабандистов, развернулось в конце 1907 — начале 1908 г. на территории провинций Чжэцзян и Цзянсу. Оно началось с выступления мелких лодочников, которые в результате решительных правительственных мер, оттеснявших лодочников и перевозчиков контрабандной соли с Янцзы на оз. Тайху (провинция Хунань), лишались единственного средства существования. В дальнейшем к движению примкнули арендаторы соляных

¹³ В процессе производства и распределения соль подвергалась пятикратному налоговому обложению, поэтому розничная цена государственной соли во много раз превышала ее себестоимость. Контрабандисты же продавали соль по более низкой цене.

разработок, перевозчики, торговцы, а также крестьяне тех областей Чжэцзяна (Ханьчжоу, Хучжоу, Цзяши), на территории которых вспыхнули волнения.

Выдвинутые союзами лозунги с требованиями отмены монополии, снижения соляного и других налогов (в частности, натуральной подати) объединили различные слои населения, что и определило размах и массовость восстания. В своем развитии движение переросло узкие рамки частного выступления потесненных властями «соляных» контрабандистов. Вооруженные отряды союзов при активном участии крестьянства в декабре — январе 1908 г. захватывали уездные центры, громили управы, расправлялись с чиновниками, освобождали заключенных, нападали на иностранные миссии.

В уезде Тунсян, например, крестьяне, требовавшие от властей временного снижения натуральной подати для хозяйств, пострадавших от стихийных бедствий, присоединились к подошедшим сюда отрядам союзов и захватили значительную территорию уезда. В контролируемом ими районе были уничтожены налоговые управы, полицейские участки, изгнаны чиновники, на торговцев наложены контрибуции (каждая лавка обязана была кормить одного повстанца).

О размахе движения в Чжэцзяне, боевой силе отрядов повстанцев можно косвенно судить по мерам, принятым властями. Учитывая неблагонадежность местных гарнизонов, солдаты которых были связаны с тайными союзами и оказывали им различную помощь¹⁴, центральное правительство послало в Чжэцзян 20 батальонов новой бэйянской армии под командованием Чан Вэй-ти [см. 330, 1908, 11 января, 40]. Прибывшие специальными пароходами 10 тыс. солдат в начале февраля 1908 г. подавили движение.

К рассматриваемой группе союзов можно условно отнести и объединения низов общества, деклассированных элементов, разбой и грабеж для которых являлся единственным источником существования. Их массовость, распространенность, постоянная борьба с властями, а также определенный заряд социального недовольства и протеста делали их возможными союзниками и даже участниками народных выступлений. В периоды обострения социальных и классовых противоречий, в периоды

¹⁴ Об этом прямо говорилось в императорском указе губернаторам мятежных провинций [см. 332, № 4, 62].

подъема массовых движений некоторые из таких союзов активно включались в общую борьбу, выступали совместно с крестьянством под их лозунгами. Так было в 1901—1902 гг. в Чжиле во время восстания Цзин Тин-бина против контрибуции и миссионерских вознаграждений. Газеты того времени полны сообщений о возросшей активности «мацзэй» («конных бандитов»), которые, пользуясь поддержкой населения, захватывали и держали под своим контролем целые области. «Мацзэй» действовали также совместно с отрядами «Ляньчжуанхуа» («Объединенный союз деревень» — местная легальная крестьянско-помещичья организация самообороны, составлявшая костяк повстанческого войска Цзин Тин-бина) и ихэтуанями. Как писали китайские газеты, «знаменитые разбойничьи шайки мацзэй (верховые воры) и хунхуа (краснобороды) хозяйничают на свободе... Эти разбойники имеют также пушки и другое оружие и действуют сообща с боксерами...» [145, т. 2, вып. 5, 588]. По данным прессы, в восстании Цзин Тин-бина принимали участие до 10 тыс. «мацзэй» [145, т. 2, вып. 5, 588; т. 3, вып. 2, 408].

Итак, мы видим, что так называемые экономические союзы, эти организации угнетенных и обездоленных, дававшие поддержку и помощь для одних или даже определявшие форму существования для других, несли в себе и определенный заряд протеста против экономической и социальной несправедливости. Конкретное проявление этого протеста во многом зависело как от социального состава, так и от руководства.

Различные, а подчас и противоположные точки зрения историков о социальном составе союзов, как отмечалось выше, лишь раз подтверждают их социальную неоднородность и пестроту. Кроме основных сословий населения — шэньши, крестьян, ремесленников, торговцев¹⁵ — в союзы входили также разорившиеся крестьяне, ремесленники, безработные, лица без определенных занятий. Почти не поддается определению классовое лицо союзов, однако иногда можно проследить преобладание тех или иных социальных групп, например трудового, производительного населения (крестьяне, ремесленники, мелкие торговцы), либо деклассированных элементов.

¹⁵ Именно эти сословия перечислены в клятве «Тяньдихуа».

Преимущественно крестьянский состав союзов более характерен для отдаленных, экономически отсталых провинций. В деревнях провинции Гуанси, например, периодически появлялись объединения, именовавшиеся «Бантай», «Банхуй» («Союз помощи»¹⁶). В описании уезда Лучуань этой провинции читаем: «В 1877 г. в местечке Данзяосюй был создан союз, в другом месте также был создан союз...» [цит. по: 175, 62]. Как видно из самих названий, эти союзы являлись организациями взаимопомощи. В периоды подъема массовых движений союзы росли и пополнялись главным образом за счет грудовых слоев населения, и прежде всего крестьянства. После начала в Гуанси стихийного народного движения 1901—1905 гг. газета «Дагунбао» в июле 1902 г. сообщала: «С зимы прошлого года до настоящего времени хуйданы в Наньнине, Тайпине, Сичэне, Чжэньяни (Гуанси) заставили каждого жителя деревни вступить в „Бантай“» [175, 62]. Хотя в официальных документах, донесениях чиновников тайные союзы, именовавшиеся «бандитскими шайками», как правило, противопоставлялись трудовому населению провинции, но даже в них содержатся прямые свидетельства участия крестьян в движении. В одном из донесений наместника Лянгуана, например, излагалось предложение руководителей повстанцев Гуанси в период некоторого спада движения (1903 г.) послать чиновников для переговоров, так как повстанцы устали восстать и хотят вернуться обрабатывать поля [см. 145, т. 10, 32, 82].

Преобладание в союзах основного производительного населения, в первую очередь крестьянства, в значительной мере влияло на формы борьбы, лозунги и требования. Хотя союзы Гуанси в период указанного движения и не выдвинули непосредственных лозунгов борьбы за землю (во всяком случае, таких данных нет), однако имеются некоторые сведения о прямой антифеодальной пропаганде. Одно из воззваний, распространявшееся повстанцами, гласило: «В Поднебесной все суходольные и заливные поля обрабатываются нами, крестьянами, владелец земли испокон веков собирал арендную плату, что вызывало гнев неба и людей. Отныне землевладельцы не

¹⁶ Некоторые историки, например Лай Синь-ся, считают их ответвлениями «Тяньдихуя», хотя каждый союз возникал и действовал самостоятельно, независимо друг от друга.

должны ни под каким предлогом собирать арендную плату» [цит. по 189].

Преимущественно крестьянский состав союзов не исключал участия, как уже отмечалось, и других слоев населения, изменивших с переменой занятий свое прежнее социальное лицо (разорившиеся крестьяне, солдаты, безработные). Вслед за крестьянами в составе союзов Гуанси источники называют солдат правительственных войск, бродяг, лиц, лишенных каких-либо средств существования. «Безработные, невежественные люди, — докладывали чиновники, — крайне бедны, им нечем существовать, они объединяются и живут грабежом, постоянный голод и холод делает их крайне возбудимыми, страдания их не поддаются описанию» [цит. по 175, 63].

Социальная неоднородность союзов, в том числе и тех, где преобладали крестьяне, с одной стороны, слабая классовая дифференциация самого крестьянства, его политическая и экономическая отсталость — с другой, во многом определяли стихийные, примитивные, главным образом разрушительные, формы социального протеста и борьбы. Нападения на ломбарды, хозяйства богачей, рисовые лавки, погромы уездных управ, полицейских участков, домов чиновников и даже школ были обычными действиями повстанцев.

Отсутствие у большинства союзов каких-либо позитивных социально-экономических программ и требований, популярность традиционных боевых, но достаточно примитивных лозунгов «Громим богатых, помогай бедным», «Чиновники угнетают, народ восстает» свидетельствовала о политической и идеологической неразвитости движения союзов. Их борьба, как правило, сливалась со стихийными выступлениями широких крестьянско-плебейских масс, направленными против тяжелых налогов, произвола местных властей. С другой стороны, широкие массы использовали уже существовавшую, привычную для них традиционную форму организации. И потому достаточно ясно прослеживается прямая зависимость между ухудшением экономического положения народа, нарастанием его недовольства и активностью тайных союзов, увеличением числа их сторонников. В начале 1903 г., например, газета «Линдун жибао» следующим образом комментировала выступления в Гуанси: «В уезде Мапин... беспокойно. Рис вздорожал, народ страдает, в связи с этим бандиты поднимают вос-

станция» [76, т. 1, 1-- 2]. Китайская печать неоднократно отмечала, что «из-за бедственного положения народа подлые бандиты пользуются случаем и начинают активно действовать» [76, т. 1, 3--4].

В первом десятилетии XX в. тайные союзы принимали участие во многих выступлениях, непосредственно связанных с жизненными интересами трудового народа, — в движениях против налогов, «рисовых» бунтах.

Рассмотренная группа тайных союзов, условно — «экономических», как уже отмечалось выше, не выдвигала своих особых социально-экономических лозунгов и требований; чаще всего они поддерживали стихийный и неосознанный протест против существующего строя вообще и каких-то конкретных проявлений экономического и политического гнета в частности.

Однако нередко причина этого гнета связывалась с правлением маньчжурской династии. В программе одного из крупнейших союзов Хунани, например (имеется в виду союз «Хунфухуй» — «Общество всеобщего спасения», — принимавший участие в Пинсянском восстании 1906 г.), прямо говорилось: «Сейчас в стране сильное наводнение, наши соотечественники лишены крова, гибнут на севере и юге. Повсюду слышен стон голодных людей, умирающих на дорогах, при виде страданий сжимается сердце, появляются слезы, само Небо не выносит власти маньчжуров и посылает бедствия» [85, т. 2, 478].

Тогда тайные союзы выступали как оппозиционные политические организации в борьбе с Цинями. Подобные объединения с той или иной степенью политического уклона и составляли, на наш взгляд, другую основную группу союзов. Они также отличались разноплановостью. Политический аспект деятельности одних ограничивался общей оппозиционностью. Это выражалось включением в документы общества (чаще всего в клятву, устав) популярного общего лозунга «Долой Цинь, восстановим Мин», пунктов, обязывавших членов союзов в периоды вооруженных восстаний помогать повстанческой армии боеприпасами, продовольствием, фуражом. У других политические цели борьбы являлись главными и определяющими. Особенно это относится к тем союзам, которые испытали на себе определенное идеологическое и политическое влияние революционно-демократического лагеря. Сюда можно отнести такие

союзы, как «Гэлаохуй», «Лунхуахуй», «Чжунпаньхуй» («Общество южного предела») и др.

Первые два пункта устава «Лунхуахуй»¹⁷, например, вполне определенно формулировали цели союза — объединение усилий всех братьев для свержения маньчжурского императора и возвращения власти Минам. Этой задаче подчинялась и вся организационная структура союза. Детально разработанный институт отделов, чинов, рангов призван был обеспечить военную подготовку и обучение будущих повстанцев. Все десять пунктов устава, даже такие, как оказание помощи семье погибшего собрата, меры наказания, подчинены основной цели — свержению Цинов. В пяти пунктах клятвы присутствовали политические моменты, вступивший давал присягу отдать все силы общему делу, не избегать опасности, хранить тайны союза, во время восстаний являться на место сбора, быть заодно с братьями.

Политическая, преимущественно антицинская, направленность рассматриваемой группы союзов делала их активными участниками движений и восстаний, непосредственно направленных на свержение царствовавшей династии. Наиболее крупные и значительные выступления тайных союзов первого десятилетия XX в. движение в Гуанси (1901—1905 гг.), Синцзянское восстание 1906 г., выступления союзов «Байбухуй» («Общество белого холста»), «Лунхуахуй», «Чжунпаньхуй» в 1907 г. в провинции Чжэнсян¹⁸ — носили в той или иной степени антидинастический характер.

В этом перечне названо и движение в Гуанси, руководимое, как уже отмечалось, тайными союзами, близкими к организациям взаимопомощи. Само деление на «политические» и «экономические» союзы достаточно условно. В периоды подъема массовой борьбы последние также выдвигали политические, антиманьчжурские лозунги. Антицинский аспект в таких выступлениях занимал подчиненное место, являясь скорее формой проявления социального протеста. Это характерно именно для серии антиправительственных и антифеодалных восста-

¹⁷ Хотя устав написан Тао Чэн-чжаном, одним из видных деятелей революционной организации «Гуанфухуй», однако основные программные установки и организационные принципы этого устава характерны для традиционных союзов «старого» типа.

¹⁸ Подробнее об этих выступлениях см. статью Ю. В. Чудодеева в данном сборнике.

ний в Гуанси (1901—1905 гг.). Китайские и особенно западные источники (пресса того времени) подчеркивали антидинастическую направленность этого движения в целом. И действительно, отдельные повстанческие отряды выступали под ярко выраженными антиманьчжурскими лозунгами. Вполне определенно это звучало в воззвании, распространявшемся в 1902 г. в Шэньси¹⁹. «Сыны Китая, — говорилось в обращении, — мы не бандиты. Мы — истинные китайцы, которыми управляют чужеземцы. Разве маньчжуры, узурпаторы нашего трона, не чужеземцы? Их правление несправедливо, они не слышат стонов народа... Их алчные чиновники продали Китай по частям западным народам, а затем объявили войну без нашего согласия... Истинные сыны Китая и Юга, мы обращаемся к вам... Наши задачи: сбросить маньчжурскую династию, учредить новую династию с китайским императором на троне, помочь угнетенным и нуждающимся, провести реформы, поощрять торговлю, объединить провинции Гуанси, Гуандун и Гуйчжоу с центром в Гуанчжоу... Мы враги только маньчжуров»²⁰.

Основная же масса повстанцев Гуанси выступила под традиционными лозунгами стихийных, антифеодальных восстаний: «Гром богатых, помогай бедным»²¹, «Чиновники угнетают, народ восстает», выдвигала конкретные требования снижения налогов, отмены контрибуции иностранцам [см. 330, 1902, 21 мая, 276; 330, 1902, 11 июня, 399].

Подобное сочетание антиимперских лозунгов с лозунгами стихийной экономической борьбы, на наш взгляд, объясняется не только сложностью и многоплановостью самого движения, участием в нем различных сил и

¹⁹ Текст дошел в пересказе китайского банкира, очевидца событий.

²⁰ Этот документ принадлежал тайному союзу, на знамени которого, по свидетельству китайского банкира, был изображен перегиб «хун», что означало либо принадлежность к последователям Хун Сю-цюаня (этой персоне придерживался и сам очевидец событий; к тому же один из видных руководителей движения в Гуанси выдавал себя за внука тайнинского вождя), либо принадлежность к «Хунмэну», т. е. союзу «Тяньдихуй». Члены последнего считали себя «братьями единой семьи Хун» [см. 330, 3.IV.1902, 179].

²¹ В частности, этот лозунг был изображен на кусках красной материи, прикрепленных к одежде членов тайных обществ одной из деревень уезда Сюаньхуа [см. 332, т. 1, № 10].

групп --, по и своим, крестьянским пониманием лозунга «Долой Цин». Этот популярный лозунг отражал общее недовольство существовавшим порядком и вполне конкретными формами проявления данного порядка. Подавляющее большинство массовых антицинских восстаний возникало на экономической почве и было непосредственно связано с усилением тех или иных форм эксплуатации, например, ростом налогов, резким ухудшением положения широких масс (неурожаи, голод, повышение цен на продовольствие и т. д.). И не удивительно, что такие лозунги, как «Громи богатых, помогай бедным», «Долой налоги», выдвигались и в Гуанси и в Пинсяне.

Политическая, антицинская направленность данной группы союзов сближала эти традиционные объединения оппозиции с революционными организациями -- «Хуасинхуй» («Союз китайского процветания»), «Гуанфухуй» («Союз возрождения») и др. Тем более, что последние, хотя и создавались на совершенно новой основе, однако во многом восприняли издавна существовавшие формы союзов. Единство антицинских целей борьбы служило объективной основой для вовлечения «старых» традиционных союзов в общее революционное движение, для использования их сил в выступлениях против монархии.

Конкретные формы контактов и связей революционеров с тайными союзами зависели от многих объективных и субъективных факторов, в том числе и от отношения революционеров к этим традиционным организациям. В целом довольно устойчивая позиция революционного лагеря имела на различных этапах борьбы свои нюансы и оттенки. В первые годы десятилетия преобладало стремление использовать благоприятную обстановку, возникавшую в том или ином районе в результате самостоятельных выступлений союзов. Особенно отчетливо эта тенденция прослеживается в период движения в Гуанси.

В связи с выступлением Лу Я-фа²³ деятель «Хуа-

²² Западная пресса выделяла среди повстанцев две основные группы, одна из которых преследовала политические цели и собралась под свои знамена большинство населения провинции, другая же, состоявшая из беглых солдат, не выдвигая никаких политических требований, просто нападала на чиновников и богачей.

²³ Один из ярких эпизодов народного движения в Гуанси. В мае 1904 г. солдаты гарнизона Лючжоу под руководством члена тайного союза Лу Я-фа подняли восстание. Переход организованных воору-

сшихуя» в Хунани решили воспользоваться удачной ситуацией для восстания. В конце 1904 г. Хуан Син на совещании в Баоцзинь, ссылаясь на восстание Лу Я-фа, предложил активизировать революционную пропаганду в Хунани. Через Ма Фу-и, одного из видных руководителей «Гэлаохуя», были установлены связи с хуйданами Гуанси. Цзоу Юн-чэн и У Жэнь были посланы в Гуинси договориться с Лу Я-фа о совместных действиях, однако к моменту их прибытия основное повстанческое войско уже было разбито. Отдельные уцелевшие отряды под руководством Ли Дэ-шаня, Оу Го-аня согласились поддержать будущее хунаньское восстание. Однако планы этого восстания стали известны полиции и организаторам пришлось бежать [см. 96, 81; 175, 76; 24, 16].

В связи с наступлением революционного подъема 1906—1908 гг. появилось стремление вовлекать тайные союзы в общую борьбу. Характерны в этом отношении восстания Сюй Си-линя и Цю Цзинь (1907 г.).

Следует, однако, отметить, что использование тайных союзов и особенно работа среди их членов чаще всего носили характер частной инициативы того или иного революционного деятеля. Нередко подобная инициатива зависела от личных связей и контактов революционеров с вождями союзов²⁴. Для работы с членами союзов посылались специальные люди, которые должны были вовлекать их в революцию. Направляя весной 1906 г. в Хунань членов «Тунмэна» Лю Дао и Цай Шао-наня для подготовки вооруженного восстания, Хуан Син, в частности, требовал от них разъяснения массам разницы между современной национальной революцией и уже бывшими в истории Китая антидинастическими и патристическими восстаниями. «Сторонники тайных союзов, — говорил Хуан Син, — стремясь свергнуть цинскую монархию, выбирали путь ханьского Гао-цзу, минского Тай-цзу и Хун Сю-цюаня, они хотят сохранить монархический строй, ничего не знают о республике, что

женных сил на сторону повстанцев сыграл большую роль в дальнейшем развертывании движения.

²⁴ Руководитель «Гэлаохуя» в Хунани Ма Фу-и был тесно связан с «Хуасинхуем», принимал участие в разработке системы организации повстанческой армии. Ма Фу-и написал устав революционной армии, официально принятый в Токио уже после его гибели [см. 85, т. 2, 463].

может привести в будущем к борьбе руководителей за первенство, взаимному истреблению и нанесет огромный вред. Надеемся, что вы постоянно будете разъяснять членам союзов значение понятий „национализм“, „народовластие“ [85, г. 4, 284].

Пропаганду идей буржуазной революции среди хунданов вели в провинции Чжэцзян накануне восстания работавшие там члены «Гуанфухуя» Тао Чэн-чжан, Цю Цзинь, Вэй Лань и др. Они выступали с речами, распространяли революционные журналы и книги, собирали средства на издание революционной литературы. Так, в Хунцзяни, например, выступление Вэй Ланя о нации и национализме (имеется в виду принцип Сунь Ят-сена) вызвало у аудитории взаимопонимание и одобрение. Но по данным доступных нам источников трудно составить полную картину масштабов и реальных результатов этой пропаганды.

О влиянии буржуазных идей на программу и идеологию союзов судить довольно трудно. У нас имеются лишь отдельные, отрывочные данные. Довольно заметное воздействие революционных принципов ощущается в программе союза «Хунцзянхуй» («Общество благодетельства»), созданного в Хунае накануне Пинсянского восстания 1906 г. на базе существовавших здесь тайных союзов «Гэлаохуй» и «Уцзяошихуй» («Общество изучения военного искусства»). По сравнению с главным монархизмом большинства тайных союзов, борющихся за свержение чужеземной «плохой» династии и восстановление на троне законной китайской, а потому «хорошей» династии, «Манифест национальной армии Китая» (программа «Хунцзянхуя») делал шаг вперед, ставя своей целью создание республики. Антимонархическое содержание «Манифеста», а также требования социального равенства, справедливости, равных прав на землю, выраженных, правда, в самой общей форме, сближали программу «Хунцзянхуя» с принципами «Тунмэнахуя», что, безусловно, свидетельствовало о влиянии революционеров на руководящую верхушку союзов²⁵.

Следует, однако, иметь в виду ограниченность данного влияния, проявившегося хотя бы в том, что руково-

²⁵ В литературе существует высказанное Ли Ши-юе предположение, что текст «Манифеста» написан членом «Тунмэнахуя» Цай Шао-панем, занимавшим в «Хунцзянхуе» пост делопроизводителя.

дители другого крупнейшего союза в Инчжэне «Хунфу» — не приняли новую программу, на этом основании не вошли в созданный союз и даже отказались от совместных действий. Слабость и ограниченность влияния «Тунмэнхуя» можно объяснить многими причинами, в том числе отношением к союзам (преобладало стремление использовать их силы), относительно тесными связями лишь с руководящей верхушкой, малочисленностью революционных организаций.

После 1908 г. наметилось заметное охлаждение интереса революционного лагеря к тайным союзам, переориентировка на армию и студенчество. Здесь, видимо, сказались и некоторая разочарованность в таком слабоорганизованном, разобщенном, недостаточно дисциплинированном союзнике, с одной стороны, и ослабление деятельности самих союзов (после поражения в 1906—1908 гг. многие союзы были уничтожены, другие распались) — с другой.

В течение всего первого десятилетия XX в. тайные союзы, даже наиболее близко стоявшие к революционным организациям и находившиеся под их влиянием, не смогли преодолеть свойственной им групповщины, организационной неустойчивости, текучести. Союзы оставались старой, традиционной формой организации со сложным социальным составом, значительным влиянием феодальной идеологии и феодальных элементов (шэньши, помещики), с примитивными формами социальной и политической борьбы. В результате слабой классовой дифференциации крестьянства и других классов, существенного политического и идеологического влияния помещиков и шэньши союзы не стали и не могли стать классовыми организациями, хотя в некоторые периоды своей деятельности выражали чаяния и требования определенных социальных слоев.

Несмотря на провозглашавшиеся принципы (все члены союза считались братьями) союзам были присущи явления групповщины и социальных антагонизмов, о чем достаточно красноречиво говорят документы. В клятве «Тяньдихуя», например, содержались пункты, призывавшие покончить со старой враждой и неприязнью к своим собратьям [см. 19, 47]. Крайне строго наказывались преступления, совершавшиеся членами союзов по отношению друг к другу. О борьбе внутри союзов, особенно за руководящую роль и влияние, свидетель-

ствуют многие пункты правил, предусматривающие, в частности, смертную казнь за попытку присвоения титула второго руководителя («сянчжу»), различного рода наказания за клевету на того же «сянчжу» [см. 19, 50, 51].

Накануне Синьхайской революции в результате классовой аморфности, организационной дробности, распыленности, отсталой идеологии, отсутствия разработанных социально-экономических и политических программ тайные союзы не стали передовой руководящей организацией массовой борьбы. Они не в состоянии были преодолеть локальность, разобщенность стихийных выступлений крестьянско-плебейских масс. Однако выработанная союзами общинная и военная организация, навыки борьбы, относительная устойчивость и постоянность этих объединений придавали стихийным народным выступлениям, проходившим под руководством тайных союзов, определенное организующее начало.

Ю. В. ЧУДОДЕЕВ

**СВЯЗИ ТАЙНЫХ СОЮЗОВ
С БУРЖУАЗНЫМ РЕВОЛЮЦИОННЫМ
ДВИЖЕНИЕМ В ПРОВИНЦИИ ЧЖЭЦЗЯН
НАКАНУНЕ СИНЬХАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

В истории борьбы народных масс Китая чрезвычайно велика роль так называемых тайных союзов (хуйданов) --- этой специфической формы организации обездоленных народных масс.

В годы, предшествовавшие революции 1911 г., тайные союзы в Китае распространяли свою деятельность в основном в южных и юго-западных провинциях, а также в провинциях бассейна Янцзы. В этих же районах разворачивалась и деятельность буржуазных революционных организаций. Вполне естественно, что буржуазные революционеры, пытаясь создать массовую базу для развертывания антиманьчжурского движения, обратили свои взоры прежде всего на хуйданов, надеясь использовать их для реализации своих политических планов свержения цинской монархии.

Буржуазные революционеры старались использовать хуйданов в течение всего периода подготовки революции 1911 г., даже и тогда, когда главным объектом деятельности революционеров по созданию антицинского фронта становится «новая армия». Начало контактов с тайными обществами относится еще к 1895 г., когда лидеры «Синчжунхуя» установили тесные связи с вожаками гуандуновского «Саньхэхуя» («Триады»). В 1904 г. лидеры «Хуасинхуя» («Союз китайского процветания») и «Гуанфухуя» («Союз возрождения») наладили контакты с различными тайными обществами, действовавшими в Хуанани и Чжэцзяне. В 1906 г. были установлены первые контакты «Тунмынхуя» с сычуаньским «Гэдаохуем» («Общество старшего брата»). Тайные общества приня-

ли активное участие в Сычуаньском восстании осенью 1911 г. Под влиянием революционной пропаганды создавались условия для объединения многочисленных и разрозненных хуйданов и более активного вовлечения их в русло антиманьчжурской борьбы, руководимой буржуазными революционерами.

Примером того, как буржуазные революционеры пытались использовать в своих целях хуйданов, является деятельность лидеров «Гуанфухуя» в Чжэцзяне в 1904—1907 гг.

Активизация деятельности тайных обществ в Чжэцзяне относится к периоду Тайпинского восстания. В повстанческом движении в то время принимали участие местные тайные общества «Ляньпэндан» («Общество лотоса и полыни»), «Цзиньцяньхуй» («Общество золотых монет») и «Хунцяньхуй» («Общество красных монет»), действовавшие в районах Чжуцзи и Вэньчжоу. В последующие десятилетия в провинции неоднократно вспыхивали локальные крестьянские выступления, руководимые местными хуйданами. Возникали новые тайные организации. К началу XX в. в 11 областях Чжэцзяна действовало уже 22 тайных общества. Наиболее крупными из них были «Чжуннаньхуй» («Общество южного предела»), «Лунхуахуй» («Общество цветка дракона»), «Фухуахуй» («Общество притаившегося тигра»), «Байбухуй» («Общество белого холста»), «Шуанлунхуй» («Общество нары драконов») и др.¹ Каждое тайное общество объединяло 20—30 тыс. членов, влияние которых распространялось, естественно, на более широкие массы. Некоторые крупные общества, например «Чжуннаньхуй», «Байбухуй», «Лунхуахуй», действовали на территории нескольких областей; иногда в одной области создавалось несколько тайных союзов, чаще деятельность како-

¹ К более мелким тайным организациям, деятельность которых чаще всего не выходила за рамки какого-либо уезда, относились «Пинъяндан» («Союз спокойного солнца»), «Шэньюаньхуй» («Священный кулак»), «Удайхуй» («Общество черных поясов»), «Цяньжэньхуй» («Общество тысячи бойцов»), «Юйцзяньхуй» («Общество яшмового источника»), «Гуанди хуй» («Общество Гуанди»), «Гучэньхуй» («Общество древнего города»), «Байцзяхуй» («Общество сыновей»), «Бацзи хуй» («Общество восьми знамен»), «Хунцидан» («Общество красного знамени»), «Байцидан» («Общество белого знамени»), «Хэйцидан» («Общество черного знамени»), «Чжайцзяо» («Секта аскетов») и др. Вряд ли правомерно все эти организации считать ответвлениями «Гэлаохуя» [см. 160, 520].

го-либо тайного общества была локализована рамками определенной области или даже одного уезда.

В 1900—1903 гг., до установления первых контактов с буржуазными революционерами, в деятельности чжэцзянских хуйданов преобладала антииностранная направленность, принимавшая чаще всего конкретные формы антимиссионерских выступлений. В июле 1900 г., в разгар движения ихэтуаней, на севере, в ряде областей и уездов Чжэцзяна (Вэньжоу, Пинъян, Жуянь и др.) появились организации местных ихэтуаней. В Пинъяне Цзинь Цзун-цай основал общество «Шэньцюаньхуй», призвав своих сторонников к уничтожению иностранных миссионеров. Однако выступление вскоре натолкнулось на сопротивление помещичьего ополчения и местных властей, которые фрондировали против политики легализации движения ихэтуаней, проводимой в то время правительством Цыси. После ареста и казни Цзинь Цзун-цай общество «Шэньцюаньхуй» перенесло центр своей деятельности в соседний уезд Жуянь, где движение возглавил Чжан Синь-дун. Это был выходец из крестьян, который разбогател на контрабандных операциях. В 1899 г. он вернулся в Китай из Юго-Восточной Азии и вскоре пожертвовал союзу большую сумму денег. В январе 1901 г. Чжан Синь-дун со своими сообщниками одержал ряд побед над местными войсками, однако вскоре потерпел поражение, бежал, но впоследствии сдался властям и был помещен в ханчжоускую тюрьму.

Одновременно с выступлением «Шэньцюаньхуя» в Цюйчжоу началось движение, организованное обществом «Чжуннаньхуй», которое имело антиманьчжурский и антимиссионерский характер. Во главе движения стоял Лю Цзя-фу². Число восставших вскоре достигло 5 тыс., они овладели уездом Цзяншань, Лю Цзя-фу рассчитывал захватить областной центр Цюйчжоу и выйти со своими отрядами в провинцию Цзянси. В ходе восста-

² В «Хронике событий в Чжэцзяне» Тао Чэн-чжан сообщает ряд биографических данных о некоторых вождях чжэцзянских хуйданов. В частности, о Лю Цзя-фу он пишет, что он был выходцем из крестьян, в молодости вступил в армию, дослужился до небольшого командного чина, однако, оказавшись замешанным в какую-то скандальную историю, был вынужден оставить военную службу, скрывался в Фуцзяни, где вступил в «Чжуннаньхуй», а летом 1900 г. он снова вернулся в свой родной уезд Цзяншань, создал «братство» из 18 приверженцев (т. е. основал ячейку «Чжуннаньхуя») и начал готовить выступление [см. 92, 50].

ния хуйданов убили нескольких миссионеров, а также начальника одного из уездов. Однако правительственные войска, стянутые из других районов Чжэцзяна, а также из Аньхуя и Цзянси, вскоре нанесли поражение отрядам Лю Цзя-фу и рассеяли их. Восстание потерпело поражение.

После поражения ихэтуаней в выступлениях чжэцзянских хуйданов начинает постепенно снова нарастать антицинская направленность, которая всегда была присуща их деятельности, но в определенные моменты приглушалась антииностранными (чаще всего антимиссионерскими) лозунгами. Примером этого нового поворота в характере борьбы чжэцзянских хуйданов служит выступление в 1902 г. «Байбухуя» в Яньчжоу под руководством Пу Чжэнь-шэна³. Еще в период движения

³ «Байбухуя» претерпел сложную эволюцию в своем развитии. Общество было создано в 1860 г. в Вэньчжоу крупным помещиком Сунь Цинь-у специально для борьбы с повстанцами «Цзинь-цаньхуя», которое активно действовало в уездах Пиньян и Жуйан. В дальнейшем деятельность общества переместилась в район Яньчжоу и Чучжоу. Постепенно характер организации изменялся, в ней все больше начали преобладать антиманьчжурские настроения. Проникая в среду имущих классов, представители которых возглавляли «Байбухуя», эти настроения, естественно, отражались и на деятельности общества. Тао Чэн-чжан сообщает о Пу Чжэнь-шэне, что это был крупный богатей, «честный и справедливый», который считал себя «выдвиженцем масс» и на которого «с надеждой влиял пришлый люд шести уездов» [92, 51—52]. После Тайпинского восстания в Чжэцзяне появилось много пришлых людей, которые лишь частично были внесены в списки, а чаще всего фигурировали в различных документах просто в качестве бездомных бродяг, однако сохраняли и поддерживали тесные «земляческие» связи. Они образовывали своеобразные корпорации, построенные на принципе землячества, со своими вожаками, «сферами влияния» и т. п. Каждая такая корпорация имела свой циклический знак и составляла довольно значительный актив чжэцзянских хуйданов. Пу Чжэнь-шэн пользовался большим авторитетом именно среди этой категории людей, обязанных ему случайными заработками, подачками и пр. Актив «Байбухуя», возглавленного Пу Чжэнь-шэном, составляла «земляческая» корпорация, которая фигурировала под циклическим знаком «бин». По-видимому, Пу Чжэнь-шэн вступил в «Байбухуя» не только с целью расширения своего авторитета и влияния, но и в силу своих антиманьчжурских настроений. Возглавив общество, Пу Чжэнь-шэн реорганизовал его по образцу военной организации, сформировал специальные отряды по 5, 25, 50, 100 и 500 человек, которые получили название «армии независимости» («дулиньцзюнь»). Сам Пу Чжэнь-шэн присвоил себе титул «цзун ин» («главного наставника»). Организация была создана на строго конспиративных началах.

ихэтуаней Пу Чжэнь-шэи сформировал из своих сторонников специальное ополчение «Нинцингуань» («Отряд умиротворения»), выдвигав лозунг «Восстановим спокойствие и очистим домашние очаги [ог скверны]», который, по-видимому, имел антицинский характер. Еще до начала восстания Пу Чжэнь шэи через своего доверенного предложил местным миссионерам покинуть Чжэньзян. В начале выступления Пу Чжэнь-шэи отдал приказ повстанцам не разрушать церкви, заявив, что «главное зло не в миссионерах, а в чиновниках» [85, т. 3, 52]. Он запрещал также без особых на то причин преследование китайцев-христиан, строго наказывал за грабежи и поборы. Овладев двумя уездами (Фэншуй и Тунлу), повстанцы планировали в дальнейшем овладеть Яньчжоу и двинуться в провинцию Аньхуй. Однако вскоре цинские войска нанесли им ряд поражений. Выступление «Байбухуя» было подавлено⁴.

Одним из последних в этой серии выступлений чжэньзянских хуйданов было выступление, организованное в 1903 г. в Нинхэа местным тайным союзом «Фухухуй» под руководством Ван Си-туна⁵. Движение, носившее ярко выраженный антимиссионерский характер, было вскоре жестоко подавлено правительственными войсками. Ван Си-туну удалось скрыться в другой уезд.

Большая революционная потенция, традиции антиманьчжурской борьбы, конспиративный характер — все эти черты хуйданов, естественно, вызвали интерес к ним у буржуазных революционеров, действовавших в Чжэньзяне. В 1904—1907 гг. Тао Чэи-чжан, Вэй Лань, Сюй Си-линь, Цю Цзюнь, Ло Цзя-сюн, которые входили в чжэньзянский филиал «Гуанфухуя»⁶, активно пытались на-

⁴ Пу Чжэнь-шэи с группой своих сподвижников бежал в горы, некоторое время скрывался от преследования цинских властей, затем сдался и был осужден (местные шэньши ходатайствовали о его помиловании, учитывая его авторитет и влияние в области). В 1907 г. он умер в тюрьме от болезни.

⁵ Первоначально общество называлось «Фухушань» («Гора пригласившего тигра»). В период движения ихэтуаней «Фухухуй» неоднократно выступало инициатором антимиссионерских выступлений в Тайчжоу, Нинбо и других районах. Руководитель общества Ван Си-тун был местным функционером. В конце 1904 г. общество слилось в «Лунхуахуй» [см. 92, 18—19].

⁶ До этого установить связи с чжэньзянскими хуйданами пытались лидеры левореформаторского течения. Весной 1900 г. в момент подготовки выступления «Цзылиңцзюнь» («Армии независимости») Тан Цай-чан послал своего брата Тан Цай-чжуна в Ханчжоу с на-

ладить тесные связи с местными хуйданами и создать на их базе объединенный антимапъчжурский союз тайных обществ, действовавших в провинции. Однако объединение хуйданов в Чжэцзяне было не легким делом, так как тайных союзов в провинции было очень много и действия их были слишком разноплановыми. Кроме того, к тому времени, когда революционеры начали работу по объединению хуйданов, многие тайные союзы были ослаблены в результате неудачных выступлений в 1900–1903 гг., значительная часть их членов разбегалась по различным уездам, либо бежала в другие провинции, некоторые вожаки погибли, скрывались от преследования или сидели в тюрьмах. Наибольшие удары испытали как раз те союзы, которые условно можно отнести к категории «политических» (в их действиях стихийно выраженный социальный протест тесно переплетался с политическими, антимапъчжурскими лозунгами), естественно, представлявших наибольший интерес для революционеров.

Первые попытки установления контактов с тайными союзами были предприняты Тао Чэн-чжаном в конце 1903 — начале 1904 г., еще до организации «Гуанфухуя». Обуреваемый идеями антимапъчжурской революции, Тао Чэн-чжан находился в Шанхае, где у него и возникла мысль о революционной работе среди хуйданов. По рекомендации нескольких китайских студентов, обучавшихся в Японии, которые, вероятно, были членами чжэцзянского «Фухухуя», Тао Чэн-чжан предпринял специальную поездку в Тайчжоу для установления связей с вожаком «Фухухуя» Ван Си-туном. Последний, однако, в это время скрывался от преследования цинских властей, и встреча не состоялась [см. 92, 22]. В дальнейшем работу в тайных союзах Тао Чэн-чжан вел в тесном контакте с другим революционером Вэй Ланем, вернувшимся из Японии специально для ведения работы среди чжэцзянских тайных союзов⁷.

Как до, так и после создания «Гуанфухуя» револю-

циально для налаживания контактов с лидерами «Чжуннаньхуя» Чжан Гуном и Чжан Лэ-шанем. Им была передана значительная сумма денег. Было запланировано, что выступление «Цзылициюнь» будет поддержано хуйданами. Однако заговор вскоре провалился.

⁷ Вскоре Тао Чэн-чжан и Вэй Лань вступили в «Гуанфухуй», созданный Цай Юань-цзем в Шанхае в конце 1904 г.

цноперы чаще всего проводили работу в тайных союзах по своей собственной инициативе. Проникнуть в хорошо законспирированный тайный союз, тем более установить контакт с его вожаками без соответствующих рекомендаций было совершенно невозможно. Так, в феврале 1904 г. Тао Чэн-чжану и Вэй Ланю, имевшим рекомендации редактора ханчжоуской газеты «Байхуабao» Сунь И-чжуна, удалось посетить находившегося в тюрьме уезда Жэньхэ руководителя «Байбухуя» Пу Чжэнь-шэна. Получив в свою очередь от Пу Чжэнь-шэна рекомендательные письма и специальные именные карточки вожака тайного союза, они наладили контакты с членами «Байбухуя» в Фуяне, Фэньшусе и других уездах провинции [92, 22]. После установления связей с «Байбухуем» их работа в тайных союзах активизировалась.

На протяжении 1904 г. Тао Чэн-чжану и Вэй Ланю (вскоре к ним присоединяется Ло Цзя-сюн) удалось посетить несколько областей и уездов провинции и наладить личные контакты с вожаками «Лунхуахуя», «Фухухуя», «Шуанлунхуя» и других тайных союзов — Шэнь Жун-цином, Чжан Гуном, Ван Си-туном, Ван Цзинь-бао и др. Революционеры знакомились с обстановкой в тайных союзах, изучали методы их конспиративной работы, восшную организацию, материальное положение отдельных членов и формы сборов в пользу союза, а также «географию» распространения хуйданов в различных областях и уездах провинции. По свидетельству Тао Чэн-чжана, он хорошо изучил положение в тайных союзах шести областей Чжэцзяна (Цзинь-чжоу, Тайчжоу, Яньчжоу, Чучжоу и др.) [см. 92, 24—25].

К осени 1904 г. относится и первая попытка чжэцзянских революционеров открыто выступить, опираясь на хуйданов. Планировалось это выступление начать одновременно с готовящимся в Чанша восстанием «Хуа-синхуя». Тао Чэн-чжан и Вэй Лань рассчитывали привлечь также силы «Лунхуахуя» и «Шуанлунхуя». Специально с этой целью велись переговоры с вожаками этих тайных союзов. Однако план этот не был реализован, так как пришло известие о провале восстания в Чанша [см. 92, 24].

Важной стороной развернувшейся деятельности чжэцзянских революционеров среди хуйданов являлась

пропаганда революционных идей, прежде всего идей насильственного свержения маньчжурского гнета и восстановления суверенитета ханьцев. По свидетельству Тао Чэп-чжана, одной из главных тем выступлений революционеров перед членами тайных союзов была «идея нации и расовых различий». В тайных союзах распространялась нелегальная антиманьчжурская литература — революционные газеты и журналы «Синь Хуань» («Новая Хуань») «Чжэцзян чао» («Прибой Чжэцзяна»), «Синь Гуандун» («Новый Гуандун»), «Цзянсу», «Хэйлуцзян», антиманьчжурские памфлеты «Революционная армия», «Оглянись!», «Набат», принадлежавшие перу Цзоу Жуня и Чэнь Тянь-хуа, «Новые песни гор», «Душа Конфуция» (их авторами-составителями были Ло Цзя-сюн и Вэй Лань) и др. [см. 92, 25]⁸. Революционеры собирали среди членов тайных обществ средства на различные революционные издания, в частности на издание газет «Гоминьбао» («Нация»), «Гоминь жижи синьвэнь» («Ежедневные новости»), «Цзиньчжун жибао» («Набат»).

Безусловно попытка внести в стихийную борьбу тайных союзов единую, относительно стройную и аргументированную политическую концепцию антиманьчжурской борьбы играла положительную роль. Она дополнила и развивала традиционный лозунг тайных союзов «Фан Цин, фу Мин», способствовала объединению различных тайных союзов на единой платформе антиманьчжурской борьбы.

Однако имеющиеся источники (в первую очередь «Записки» самого Тао Чэп-чжана) не позволяют в полной мере оценить степень и масштабы идеологического и политического влияния революционеров на деятельность тайных союзов. Не ясно, насколько глубоко революционная пропаганда проникла в толщу хуйданов. Одна-единственная фраза Тао Чэп-чжана о том, что «в Восточном Чжэцзяне революционная литература распространялась повсюду, а революционные идеи стали популярны в средних и низших слоях общества» [92, 25], мало что объясняет.

Другой важный вопрос — насколько идея ханьского

⁸ Чжан Хуан-си в биографии Тао Чэп-чжана, в частности, сообщает, что осенью 1904 г. революционеры привезли и распространили в уезде Цзиньхуа несколько тысяч экземпляров памфлетов «Оглянись!» и «Новые песни гор» [см. 85, т. 1, 523].

национализма в пропаганде среди хуйданов дополнялась лозунгами демократического и социального переворота. Известно, что лидеры «Гуанфухуя» весьма настороженно относились к принципам демократизма и народного благосостояния в программе Сунь Ят-сена. Поэтому вряд ли эти принципы широко пропагандировались в чжэцзянских тайных союзах.

Одним из важных документов, отразившим противоречивый характер влияния буржуазных революционеров на хуйданов, их стремление приспособить революционную платформу к специфическим формам тайного союза является устав «Лунхуахуя», специально составленный Тао Чэн-чжаном в феврале — марте 1904 г. Тогда же в качестве своеобразной политической преамбулы к уставу, своего рода политической декларации «Лунхуахуя», им был написан «Манифест военно-политического совета нового Китая»⁹. Оба документа характерны и для социально-политической платформы, которую лидеры «Гуанфухуя» стремились привнести в тайные союзы, и для организационно-тактических планов в отношении тайных союзов.

В устав «Лунхуахуя» Тао Чэн-чжан внес определение тайного союза как «революционной ассоциации» братьев-единомышленников, объединившихся во имя главной цели — свержения маньчжурской династии. Идея революционного ниспровержения Цинов пронизывала весь устав и манифест. В манифесте, неоднократно ссылаясь на Конфуция и Мэн-цзы, Тао Чэн-чжан разъяснял смысл самого термина «революция», подробно обосновывал необходимость революционного свержения власти маньчжурского императора. В уставе была сохранена традиционная для хуйданов формула — «Свергнем маньчжуро-татарский императорский дом, вернем реки и горы (т. е. Китай, — Ю. Ч.) великой династии Мин». Однако возможно, что за этой фразой скрывалась сформулированная в манифесте, правда очень туманно, идея ликвидации монархии вообще: «Пост императора отныне никогда больше не следует узурпировать», «В настоящее время в мире произошли изменения, и функции императора следует передать мудрейшим, но не передавать по наследству» [85, т. 1,

⁹ Согласно уставу, Военно-политический совет (Цзюнь чжэн шэнь) являлся высшим руководящим органом союза.

538 - 539]. Вместе с тем манифест не содержал прямых высказываний в пользу республиканской доктрины.

Главной цели — свержению маньчжурской династии была подчинена и организационная структура союза. В планах революционеров хуйданам отводилась роль вооруженных дружин, боевых ударных отрядов. Основная практическая задача «Лунхуахуя», согласно § 3—4 устава, должна была состоять в военной подготовке его членов. Союз делился на несколько боевых групп — «армию центра», «армию правого крыла», «армию левого крыла» и т. д. с соответствующим, детально разработанным институтом должностей, чинов и титулов. Тао Чэн-чжан подчеркивал при этом историческую преемственность этой организационной структуры, которая, по его утверждению, ведет свое начало от эпохи Тан и Мин [85, т. 1, 540—541]. Специальные пункты устава были направлены на укрепление дисциплины и сохранение конспиративных начал в союзе — предусматривалась строгая ответственность за рекомендацию новых членов, строгие наказания за выступления против союза, вплоть до смертной казни, объявление розыска нарушившего устав после победы революции (репрессиям должны были подвергнуться и родственники преступника — его жену или убивали, или заставляли заниматься проституцией, детей превращали в рабов и т. п.). Предусматривалось также повышение в должностях за заслуги перед организацией, оказание материальной помощи семье погибшего (в зависимости от его заслуг в борьбе с маньчжурами) и т. д.

Анализ устава «Лунхуахуя» показывает, что в организационном плане революционеры не мыслили перестройки или по крайней мере приспособления хуйданов к принципам буржуазно-партийной структуры, тем более что сами они ее не имели и выступали, по существу, как союз единомышленников. В значительной степени и их собственная организация и планы использования тайных союзов отталкивались от уже сложившейся организационной структуры хуйданов.

Политический и социальный идеал Тао Чэн-чжана, сформулированный им в манифесте и уставе «Лунхуахуя», туманен и противоречив. Как о конечной цели он мечтал о наступлении эпохи «истинной демократии» — «правлении простого народа». При этом в манифесте критиковались буржуазно-конституционные

формы правления, подчеркивалась мысль, что, «если страна не ушла далеко в своем развитии от феодальной эпохи», введение конституции будет лишь полумерой. «Конституционная форма содержит пороки», писал Тао в манифесте «Лунхуахуя», — независимо, монархическая или республиканская, она защищает интересы меньшинства, простой народ влачит тяжелое существование, и в будущем страну неизбежно ждет (новый) революционный взрыв» [85, г. 1, 538].

В выборе будущей политической формы Тао Чэн-чжан считал необходимым исходить из «уровня нации» к моменту победы революции. В конечном счете он стремится к реализации анархистского идеала — введению политической системы «без всякого правительства и без президента». Однако как альтернативу он допускал в качестве переходных форм временное (на 5—8 лет) учреждение президентства путем всеобщих выборов, но без права передачи этого поста по наследству или введение системы городских самоуправляющихся общин.

В довольно общих выражениях рисовалась картина будущего социального переустройства общества. В устав Тао Чэн-чжан внес положение, гласившее: «Необходимо превратить землю в собственность всего общества, не допускать монополии богатеев, чтобы 400 млн. наших соотечественников, наши дети и внуки не разделялись на богатых и бедных и чтобы все имели в изобилии пищу» [85, т. 1, 540]. В манифесте это общее положение: «Земля ничья, нет ни бедных, ни богатых» — дополнялось требованиями снижения налогов, ликвидации лицензионных сборов и таможенных застав, сокращения армии.

При анализе устава и манифеста «Лунхуахуя» заметно и обратное влияние патриархальной хуйдановской идеологии на лидеров «Гуанфухуя», в частности на Тао Чэн-чжана. Социально-патриархальная идеология, внесенная им в программу «Лунхуахуя», безусловно, уходит своими корнями в идеологию «всеобщего равенства и благоденствия» (датуи, тайпин), которая всегда была свойственна тайным союзам.

Исходя из своих тактических планов, революционеры стремились приглушить и антииностранные настроения среди членов тайных обществ, ограничить их деятельность рамками антиманьчжурской борьбы. Тао Чэн-

чжан прямо указывал, что под влиянием антиманьчжурской пропаганды революционеров лозунг «изгнания маньчжуров» начал доминировать над лозунгом «изгнания иностранцев» в деятельности чжэцзянских тайных обществ. «Раньше в Восточном Чжэцзяне, — писал он, неоднократно возникали инциденты с миссионерами, в дальнейшем они стали крайне редкими» [92, 25]. Правда, такой поворот в направлении борьбы тайных обществ совершался в масштабе всей страны, поэтому и в Чжэцзяне нельзя объяснять его только влиянием революционной пропаганды. В манифесте «Лунхуахуя» выражалась уверенность, что к моменту революции «иностранцы не станут оказывать поддержку маньчжурской династии». Перед революционной повстанческой армией выдвигалась задача «тщательной охраны (иностранцев), независимо от того, кто это — миссионер, купец или путешественник», справедливого решения дел даже тех иностранцев, чьи страны порвут отношения с революционерами (иностранцы по желанию должны были выводиться повстанцами из районов боевых действий); репрессиям должны были подвергаться только те иностранцы, которые открыто выступят на стороне маньчжуров против революционных сил. Наряду с этим в манифест «Лунхуахуя» Тао Чэн-чжан внес требование пересмотра неравноправных договоров, перезаключения их на взаимовыгодной основе [85, т. 1, 539].

Чтобы подготовить революционные антиманьчжурские выступления в Чжэцзяне, лидеры «Гуанфухуя» должны были организационно объединить хуйданов и создать из них боевые отряды, которые будут действовать под руководством буржуазно-революционного авангарда. Многочисленность и разобщенность хуйданов, действовавших изолированно друг от друга, в разных областях и уездах, делала эту задачу чрезвычайно трудной. «Гуанфухуй», подобно другим буржуазно-революционным организациям, выступал как союз единомышленников и, естественно, не имея своего партийного аппарата, не мог что-либо в этом плане противопоставить сложившейся организационной структуре хуйданов. Выпущенный в своей практике отталкиваться от этой структуры и стремясь слиться с хуйданами, «Гуанфухуй» копировал их организационные формы.

Отдельные лидеры «Гуанфухуя» мыслили, что орга-

Инициационное объединение чжэцзянских хунданов может быть осуществлено путем создания нового тайного союза, который объединит все существующие в провинции. Так, в октябре 1904 г. по инициативе Ао Цзя-сюна в Цзясине было создано специальное «землячество» областей Вэньчжоу, Тайчжоу и Чучжоу. В руководящее ядро «землячества» вошли кроме Ао Цзя-сюна Тао Чэн-чжан, Вэй Лань, Гун Вэй-сунь и другие деятели «Гуанфухуя». На базе этой земляческой корпорации предполагалось объединить тайные союзы, действовавшие в разных районах Чжэцзяна, а также в прилегавших к ним районах провинций Цзянсу, Цзяншан и Аньхуй. Одновременно с этим, используя религиозно-мистическую оболочку идеологии хунданов (Тао Чэн-чжан писал в биографии Ао, что тот «считая религию лучшим средством сплотить сердца людей» [92, 703]), Ао Цзя-сюн планировал организовать «Цзунцзунцзяо» («Союз поклонения предкам»), в который бы вошли все действовавшие в провинции тайные союзы. Для нового союза им была написана «Книга молитв» и выработаны различные специальные тайные пароли. В это, безусловно, вкладывался политический смысл, но форма оставалась старая -- религиозно-мистическая. Ао Цзя-сюн предполагал также организовать филиалы «землячества» в Сунцзяне, Хучжоу и Ханчжоу, в условленный момент поднять хунданов этих районов и при поддержке тайных союзов, действовавших в Цзянсу и Аньхуе, начать наступление на Наньцзин -- центр лянцзянского наместничества. Однако реализация этих планов натолкнулась на серьезные организационные и финансовые трудности [см. 92, 70]. Цзянское «землячество» как форма объединения чжэцзянских хунданов вскоре распалось.

Приблизительно с лета 1905 г. центром по подготовке вооруженного выступления в Чжэцзяне и соответственно по связи с хунданами становится Шаосин. К этому времени здесь оказались все главные руководители чжэцзянского «Гуанфухуя» -- Тао Чэн-чжан, Гун Вэй-сунь, Сюй Си-линь, который незадолго до этого вернулся из Японии и стал активнейшим членом организации; в 1906 г. здесь же развернула деятельность Цю Цзинь (Вэй Лань к этому времени уехал на Яву). Революционеры уже не распыляли свои силы по разным тайным союзам, а действовали более целенаправленно.

Главным объектом их внимания стали «Лунхуахуй» и «Пинъяндан»; работа в местных отделениях этих союзов осуществлялась главным образом в самом Шаосине и близлежащих районах, а также в областях Цзиньхуа и Чучжоу. В 1907 г. именно эти районы стали главным очагом восстания под руководством Цю Цзинь.

На базе кадров «Лунхуахуя» и «Пинъяндана» предполагалось создать «Гуанфуцзюнь» («Армию возрождения») -- вооруженные отряды «Гуанфухуя». Центром их подготовки и нелегальной штаб-квартирой будущего восстания стало педагогическое училище «Датун» («Датун сюэсяо»), официально созданное в Шаосине по инициативе Сюй Си-линя и Тао Чэн-чжана в октябре 1905 г. Под предлогом подготовки молодежи к службе в армии революционерам удалось добиться от местных властей разрешения на организацию в училище специального факультета, где было введено преподавание физкультуры и военного дела. Предполагалось, что в дальнейшем выпускники этого факультета создадут в различных уездах организации сельского ополчения и различные «спортивные союзы», которые станут основой для собирания революционных сил на местах.

Фактически на специальном факультете революционеры организовали конспиративную военную подготовку членов тайных обществ. Сюй Си-линь, лично связанный с вожаком «Пинъяндана» Чжу Шао-каном, договорился с ним о направлении на учебу в училище двадцати членов этого союза. Сюй хотел сформировать из них отряд террористов, который должен был бы грабить меняльные лавки для добычи средств на революционные цели и устраивать покушения на местных чиновников. В Шанхае были закуплены ружья и патроны. В дальнейшем по настоянию Тао Чэн-чжана революционеры отказались от этих планов и занялись более тщательной подготовкой членов тайных союзов. Тао Чэн-чжан и другие члены «Гуанфухуя» объехали несколько уездов близ Шаосина, в Цзиньхуа и Чучжоу, приглашая вожаков тайных обществ на учебу. В своих «Записках» Тао Чэн-чжан, в частности, упоминает, что во время этой поездки он останавливался в Цзиньхуа в доме Сюй Шунь-да -- вожака местного отделения «Лунхуахуя» и убеждал его лично приехать в Шаосин и направить в «Датун сюэсяо» своих сподвижников [см. 92, 27]. Члены тайного союза получили от Тао

Чэн-чжана специальный пропуск и деньги на проезд в Шаосин. Подготовка кадров тайных союзов в «Датун сюэсяо» была сопряжена с большим риском, малейшая неосторожность могла погубить все дело. Власти подозревали, что в школе происходит что-то неладное, часто устраивали обыски [92, 32]. В течение года в школе прошли подготовку несколько десятков членов тайных союзов «Пинъяндай» и «Лунхуахуй». Каждый выпускник получал специальное свидетельство с тайным знаком на обороте.

Важная роль в организации связей с тайными союзами и подготовке при их поддержке революционного выступления в этот период принадлежала революционерке Цю Цзинь. Она была принята в «Гуанфухуй» по рекомендации Сюй Си-линя после возвращения из Японии летом 1905 г. Весной 1907 г. она стала преподавать в Датунском училище, а после отъезда Сюй Си-линя в Аньцин фактически возглавила революционный заговор. По рекомендации Тао Чэн-чжана в марте 1907 г. Цю Цзинь дважды побывала в областях Цзиньхуа и Чучжоу, укрепила связи с вожаками «Лунхуахуя» Чжан Гуном, Шэнь Жун-цзинем, Чжоу Хуа-чаном и договорилась с ними о выступлении. По свидетельству самой революционерки, в этот период «Датун сюэсяо» часто посещали вожаки шаосинского «Пинъяндана» Чжу Шао-кан и Ван Цзинь-фа [см. 85, г. 3, 195]. По инициативе Цю Цзинь военная подготовка членов хуйданов была организована также в уездных «спортивных союзах». По аналогии с хуйдановской системой паролей были установлены специальные условные знаки и сигналы к началу выступления. В частности, был введен стихотворный сигнал — «желтое несчастье породило чжэцзянский прибой», где каждое слово имело определенный скрытый смысл. Например, иероглиф «хуан» («желтый») означал руководителей готовящегося выступления и т. д. [см. 198, 183].

Система организации «Гуанфухуя» в этот период почти целиком воспроизводила организацию хуйданов. Хуйданы мыслились как боевой актив «Гуанфухуя», как боевые низовые ячейки общества. Руководители «Гуанфухуя» и вожаки тайных союзов считались руководителями «Армии возрождения». Например, Цю Цзинь назначила начальником штаба «Гуанфухуя» одного из вожаков «Лунхуахуя» в области Цзиньхуа Сюй Шунь-

да, а член «Гуанфухуя» студент Лю Яо-сюнь возглавил отряды «Лунхуахуя» в уезде Уи. По плану Цю Цзинь на базе тайных союзов укомплектовалось восемь отрядов («армий»), каждый из которых имел свое условное обозначение (ими являлись отдельные иероглифы во фразе: «Гуанфу ханьцзу, дачжэнь гоцюань» — «Возродим ханьскую нацию, утвердим государственный суверенитет»). Организация этих отрядов практически ничем не отличалась от организации хуйданов, новым была лишь попытка объединения их в единый боевой комплекс, подчиненный революционному руководству.

По первоначальному плану предполагалось одновременно поднять хуйданов в районах Шаосина, Цзиньхуа и Чучжоу, которые должны были стать базой восстания, и затем двинуть повстанческую хуйдановскую армию через Цзянси на Аньцзи, где готовил выступление Сюй Си-линь. Однако революционерам так и не удалось скоординировать совместные действия тайных союзов трех областей. В ходе подготовки восстания неоднократно менялись сроки выступления. Накануне восстания цинским властям удалось арестовать ряд вожаков тайных союзов. Отдельные локальные выступления тайных союзов в нескольких уездах Цзиньхуа и Шаосина были быстро и сравнительно легко ликвидированы местными властями. 13 июля 1907 г. в помещении Датунского училища была арестована и вскоре казнена Цю Цзинь. Восстание чжэцзянских хуйданов под руководством «Гуанфухуя» было подавлено, по существу так и не начавшись.

В последующие годы в Чжэцзяне продолжались отдельные выступления тайных союзов. В конце 1907 г. в районе Цзиньхуа выступило тайное общество «Лунхуахуй» под руководством Люй Фэя. К этому времени туда вернулись многие члены тайного союза, покинувшие этот район после июльского разгрома. Люй Фэю удалось привлечь к выступлению членов «Байбухуя», «Фухухуя», в его отряд вошли и те, кто получил конспиративную военную подготовку в «Датун сюэсяо». Повстанцы дрались под знаменем «Гуанфуцзюнь», на их рукавах был выткан иероглиф «хань». Восстание продолжалось до января 1908 г.

В 1908 г. в некоторых районах Западного Чжэцзяна выступили тайные общества, главную роль среди которых играл союз «Сыфаньдан» («Союз контрабандистов»).

Его условно можно отнести к категории «экономических» союзов. Это была организация люмпенов, члены которой в прошлом занимались перевозкой зерна по Великому каналу, затем, когда перевозки стали производить морем, они разорились, занялись контрабандой соли и создали тайный союз. Возглавили это движение Юй Мэн-тин и Ся Чжу-линь. Члены союза были вооружены, имели в своем распоряжении лодки и нередко вступали в конфликт с цинскими чиновниками. Однако выступление «Сыфаньдана» в 1908 г. носило политический, антиманьчжурский характер. Повстанцы рассчитывали объединить свои силы с «Пинъянданом», действовавшим в районе Шаосина. Были налажены контакты с лидерами «Гуанфухуя» Тао Чэн-чжаном и Гун Вэй-сунем. Ляньцзянскому заместнику Дуань Фану удалось расправиться с повстанцами, вызвав войска из Наньцзиня.

К этому времени относится еще одна попытка революционеров объединить хуйданов. Речь идет о создании «революционной ассоциации» тайных союзов пяти провинций (Цзянсу, Чжэцзян, Фуцзянь, Аньхой и Цзянси). Был выработан специальный устав ассоциации и намечено провести съезд вожakov тайных союзов в Шанхае. Однако предатель сообщил властям о готовящемся мероприятии, некоторые вожаки хуйданов были арестованы (Чжан Гун и др.). Идея создания революционного объединения тайных союзов осталась нереализованной [см. 85, т. 7, 152].

* * *

Непосредственно накануне революции 1911 г. в планах буржуазно-революционной оппозиции все явственней прослеживается стремление опереться на «новую армию» как более мобильную силу для свержения цинского режима. По-прежнему верные тактике военных заговоров, буржуазные революционеры, однако, учитывали всеобщее народное недовольство политикой цинского правительства. Почти во всех своих вооруженных выступлениях они, стремясь, хотя и ограничению, использовать стихийную борьбу масс, реализовывали эти попытки чаще всего опять-таки через свои связи с хуйданами.

Однако хуйданы, состоящие в значительной мере из деклассированных элементов, часто возглавлявшиеся

поменщиками, не выдвигавшие четких социальных лозунгов борьбы и продолжавшие действовать, по существу, в рамках средневековых форм организации (при всем этом страшно разрозненные и децентрализованные), оказались формой объединения, мало приспособленной активно выполнять роль связующего звена между буржуазным революционным авангардом и народными массами.

Как показала практика деятельности чжэцзянских революционеров в тайных обществах, буржуазно-революционная оппозиция ставила перед собой ограниченную цель — сплотить многочисленные и разрозненные хуйданы на единой политической основе антицинской борьбы. Буржуазные революционеры стремились использовать тайные общества лишь в узком плане, т. е. для создания своего рода хуйдановских боевых дружин, а не как средство для подъема широких народных масс на революцию. В этом смысле перемещение центра тяжести революционной работы в армию мало что меняло в методах буржуазно-революционной оппозиции — тактика заговора с опорой на хуйданов трансформировалась в тактику организации военного заговора.

Буржуазные революционеры не стремились привнести в деятельность хуйданов лозунги социального буржуазного переворота, конкретные лозунги борьбы за радикальное решение социальных конфликтов (например, борьбы за землю). При этом они не стремились и к организационной перестройке хуйданов (работа чаще всего велась лишь с вожаками хуйданов). В целом даже ограниченная задача организационного объединения хуйданов под руководством революционной буржуазии и превращения их в активную политическую армию назревающей революции также, по существу, не была выполнена. Однако тактика опоры на хуйданов безусловно приносила и свои плоды, активизируя их деятельность в качестве дополнительной силы антицинской оппозиции.

А. С. КОСТЯЕВА

ТАЙНЫЕ СОЮЗЫ СЕВЕРА В КРЕСТЬЯНСКОМ ДВИЖЕНИИ 1926—1927 гг.

Различная степень зрелости и развитости крестьянского движения периода революции 1925—1927 гг., его неравномерность ставят перед исследователем нелегкую задачу анализа как отдельных проявлений крестьянской борьбы, так и всей совокупности сложного и многообразного процесса.

В рассматриваемый период относительно четко прослеживаются два основных направления в развитии крестьянского движения — деятельность крестьянских союзов, этого нового типа классовой организации бедняцкого и середняцкого крестьянства, действовавших легально под руководством КПК и гоминьдана на территории, контролируемой национальным правительством, и выступления различного рода старых, традиционных организаций деревенской самообороны, действовавших нелегально в северных провинциях Китая, находившихся под властью милитаристов.

Вполне естественно, что крестьянские союзы всегда являлись объектом более пристального внимания и изучения. В данной работе нам бы хотелось остановиться на движении традиционных крестьянских организаций, высказать лишь самые общие замечания и суждения по данной проблеме.

«Особым видом крестьянского движения, — записано в резолюции V съезда КПК по аграрному вопросу, являются также организации «Красных инк», «Поднянутых животов». По своей организационной структуре и по методам борьбы они носят средневековый характер» [цит. по 291, 109]. Конкретное изучение характера этих объединений, т. е. их социального состава и практической деятельности, необходимо как для понимания осо-

бешностей крестьянской борьбы на Севере, так и для изучения крестьянского движения периода революции.

Среди многочисленных тайных организаций Севера¹ наиболее массовыми и распространенными были «Красные пики» («Хунцзянхуй»)². В источниках и литературе дается единое определение основного назначения этих объединений. В материалах Крестьянского отдела ЦК гоминьдана, в частности, говорится, что „Красные пики“ — не бандитская организация, а примитивная крестьянская организация самообороны в такой экономически отсталой стране, как Китай» [281, № 11, 10].

Происхождение «Красных пик» нередко связывают с тайными обществами и сектами севера «Ихэтуань», «Сектой Белого лотоса» («Байляньцзяо») и др. «Красные пики» северных районов, — отмечается в тех же материалах, — напоминают «Секту красного фонаря» («Хундэньцзяо») Сычуани и другие подобные союзы вроде «Секты Белого лотоса», «Триады» («Саньхэуи»), «Общества восьми триграмм» («Багуацзяо»), «Ихэтуань» [281, № 11, 13]. Примерно то же можно найти и в литературе, например у А. Ивина³.

Элементы мистических учений, приемы и методы подготовки новых членов сближали «Пики» с традиционными тайными сектами⁴, но в то же время этой организа-

¹ В источниках и литературе чаще всего встречаются союзы «Желтого песка», «Подтянутых животных», «Небесного учения», «Больших пожей», «Золотых колоколов», «Железной брони».

² Свое название они получили от цвета украшения на пике основным виде вооружения отрядов. Кроме того, существовали «Желтые», «Черные», «Зеленые», «Белые» пики.

³ «„Красные пики“, „Большие пожы“, „Крепкие животные“, „Веера“ и другие крестьянские организации. — пишет А. Ивин, — которыми кишит в настоящее время Хэнань и окружающие его провинции, рассматриваются китайцами как разновидности „боксеризма“...» [288, 28].

⁴ Члены «Пик» молились всем явлениям природы, а своим «Верховным учителем» считали святого, который скрывается в горах Куэньлунь. Вступавшие в союз в течение примерно 100 дней проходили специальную тренировку: — ночью жгли ароматические свечи и молились, стоя на коленях лицом к западу, пили холодную воду, в которую погружались тексты заклинаний, подвергали свои тела ударам для закаливания мускулов. После подобной подготовки член союза считался неуязвимым [см. 281, № 11, 13; 277, 68]. Одна из молитв во время тренировки гласила: «Верховный учитель, проживающий в горах Куэньлунь, создай мое драгоценное тело, крепкое как камень и железо. Тело мое сильно и непробиваемо копьем, пикой, стрелой, пулей, порохом. Верховный учитель в

ции были присущи и многие черты легальных объединений крестьянско-помещичьей самообороны типа, например, «Объединенного союза деревень» («Ляпчжуанхуй») ⁵. Вероятнее всего, «Пики» возникли в начале 20-х годов как самостоятельные организации деревенской самообороны в борьбе с бесчинствами милитаристов. Им были присущи многие характерные черты традиционных тайных сект и союзов ⁶.

К середине 20-х годов «Пики» и другие подобные союзы в северных провинциях, особенно в Хэнань, Шаньдуне, Шэньси, представляли собой массовые, широко распространенные и достаточно мощные организации, от позиции и поведения которых нередко зависели политические судьбы целых провинций.

Позиция и деятельность союзов определялись многими факторами, в том числе составом основной массы членов, руководством, программой действий.

В социальном составе этих объединений большинство авторов 20-х годов отмечали преобладание бедняцкого и середняцкого крестьянства [см. 285; 287], а А. Ивни даже считал их организациями бедняков и середняков [см. 288]. Чэнь Ду-сю писал о большом проценте в составе союзов малоземельных крестьян [см. 306, 1543]. В других работах «Пики» характеризовались как средневековые организации шэньши и сельских богатеев [см. 292], как организации, находившиеся под сильным влиянием помещиков и шэньши, которые использовали их в своих целях [см. 283, 301].

Диаметрально противоположные точки зрения о социальной характеристике «Пик», подчеркивающие лишь отдельные стороны рассматриваемого вопроса, свидетельствуют, как нам кажется, о смешанном составе союзов и руководящей роли деревенской верхушки во главе с помещиками и шэньши. Это подтверждается

надземном дворце создал Дух. Одним вздохом созданы три истинных огня Духа, излучающих 100 тысяч золотых лучей света. Огни эти находятся внутри тела и выходят изо рта. Когда отрываю рот — огонь и свет выходят наружу; эти истинные огни могут сжечь все на протяжении трех тысяч ли..» [см. 279, 172].

⁵ Организация, активно действовавшая в Северном Китае накануне Синьхайской революции.

⁶ «Впервые, — пишет А. Ивни, — общество „Красных пик“ обратило на себя внимание лишь четыре-пять лет тому назад. По словам местных крестьян, основатель его жив и поныне, но скрывается где-то на (легендарной) «горе девяти драконов» [см. 288, 23-24]

также и данными источников. В уставе одного из союзов уезда Цысянь провинции Чжили в параграфе о членстве прямо говорилось, что «членом настоящего союза может быть всякий гражданин китайской республики не ниже 18 лет от роду, имеющий личное имущество или имущество семьи и определенное занятие» [276, 99]. При этом исключалось участие деклассированных и бандитских элементов, а зажиточным предоставлялись определенные льготы: единовременный чрезвычайный взнос в размере свыше 10 юаней (членский взнос составлял 1 юань) давал возможность занять какой-либо руководящий пост. В другие объединения (по сведениям одного из участников Северного похода НРА) мог входить любой местный житель — крестьянин, помещик, рабочий, шэньши, но батрак и безземельный крестьянин вступали лишь с разрешения своего хозяина [279, 171].

Косвенным образом о преимущественно крестьянском составе «Пик» свидетельствуют данные, правда весьма отрывочные, о структуре хэнаньской деревни. Материалы обследования землевладения и землепользования в районах действия «Пик» подтверждают преобладание крестьян-собственников со средним паделом⁷. По данным опроса руководителей «Красных пик», проведенного участниками Северного похода, в районе Вэйти 80% крестьян имели собственную землю [279, 168], в районе Чжумацзяна картина была следующей: 8% — безземельные крестьяне, 8% — владельцы 16—20 му, 30% — владельцы 20—30 му, 25% — владельцы 40—50 му, 15% — владельцы 60—70 му, 4% — владельцы 100—200 му. Руководители «Пик» имели от 40 до 70 му. Примерно такая же картина была и в соседнем Юняне [279, 167—168]. Сходные данные о землевладении в Хэнане содержатся в работе М. Волина⁸ и обзоре Альского⁹.

О преобладании крестьян в составе «Пик» писали и

⁷ В литературе существует теория о преобладании на севере Китая крестьянского землевладения. Б. Фрайер, например, приводит цифру 60% крестьян-собственников [см. 292, 48].

⁸ Владельцев менее 10 му — 26,1%, более 10 му — 26, более 30 му — 25,8, более 50 му — 13, более 100 му — 0,1%. см. С. Б. [М. Волин]. Сельское хозяйство Хэнаня, — «На аграрном фронте», 1926, № 4, стр. 52—53.

⁹ Парцеллярные хозяйства составляли 52,3%, мелкие — 21,6, средние — 14,4, крупные — 4,8% [282, 210].

современники событий, в частности Ван Цзин-мин, специально занимавшийся изучением истории союзов своего родного уезда Цысянь провинции Чжили. «По социальному составу, — сообщал он, — большая часть членов союза „Красных пик“ является настоящими крестьянами. Летом и осенью они занимаются полевыми работами, а зимой, когда вопрос обороны стоит наиболее остро, они собираются в отряды для борьбы с туффеями» [276, 88]. Автора этого любопытного труда нельзя заподозрить в симпатиях к тайным союзам, поскольку сама работа проделана с целью выработки мер по их ликвидации.

В результате слабой классовой дифференциации крестьянства, экономического и политического влияния помещиков, пережитков патриархальных отношений и совпадения интересов различных слоев деревни (борьба с бандитизмом, произволом милитаристских армий) в рамках организации самообороны объединялись классово различные слои общества. По свидетельству самих членов союза, «Пики» нужны были богатым для сохранения имущества, бедным — для сохранения жизни [279, 170]. О причинах вступления шэньши в союзы достаточно красноречиво сообщала, например, газета «Синьвэньбао» в мае 1926 г., Когда начальник уезда Тунсюй (провинция Хэнань) после очередного выступления «Красных пик» обратился к крестьянам и шэньши с призывом не поддерживать повстанцев и не вступать в эти союзы, то шэньши ответили: «Заставить нас не верить „Красным пикам“ очень легко, для этого нужно ликвидировать бандитов, не взыскивать лишних налогов, не посылать бесчинствующих солдат, разрешить выплату налогов бумажными деньгами» [281, № 11, 12].

Среди весьма различных по социальному составу союзов можно выделить объединения, имеющие более определенное социальное лицо. Одни из них исключали участие помещиков и служителей культа [см. 278, 65], другие — деклассированных элементов. Разнообразие в характере и составе организаций отмечено многими источниками. Крестьянский отдел ЦК гоминьдана, например, подразделял «Пики» на три основные группы: 1) чисто крестьянские организации самообороны, члены которых робко выступали против солдат, действовали неорганизованно и без плана, 2) бандитские организации «Пик», создаваемые деревенскими паучерами,

3) «Пики», используемые местными насильниками, стремившимися попасть в войска милитаристов [см. 278, 62]. «Широкое распространение „Красных пик“, — писал Ли Да-чжао, — неизбежно приводит к расслоению в их рядах: милитаристы используют помещиков, помещики — крестьян, и в итоге кроме „Красных пик“ — чисто крестьянских организаций самообороны — появляются „Красные пики“ — разбойная вольница» [289, 284]. Об этом же сообщалось и в корреспонденциях на страницах журнала «Сяндао чжоубао»¹⁰.

Подобная разнохарактерность союзов наряду с такими факторами, как разобщенность, групповщина, политическая отсталость, соперничество, нередко являлись причинами вражды между отдельными организациями. Острые вооруженные конфликты за гегемонию возникали, например, между союзом «Небесного учения» и «Красными пиками» уезда Цысянь провинции Чжили, хотя оба объединения родились с целью защиты от бандитов и милитаристских армий. Одна из причин столкновений, вероятно, заключалась в особенностях социального состава: «Красные пики» были более однородно-крестьянскими, чем социально пестрый союз «Небесного учения»¹¹.

Враждебность между некоторыми организациями «Пик» А. Ивин объяснял, в частности, процессом классового размежевания в деревне, затронувшего как юг страны, так и север. «Если в южных провинциях, — пояснял свою мысль автор, — крестьянские союзы как организации угнетенного крестьянства открыто противостояли эксплуататорской верхушке деревни — „миньтуаням“, то на севере дело обстояло сложнее. Тайные союзы как орудия самообороны крестьянства одновременно выступали и орудиями борьбы деревенской бедноты, маломощного и середняцкого крестьянства против гнета сельской буржуазии, шэньши, землевладельцев.

¹⁰ В корреспонденции из Хэнаня от 25 мая 1926 г. Сяо Сян отмечал в составе «Пик» западных областей большое число бандитских элементов, блокировавшихся с местными шэньши. По его же свидетельству, «Пики» северных уездов были преимущественно бедняцкими, у них отсутствовали сословные перегородки, в Восточной Хэнане рядовые члены из крестьян находились под сильным влиянием могущественных руководителей [см. 300, 154].

¹¹ Ван Цзин-мин, автор обследования, причину враждебности видел в различии вероучений союзов, а также в позиции «Красных пик» по отношению к правительственным войскам [см. 276, 91].

Последние для борьбы с „Пиками“ создавали свои дружины, но там, где их не было, верхушка деревни вступала в тайные союзы, чтобы застраховать себя от неприятностей и попытаться встать во главе союзов. Все это и вело к образованию ряда обществ и расколу имевшихся — в уезде Лоян провинции Хэнань, например, существовали два различных и враждебных друг другу общества „Красных пик“. „Люди мало-мальски образованные, — сообщала одна из газетных корреспонденций, — как и люди, несущие ту или иную общественную службу, стали следовать так называемому Большому Красному Учению... При встрече с разбойниками они обычно следуют оборонительной (отступательной) тактике. Что касается необразованной молодежи, то она примкнула к так называемому Малому Красному Учению... При встречах с разбойниками „малое учение“ следует наступательной тактике. Обе организации друг друга не выносят» [288, 25—26].

Разумеется, некоторые различия и особенности социальных составов отдельных союзов — не единственная причина, влиявшая на их позицию в политической и классовой борьбе. Определенную роль играло и руководство. Источники и литература, как правило, отмечают преобладание в руководстве помещичье-китайских элементов. «Там, где классовая дифференциация зашла не так далеко, — говорилось в резолюции V съезда КПК по аграрному вопросу, движение нередко организуется под руководством крупных землевладельцев и используется реакционерами» [291, 109]. Выше уже отмечалось, что денежные пожертвования и крупные взносы давали право на получение командных должностей в союзах. «Наши организации руководятся исключительно помещиками», — заявляли рядовые члены «Красных пик» района Чжэнчжоу провинции Хэнань во время обследования, проводившегося НРА [279, 109]. Один из видных вождей «Пик» Тайнаньского округа провинции Шаньдун был сыном шэньши, во главе союза «Желтого песка» уезда Янку стоял местный богатый Чжан Ван-те [288, 85, 89]. Социальное положение многих руководителей установить довольно трудно. Об одном из предводителей восстания «Пик» в Хэнане, Лоу Бай-сюне, известно лишь, что он был родом из Шаньдуна, отличался честностью и пользовался громадным почетом у крестьян [см. 288, 78].

Передко во главе союзов оказывались бывшие солдаты и офицеры милитаристских армий, предводители бандитов, авантюристы и т. д. Однако в источниках имеются сведения и о крестьянских вожаках. В уезде Цысянь, например, «Красные пик» возглавлял Сун Юй-фу — крестьянин деревни Лухай [см. 276, 88].

Основное назначение «Красных пик» и других союзов как организаций крестьянской самообороны, их характер и социальный состав во многом определяли программу и главные лозунги: «Против разбойников, против милитаристов, против заморских дьяволов¹², против опиума, против карт и вина, за спокойный труд и жизнь и за сохранение китайских древних традиций» [279, 172]. По данным Крестьянского отдела гоминьдана, основные установки союзов заключались в следующем: противостоять бандитам, бесчинствам солдат, чрезмерным налогам, требовать приема бумажных денег при уплате налогов [278, 172]. Подобная позиция достаточно конкретно была выражена в требованиях «Красных пик» уезда Цисянь (Восточная Хэнань): реформировать податное бюро — в него должны входить представители крестьян, рабочих, торговцев, учащихся и учителей, причем крестьяне должны иметь $\frac{2}{3}$ общего числа представителей; отчетность всех финансовых операций; представление отчета за израсходованные суммы; возмещение крестьянам убытков по реквизиции подвод; отмена специального налога на землю; улучшение правосудия и т. д. [см. 288, 48—49].

Политическая же программа союзов, часто негативная, заключалась в борьбе против всякой власти, допускавшей насилие и произвол. По свидетельству самих же крестьян, в организацию вступали для того, чтобы «дать отпор войску (независимо от того, под каким лозунгом идет это войско) и бандитам» [279, 172]. Отсюда и наиболее характерная позиция «Пик» — «Не трогайте нас — не тронем и вас» [283, 103]. Отсутствие каких-либо позитивных политических требований и целей отражено и в клятве союзов. «Я вступаю на путь великого учения, надеясь исправить свое поведение и совершить доблестные дела. Я не посмею ни пойти на преступление, ни причинить зло. Если я пойду на преступление

¹² «Пики» выступали и против европейской культуры и товаров [см. 278, 172].

или причину зло, то пусть пуля пронзит меня насквозь. Я не посмею ни насиловать, ни развратничать. Если я нарушу эту клятву, пусть пуля поразит мое сердце» [288, 24].

Наивная вера «Красных пик» в «Спасителя», который наведет порядок, покарает иностранцев и предателей, по мнению Ли Да-чжао, отражала крестьянские требования политической стабилизации страны. Источники и литература обращают внимание на монархизм союзов, что связано с традиционными учениями, низким политическим уровнем крестьянства, с одной стороны, и с пропагандой руководящей верхушки — с другой.

Программными установками, основными целями борьбы определялась структура этих традиционных организаций самообороны. «Пики» были построены по вооруженно-общинному принципу. Рядовые члены объединялись в группы от 10 до 40 человек, несколько групп (от 5 до 80) составляли отделение, несколько отделений входили в главное отделение [см. 279, 170]. Однако существовали и такие союзы, где основной и единственной ячейкой являлся десяток [см. 281, № 11, 14]. По первой тревоге члены союзов собирались в назначенном месте в полной боевой готовности.

Рассмотренные выше объединения деревенской самообороны, призванные охранять мирный труд, дома и имущество своих членов от милитаристских армий, произвола властей, подымались и на открытую вооруженную борьбу. Отдельные, локальные восстания тайных союзов против чрезмерных налогов, милитаризма характерны для всего периода 20-х годов. Интересно в этом отношении восстание союза «Больших пожей» («Дадаохуй»), который летом 1924 г. поддержал выступление жителей провинции Аньхуй против местных милитаристов. Повстанцы, число которых достигало 4 тыс., захватили Луаньчжоу и взяли в свои руки бразды правления. В данном районе и на территории соседнего уезда длительное время отряды союза вели упорные бои с правительственными войсками. Массовые выступления «Красных пик» и других организаций относятся к 1926—1927 гг. Среди них центральное место занимают Тайнаньское восстание в Шаньдуне и движение в Хэнане против Второй национальной армии генерала Юэ Вэй-цзюна.

Восстание в Тайнани возникло в ответ на попытки

шаньдунских властей ликвидировать союзы «Красных пик», которые сопротивлялись сбору податей, нападали на уездных начальников, убивали сборщиков налогов, разгоняли полицию. Выступление в апреле 1926 г. началось с того, что крестьяне послали властям петицию с протестом против тяжелого дополнительного налога на землю, введенного местным командиром полка. По дороге в Тайнань представители крестьян разоружили батальон солдат в Вэньшане и захватили город Нинъян. Семь дней они продержались в городе, проживая в храмах, школах и других общественных учреждениях, совершенно не мешая жизни Нинъяна. Посланные для подавления дополнительные войска вынудили представителей «Красных пик» покинуть город. Шаньдунские власти выпустили воззвание, предлагая «Пикам» сдать оружие и разойтись по домам. Часть отрядов подчинилась, однако главные силы «Красных пик» продолжали борьбу. Понадобился ряд кровопролитных сражений, чтобы сломить их сопротивление. При подавлении восстания правительственные войска уничтожали все на своем пути. «Когда солдаты грабили и жгли деревни, — сообщила газета „Шэньбао“, — в городе Яньчжоу было видно пламя, чувствовался запах горящих трупов, доносились жалобные крики, взывавшие о помощи» [281, № 11, 10].

Другое крупное движение «Красных пик» — восстание 1926 г. в Хэнани против Второй национальной армии — оказало существенное влияние на политическую борьбу в Северном Китае. Непосредственной причиной выступления были чрезвычайные налоги и принудительные поставки, введенные генералом Юэ Вэй-цзюном в связи с подготовкой к войне с Чжан Цзо-линем¹³. Рокковой ошибкой Юэ Вэй-цзюна, как писал А. Ивин, явилось то, что он вместо хорошо дисциплинированной армии, живущей в дружбе с крестьянством, решил создать 200—300-тысячную, состоявшую из самых разношерстных элементов, включая и бандитов. Основное ядро этой армии вербовалось из уроженцев провинции Шэньси, которые в Хэнани вели себя как «завоеватели». Нередко крестьянство относилось к грабежам за счет шэньсийцев,

¹³ В 1926 г. с хэнаньского крестьянина взималось около 10 видов только военных налогов [см. 279, 169], а размер общего налогообложения составил около 300% обычного [см. 287, 7].

в чем проявлялась традиционная враждебность к выходцам из других провинций.

Внутренние противоречия в самой армии, борьба между генералами отражались на гражданском управлении провинцией и привели к произволу на местах. Все это повлекло за собой резкое обострение отношений с основной массой населения, которое ответило активным участием в организациях деревенской самообороны.

Чтобы ограничить движение, Юэ Вэй-цзюн прибег к репрессиям и подкупу отдельных вождей «Красных пик». Были изданы приказы о роспуске и запрещении тайных организаций, о частичном переформировании их в «миньтуанш», что, естественно, привело к еще большему обострению конфликта. В этих условиях верхушка деревни сделала ставку на У Пэй-фу и возглавила в ряды мест выступления против «шэньсийских бандитов», т. е. Второй национальной армии. Агенты У Пэй-фу в свою очередь развернули работу среди руководителей «Пик», выдвинув популярный в тот момент лозунг «изгнания шэньсийцев», «создания хэнаньской армии», в которой многим обещались командные должности [см. 300, 1545]. У Пэй-фу обещал крестьянам ликвидировать дополнительные налоги, и основная масса «Пик», надеясь на перемену к лучшему, поддержала его в борьбе против шэньсийцев.

Восстание против Второй национальной армии началось в январе 1926 г. в Западной Хэнань, где концентрировались остатки разбитых частей У Пэй-фу и Ган Ю-куна. Оно началось в тот момент, когда, договорившись с Чжан Цзо-линем, У Пэй-фу развернул военные действия против национальных армий Центрального и Северного Китая. Руководители «Красных пик» западных уездов — Чжан Чжи-гун, Ван Лао-у, Цай Лао-ба, по свидетельству одного из офицеров штаба Второй национальной армии, имели прямую связь с У Пэй-фу [288, 69].

В середине января повстанцы обосновались на значительной территории Западной Хэнань. Вслед за ними заволновались «Пики» Лоянского уезда, в самом Лояне происходили вооруженные демонстрации, митинги, участились стычки с солдатами национальной армии. В конце января восстание было локализовано в районе Луши, а в феврале ликвидировано прибывшими войсками. Однако неудачи Второй и Третьей национальных

армий на южном и восточном фронтах воодушевили повстанцев. Они присоединились к У Пэй-фу, оказали ему неоценимую помощь в роли разведчиков: «Пики» были неуловимы, сливаясь с местным населением.

При отступлении Второй национальной армии из Кайфына в Чэнчжоу «Красные пики» постоянно совершали нападения на нее, в результате чего национальная армия не смогла укрепиться в Лояне и вынуждена была бежать в Шанчжоу. Большое число солдат было при этом обезоружено. Из 60-тысячной армии ни одному отряду не удалось пробиться в Шэньси [288, 286].

Захватив Хэнань, У Пэй-фу сразу установил свои порядки. Сравнительно благоприятное положение, существовавшее при режиме национальных армий, когда интеллигенция, студенчество, рабочие пользовались относительно политическими свободами, а общественные организации, профсоюзы, гоминьдан существовали легально, сменилось реакционным режимом. Разгром национальных армий в Хэнане способствовал и военным неудачам Фын Юй-сяна, который отступил на северо-запад. Все это значительно ухудшило политическую обстановку на Севере, способствовало укреплению контрреволюции. Так завершился первый этап Хэнаньского восстания.

С приходом У Пэй-фу положение основной массы крестьянства не улучшилось, надежды на снижение налогов, стабилизацию обстановки не оправдались. После победы У Пэй-фу приказал распустить отряды «Красных пик», генералы расквартированных войск ввели военные налоги. Обманутые У Пэй-фу, «Красные пики» поднялись на новую борьбу. Так, в мае 1926 г. в восточных уездах вспыхнуло движение против налогов, возглавленное Лоу Бай-сюнем. Солдаты внезапно напали на резиденцию Лоу Бай-сюня и уничтожили свыше 5 тыс. жителей городка. Тогда Лоу Бай-сюнь созвал отряды «Красных пик», которые вступили в бой с войсками. Из соседних уездов к нему пришли серьезные подкрепления. Однако неорганизованность отрядов «Пик», несогласованность действий, отсутствие современного оружия привели к быстрому разгрому движения, подавленного с чрезвычайной жестокостью (было сожжено и разрушено 20 деревень) [см. 281, № 11, 11; 300, 1546].

Подобные выступления в апреле — мае 1926 г. ох-

ватили почти всю провинцию. По сообщению столичных газет, «Хэнань превратилась в страну „Красных пик“» [288, 75]. Движение развертывалось под лозунгом свержения У Пэй-фу. В обращении командующего объединенными отрядами «Красных пик» к жителям Кайфына, в частности, говорилось: «Соотечественники Кайфына! В прошлом году У Пэй-фу захватил Хэнань, так как дал согласие три года не реквизировать зерно, отказаться от чрезвычайных налогов. Ныне, после занятия Хэнаня, налоги не только не отменены, но возросли в десятки раз! Мы взялись за оружие, надеясь, что У Пэй-фу наладит мирную жизнь, но он принес несчастья, он еще хуже шэньсийцев... Его войска опаснее туфеев, он не обращает внимания на бесчинства многочисленных банд. Мы не можем терпеть! Наши братья в Западной Хэнаня поднялись на борьбу... оказывают сопротивление сбору налогов. Мы должны поддержать их... Соотечественники, подымайтесь на борьбу!.. Долой У Пэй-фу!..»¹⁴.

«Красные пики» в Хэнане в основном вели борьбу с милитаризмом, чрезмерными налогами, произволом властей. На первом этапе они боролись против Второй национальной армии, отношение которой к крестьянству почти ничем не отличалось от отношения милитаристов, на втором — против войск победившего У Пэй-фу. «Хэнаньские „Красные пики“, писал Ли Да-чжао, — сумели уничтожить милитаристские силы Второй национальной армии, а шэньсийские — армию милитариста Лю Чжэнь-хуа. «Красные пики», слившись с народным ополчением Лояна, победили Вторую национальную армию и могли бы отразить нападение любого другого войска» [289, 285—186]. Ли Да-чжао рассматривал использование «Пик» У Пэй-фу в борьбе с национальной армией как проявление раскола внутри крестьянского движения, вызванного крестьянской ограниченностью, чрезмерной привязанностью к своему хозяйству, к своей деревне, отсталостью аграрной экономики. Ли Да-чжао предупреждал об опасности милитаризации «Красных пик», использования их помещиками и милитаристами.

¹⁴ Цит. по «Чжунго цзиньдай пунь ши цзыляо» («Материалы по истории сельского хозяйства Китая в новое время»), Пекин, 1957, т. 2, стр. 698.

Сложное и противоречивое движение «Пик» на Севере породило и его различные оценки — от революционной до реакционно-утопической [см. 288; 287; 284]. Большинство авторов, отмечая временное отклонение движения с истинно революционного пути (имеется в виду выступление против Второй национальной армии), признавали его антимилитаристский характер в целом. Самую высокую оценку мы находим в работе А. Ивина, который в росте и развитии тайных союзов видел не только пробуждение самосознания масс, но и тенденцию заострения борьбы против всех эксплуататоров китайской деревни: кулаков, шэньши, землевладельцев [288, 127].

Антимилитаризм тайных союзов не вызывал сомнения у гоминьдановских авторов — современников событий; однако «Пики» расценивались лишь как разрушительная революционная сила, способная сыграть определенную роль в борьбе с милитаризмом. В результате же разобщенности, отсталости, средневековых методов и форм борьбы они, в оценке гоминьдана, не могли стать орудием освобождения крестьянства [см. 304]. В резолюции по аграрному вопросу, принятой на V съезде КПК 9 мая 1927 г., не оставившей без внимания слабости и недостатки этого движения, отмечалась его революционность, «поскольку оно направлено против милитаризма, тяжелых налогов и автократической местной власти» [цит. по 291, 109].

В результате своего характера, социальной неоднородности, значительного экономического и политического влияния помещиков и шэньши тайные союзы Севера, действовавшие в трудных условиях милитаристских режимов, не могли стать орудиями классовой борьбы угнетенного крестьянства. Однако существовала реальная перспектива превращения их в классовые организации бедняцкого и середнякацкого крестьянства.

После прихода Народно-революционной армии в Хэнань (во время Северного похода) развитие политической борьбы и пропаганды оказывало революционизирующее влияние на традиционные организации самообороны, которые довольно успешно реорганизовывались в крестьянские союзы. Существование массовой и разветвленной сети тайных обществ в Хэнани определило и успех крестьянского движения, развернувшегося в конце 1926 — начале 1927 г. под руководством КПК и го-

миньдана. Хэнапъ после Гуандуна и Хуланя занимала одно из первых мест по численности крестьянских союзов — 270 тыс. членов. Разумеется, реорганизованные из «Красных пик» крестьянские союзы не сразу становились действительно классовыми организациями. И все же крестьянство постепенно высвобождалось из-под влияния имущих слоев деревни, уже положительно отзываясь о перспективе конфискации помещичьих земель [см. 279, 179].

Л. П. ДЕЛЮСИН

ОБЩЕСТВО «ИГУАНЬДАО»

Идеологии китайских тайных обществ и их деятельности всегда были присущи двойственность, внутренняя противоречивость. Будучи, как правило, организациями угнетенных, эксплуатируемых низов, выражая их смутные, туманные надежды на лучшую жизнь, тайные общества объективно вели их на борьбу с феодально-бюрократическим гнетом и империалистическим засильем. В то же время по своей идеологии и структуре (определявшими практическую деятельность) они оставались составной частью старого Китая.

По мере развития китайской революции отрицательные черты тайных обществ и их влияние на массы все больше и больше выступали на первый план.

Расплывчатость позитивной стороны их «программ», отсутствие классового подхода приводили к серьезному влиянию помещичье-шэньшуйских элементов. Борьба с империализмом на базе защиты всего старокитайского вырождалась в борьбу со всем новым, прогрессивным.

С появлением в ходе китайской революции действительных представителей и выразителей интересов угнетенных масс Китая прогрессивная историческая роль тайных обществ кончается. По самой своей старокитайской сущности они встают на путь реакции и контрреволюции.

С созданием народной республики в Китае были предприняты активные действия по роспуску и ликвидации феодальных тайных обществ, союзов и сект, поскольку их подпольная деятельность противоречила интересам народа и играла на руку врагам новой власти. Кампания по ликвидации тайных обществ началась еще до провозглашения КНР. Одно из первых постановлений о запрещении деятельности феодальных сект, об

обязательной регистрации их членов и роспуске их организаций было принято правительством Северного Китая 4 января 1949 г. [см. 327, 20.XII.1950]. Аналогичные постановления принимались и в других провинциях и городах. В провинции Гуандун такого рода постановление было опубликовано в мае 1953 г. [см. 328, 20.V.1953].

В этих постановлениях органов народной власти особо подчеркивалась необходимость ликвидации наиболее крупного тайного общества «Игуаньдао» и связанных с ним сект, действовавших под другими названиями. Меры по запрещению и роспуску общества «Игуаньдао» рассматривались как важное мероприятие, «направленное на окончательную ликвидацию остатков феодальных сил, подавление контрреволюционных элементов, притаившихся внутри реакционных сект, и тем самым охрану интересов народных масс, дальнейшее укрепление демократической диктатуры народа» [328, 20.V.1953].

Общество «Игуаньдао», как и другие реакционные секты, квалифицировалось как «контрреволюционное орудие, используемое и контролируемое империалистами и бандитской гоминьдановской кликой», как «реакционная мистическая организация феодального характера, обманывавшая и наносившая вред остальным массам» [327, 20.XII.1950].

Китайская печать вместе с тем разъясняла населению, что, «ликвидируя реакционные секты, народное правительство вовсе не запрещает населению почитать бога и молиться Будде», что «постановления направлены вовсе не против религиозных воззрений, так как почитание богов и феодальные суеверия — это вопрос идеологический, а свобода вероисповедания — одно из прав народа, установленных Общей программой» [328, 20.V.1953].

Большое внимание, уделенное в постановлениях народных органов власти обществу «Игуаньдао», нельзя считать случайным. Это общество имело довольно разветвленную организацию, действовавшую во многих провинциях страны, располагавшую многочисленным аппаратом проповедников и других функционеров, которые пользовались большим влиянием в низших слоях китайского населения.

История этой реакционной организации несомненно представляет большой интерес для более глубокого понимания особенностей китайского общества, образа жизни

ни, психологического склада и социального облика городской и деревенской бедноты. Тайный характер деятельности «Игуаньдао», разумеется, затрудняет исследование. Тем не менее еще до того, как к его деятельности было привлечено внимание, появились работы, дающие представление об этой тайной секте. Большой, содержательный материал можно найти в книге Ли Ши-юя «Тайные религиозные общества Северного Китая в настоящее время», вышедшей в Чэнду в 1948 г. [см. 296]. В работе Ли Ши-юя имеются краткие сведения по истории «Игуаньдао», содержатся материалы о религиозных догмах, методах их пропаганды среди населения, тайных ритуалах и обрядах, о канонической литературе, которой пользовались проповедники и главари секты. Ли Ши-юй, чтобы иметь лучшее представление о тайных пружинах общества «Игуаньдао», вступил в него и в течение трех лет был его членом. Ряд статей, написанных миссионером Виллемом Гротэрсом, также дают представление о некоторых чертах и ритуалах этого общества [см. 313; 314; 315].

Огромный материал, раскрывающий различные стороны тайной деятельности «Игуаньдао», публиковался в китайской печати в начале 1950-х годов, когда проводилась кампания по ликвидации этого общества. В газетах и журналах помещались свидетельства рядовых членов «Игуаньдао» и показания проповедников общества. Эти материалы представляют большую ценность, ибо дают возможность познакомиться на конкретных фактах с формами организации и методами работы общества среди населения. Наша статья написана в основном на газетных материалах этого времени¹.

Общество «Игуаньдао», как и другие тайные общества, прошло периоды расцвета и упадка. Иногда его деятельность протекала незаметно, не привлекая внимания властей, в другие времена общество приобретало большое влияние. Количество его членов значительно возрастало, и оно, несмотря на тайный характер своей деятельности, становилось известным. В китайской печати

¹ Разумеется, в статьях и корреспонденциях, публиковавшихся в период кампании за ликвидацию «Игуаньдао», содержатся материалы, рисующие лишь отрицательные стороны деятельности общества. Это, на наш взгляд, не снижает степени достоверности газетной информации, тем более что во многом она совпадает со сведениями, сообщенными Ли Ши-юем.

не сообщалось точных данных о том, когда и где это общество возникло.

Одни авторы считали, что, оно возникло в Тяньцзинь примерно в 1932 г. [см. 329, 3.VI.1951]. Другие (например, Ша Кэ) относят дату зарождения общества просто к началу 30-х годов и полагают, что оно возникло в провинции Шаньдун [см. 302]. Основателем общества считается уроженец Шаньдуна Чжан Тянь-жань (другое имя — Чжан Гуан-би), бродяга, который объявил себя Майтрейей, сошедшем с небес на землю, чтобы спасти людей. С этой целью он и создал тайное общество, назвав его «Игуаньдао» [см. 302].

По мнению Ли Шн-юя, первые секты «Игуаньдао» возникли еще в 1911 г., но оформились они в общество в 1928 г.², после 1936 г. «Игуаньдао» стало влиятельным и массовым. Ли Шн-юй делит историю «Игуаньдао» на четыре периода: 1911—1928 гг. — период строго тайной и ограниченной деятельности; 1928—1936 гг. — начальный период, когда у руководства обществом стал Чжан Тянь-жань; 1936—1945 гг. — период расцвета общества, действовавшего в районах, оккупированных японскими войсками; после 1945 г. — период заката [см. 296, 32].

Название общества трактуется по-разному. Можно предположить, что оно связано с известным изречением из «Луньюй» (гл. 4, стих 15) Конфуция «У дао и гуань чжу» — «Мое учение всеобъемлюще» (или универсально). Приняв это название, основатели общества, видимо, стремились показать, что оно носит всеобщий характер, не ограничивается приверженностью какому-либо одному религиозно-этическому учению, а вбирает в себя догматы конфуцианства, буддизма, даосизма и даже христианства. Виллем Гротэрс переводит «Игуаньдао» как «Путь всеобщего единения».

Религиозные догматы общества «Игуаньдао», как и других обществ подобного рода, не представляют целостной, последовательно изложенной системы взглядов.

Некоторые стороны своего учения «Игуаньдао» заимствовало у средневековых тайных союзов. В частности, у секты «Байляньцзяо» («Учение Белого лотоса»)

² Ли Шн-юй считает, что сведения о возникновении общества в 1911 г. недостоверны.

было взято учение о том, что в своем развитии человечество проходит через эпохи «трех солнц»: «синего» — прошлое, «красного» — настоящее, связанное с деятельностью Сакья Муни, «белого» — будущее, связанное с приходом Майтреи [см. 296, 32]. Цель этого учения состояла в том, чтобы обратить внимание и все надежды членов общества не на обеспечение лучших условий своей жизни в настоящем, а на будущий мир, неизвестный и непостижимый, но радостный и счастливый. Это учение в какой-то степени отражало недовольство бедняков их безотрадным тяжелым положением, а также веру в то, что страдания и горе не будут вечными и что в будущем их ждет блаженство и счастье³.

Существовало и другое толкование трех эпох, согласно которому с начала истории мироздания прошло три этапа: этап «синего солнца» приходится на эпоху Фу Си, «красного солнца» — это время правления Чжоуского вана Чжао, а «белого солнца» — это настоящая эпоха [см. 296, 46].

Чжан Гуан-би и его последователи проповедовали, что вступление в их общество поможет беднякам справиться с трудностями и невзгодами жизни, преодолеть последствия стихийных бедствий, излечиться от болезней, самосовершенствоваться и в конечном итоге обрести небесное блаженство в потустороннем мире. В проповедях подчеркивалась необходимость соблюдать конфуцианские этические нормы: три родственные связи и пять норм поведения. Проповедники общества призывали руководствоваться также традиционными моральными принципами, такими, как верность, сыновняя почтительность, долг и т. д. [см. 302, 19]. Они широко использовали популярные среди китайского народа легенды о добром буддийском монахе Цзи-гуне, который якобы вновь пришел на землю к людям, чтобы спасти их, и тот, кто вступит в «Игуаньдао», будет избавлен от страданий и жизненных тягот [см. 302, 35].

³ Здесь мы встречаемся с ярким примером трансформации религиозных представлений тайных обществ, отражающей их переход на позиции феодальной реакции. Вера в приход мессии Милэфо — Майтреи, учение о трех эпохах долгое время были боевыми лозунгами «Байляньцзяо», не раз поднимавшими под их знаменем массовые крестьянские восстания, наиболее крупные из которых — свержение династии Юань и восстание 1796—1803 гг. (см. статьи Л. А. Боровковой и Е. Б. Поршневой в настоящем сборнике).

У даосской религии руководители «Игуаньдао» заимствовали многие элементы молитвенных ритуалов, а также их мистические представления о происхождении мироздания.

Ли Ши-юй считает, что «религиозные догматы «Игуаньдао» переияли у конфуцианцев идеи об этических нормах поведения (луньли), у даосизма — космогонические идеи, у буддизма — некоторые священные тексты, а также использовали многие имена святых и специальные термины буддизма и даосизма, во многом дополнив их традиционными суеверными представлениями и провозгласив в качестве верховной главы «Вечную Мать» [296, 45].

Ли Ши-юй замечает, что руководители общества придерживались одного правила: «Не отталкивать приходящего». Поэтому они и выработали метод «три учения сливаются в одно». Фактически же дело не ограничивалось тремя религиями, они постоянно использовали также учения христианства и магометанства [см. 296, 58].

Свободное обращение с различными религиозными учениями находило свое отражение и в разработанной руководителями общества его родословной, согласно которой «Игуаньдао» вело свое начало от Пань Гу, Хуанди, Яо и Шуня, Кун-цзы и Мэн-цзы, затем перекочевало на запад и слилось с учением Сакья Муни, а затем, когда Буддизм пришел из Индии в Китай (V в.), учение снова возродилось на китайской земле [296, 35].

Такое смешение различных идей и представлений, взятых из трех наиболее распространенных в Китае религиозно-этических учений, с широким использованием местных суеверных взглядов придавало особенно туманный, расплывчатый характер мистическим проповедям общества. В то же время это помогло вовлекать в общество людей, которые ранее в своих семьях воспитывались в духе какой-либо одной религии. В учении «Игуаньдао» каждый из них находил нечто, отвечающее его привычным представлениям.

Рядовым членам всячески внушалось, что руководители и проповедники общества наделены сверхъестественной силой, могут вызывать духов, предсказывать судьбу, лечить от болезней, от бесплодия (что особенно привлекало в общество женщин, которые хотели иметь детей).

В храмах общества устраивались различные танст-

нешние представления и сеансы, рассчитанные на то, чтобы произвести впечатление на темных людей, устроить их, заставить поверить в силу духов, покровительствующих обществу. На выставке в Чунцине демонстрировалась «божественная плоть», которой пользовался один из проповедников общества «Игуаньдао». В эту плоть был вмонтирован пистолет, из которого проповедник мог во время молитвы поразить заранее намеченного человека. Обычно это был кто-нибудь из тех, кто начал открыто высказывать свои сомнения в правдивости проповедей.

Вожаки общества «Игуаньдао» уверяли, что они являются обладателями самых эффективных лекарств. Часто эти лекарства изготовлялись просто из песка и золы, и, конечно, их употребление или было неэффективно, или вело лишь к ухудшению здоровья больных [см. 328, 20.V.1953; 329, 7.V.1951].

В период ликвидации «Игуаньдао» многие вовлеченные в общество (обычно это были подростки или девушки) рассказывали о том, к каким махинациям прибегали вожаки общества для того, чтобы обмануть свою темную паству. Так, например, одна женщина рассказывала, что когда ее вовлекали в общество, то пытались уверить, что оно обладает чудодейственной, сверхъестественной силой. Однажды в комнату, где она жила, вдруг в окно ночью влетела целая грудa разбитых тарелок, кирпичей, земли, стали раздаваться странные звуки. На утро она обнаружила в своем котле, где обычно варила рис, глину, землю и различные нечистоты. Об этом событии узнали соседи. Все считали, что здесь проявилась чудодейственная сила. Но все же решили проверить, собрались ночью и тогда обнаружили, что всем этим делом занимается один из активных членов общества, живущий в этом доме [см. 302, 25].

На собраниях в храмах вожаки «Игуаньдао» с помощью своих послушников, обученных секретам общества, воздействовали на непосвященную паству. Один из приемов состоял в том, что малолетний послушник, заранее выучив мистические заклинания по приказу своего наставника, чертил на песке иероглифы, якобы внушенные ему небесными силами, чем приводил в изумление темную аудиторию [см. 329, 3.VI.1951].

В Чэнду одна из прислужниц храма рассказывала, как проповедник, убеждая молящихся во всемогущест-

ве Будды, заранее разбрасывал в помещении храма сахар, а затем объявлял, что это милосердный Будда, услышав их молитвы, превратил песок в сахар. И простодушная толпа верила этому [см. 329, 10.VI.1951].

Австралийскому журналисту Уилфриду Бэрчэтту рассказывали в китайской деревне Ямынгэ о том, как вожаки «Игуаньдао» обманывали население. Священнослужители использовали во время проповеди «женшину-меднума», пребывавшую в состоянии транса. «Она с закрытыми глазами стояла в песочной яме и держала в руке палку, которой царапала конвульсивными движениями на песке пероглифы. Эти знаки священнослужители выдавали за мистические послания, и бедные крестьяне после многих низких поклонов возвращались под свои убогие крыши с твердым убеждением, что они слышали голос богов. За несколько месяцев до моего посещения деревни Ямынгэ состоялось собрание жителей, на котором священнослужитель и его меднум прежде всего продемонстрировали жителям свою работу. Девушка рассказывала, как в детстве она была куплена священнослужителем, месяцами и годами была заперта в подвале, претерпела много побоев и изнуряющий голод. После этого с большим трудом она научилась писать на песке сложные пероглифы, которые требовал от нее священнослужитель. В действительности она не закрывала глаза. Священнослужитель постоянно подсказывал, что она должна написать» [310, 76—77]. Такого рода уловки с целью обмана населения были не единичными, а применялись во всех храмах «Игуаньдао» [см. 302, 13].

Вступавшие в общество давали клятву не выдавать его тайн. Их предупреждали, что если они раскроют секреты общества, то их поразит гром и они истекнут кровью. От каждого члена общества требовалось также, чтобы он вовлекал новых членов. Если он привлечет в общество еще одного члена, то сам избавится от всех страданий, а кто вовлечет десять — избавит от горя всю семью. При этом разъяснялось, что протекция общества, его магическая сила распространяются только на членов секты [см. 302, 12].

Обычно вожаки общества старались вовлечь в него всю семью. Это помогало им сохранять тайный характер общества. Вербуя новых членов, вожаки «Игуаньдао» заставляли и бедняков делать весьма обремени-

тельные денежные взносы, занимались вымогательством, что вело к еще большей нужде, а иногда и к разорению людей, поддавшихся на обман проповедников.

В китайской печати приводилось немало свидетельств того, как темные и забитые бедняки прощались со своими сбережениями, чтобы заслужить покровительство общества. Некоторые даже продавали землю, чтобы внести вступительный взнос в общество [см. 329, III—VI. 1951]. В период кампании за ликвидацию тайных союзов и сект многие люди, порвавшие с «Игуаньдао», рассказывали о том моральном и материальном ущербе, который они понесли от него. В Тяньцзине, например, после вступления в общество разорилось несколько сот мелких торговцев.

Через многочисленных агентов главари «Игуаньдао» узнавали о болезнях или других несчастьях, случившихся с людьми, и тотчас же предлагали свои услуги, выступая в качестве спасителей: «Ты болеешь, а если вступишь в секту — болезнь пройдет»; «У тебя нет детей, вступишь в секту — появятся дети»; «Ты горюешь, что у тебя умерли родные, вступишь в секту — сможешь поговорить с ними и даже соединиться с ними на небе». Такими примитивными способами можно было, разумеется, воздействовать на самые темные и самые забитые слои населения. Вместе с тем надо заметить, что причастность к таинствам общества давала людям, вступившим в него, определенное психологическое облегчение и утешение. Они обретали видимость надежды, что помогало им в повседневной нелегкой жизни.

Основной массой членов общества «Игуаньдао» в деревне были беднейшие слои населения. Обследование, проведенное в период после образования КНР в деревне Шанхуачжун уезда Дай провинции Шаньси, показывает, что в этой деревне примерно 74% всех середняков и бедняков входили в «Игуаньдао». В одном из районов провинции Ляоси 41% местных вожakov общества были бедняками и 30% — середняками.

Интересно проследить мотивы, по которым люди вступали в члены «Игуаньдао». Опрос, проведенный в шаньсийской деревне Шанхуачжун, дает следующую картину. Из 497 членов общества 230 вступили в него в надежде застраховать себя и свои семьи от стихийных бедствий и от превратностей судьбы, 23 — ради того, чтобы иметь детей, 15 — в надежде вылечить от

долгой болезни, 45 — из-за болезни своих детей, 38 — потому, что проповедники общества обещали им после смерти свидание со своими родными (мужем, женой, матерью или отцом), 42 — опасаясь за жизнь своих детей, взятых в солдаты, 72 — в надежде разбогатеть, 21 — стремясь избавиться от дурных привычек, 11 (женщин) — беспокоившихся за здоровье и судьбу своих мужей, которые по разным причинам покинули родные дома [см. 302, 12].

Данные опроса, проведенного в одном из районов г. Чэнду, показывают, что из 1108 рядовых членов «Игуаньдао» 136 вступили в общество с мыслью обрести лучшую жизнь в загробном мире, 341 — в надежде найти защиту от стихийных бедствий и житейских трудностей, 61 — с целью избавиться от бесплодия, 325 — в надежде на выздоровление, 80 — в надежде приобщиться к лику святых, 165 — с целью разбогатеть и по другим причинам, также носящим социальный характер [см. 329, 10.VI.1951].

Общество разделялось на две «нити»: одна нить «темная» (тайная), другая — «светлая» (открытая). В «тайную нить» входили вожаки, главари отделений общества, проповедники, хранители храмов. Это были доверенные люди руководителей общества, посвященные во все тайны, во все махинации, используемые для обмана рядовых членов общества. Рядовые члены входили в «светлую нить». Они не были посвящены во внутренние тайны общества, их уделом было молиться, слушать проповедь и вносить деньги и другие дары в казну общества.

Функционеры общества «Игуаньдао» делились по рангам. Во главе стоял патриарх, происхождение которого велось от самого Пань Гу. В местных организациях имелись таньчжу (хранитель алтаря), саньцай таньчжу (хранитель трех сил — Неба, Земли и Человека), пяньжэнь (старые члены), дяньчуаньши (проповедники, обладавшие правом посвящать новых членов в таинства общества, они представляли самого патриарха), даочжан (старший секты) [см. 296, 89]. Все они принадлежали к «темной нити» и существовали за счет приношений рядовой паствы.

До 1937 г., т. е. до начала японо-китайской войны, общество «Игуаньдао» не пользовалось особенно широким влиянием, число приверженцев его было небольшо-

численно, и оно не выделялось из числа других таинных обществ, действовавших в старом Китае. После того как в 1937 г. японская армия вторглась в Северный Китай, сфера деятельности общества стала расширяться, а его влияние среди сельского и городского населения заметно расти. Это, на наш взгляд, объясняется прежде всего тем, что война намного усугубила и без того тяжелое положение крестьянства и городских низов — ремесленников, мелких торговцев и т. д., обрушила на них новые страдания, как материальные, так и моральные. Политический горизонт этих слоев населения был слишком узок, чтобы они могли достаточно ясно осознать причины свалившихся на них страданий и пути избавления от них. Именно эти люди имели самые дикие, суеверные представления и взгляды, и большинство из них связывали свои надежды на лучшее будущее, на счастье и богатство с вмешательством чудодейственной, сверхъестественной силы. Готовые схватиться за любую соломинку, они тусклый светильник вожakov общества «Игуаньдао» принимали за маяк, возвещавший надежду.

Другой причиной, объясняющей рост влияния в этот период общества «Игуаньдао», следует на наш взгляд, считать связь главарей общества с японской разведкой. Факты свидетельствуют о том, что главари «Игуаньдао» пользовались покровительством японских оккупантов. Основатель общества Чжан Гуан-би после создания в Наньцзинне марионеточного правительства Ван Цзин-вэя получил пост сановника при министерстве иностранных дел. Вожаки местных отделений «Игуаньдао» также назначались на ответственные посты в провинциальных и уездных органах марионеточной власти.

О связи общества с японцами можно судить и по содержанию тех речей, с которыми выступали перед своей паствой проповедники общества. Чжан Гуан-би через армию своих проповедников распространял теории японских расистов о том, что «у китайцев и японцев одна письменность, они принадлежат к одной расе», что «Китай и Япония связаны исконной дружбой», что китайцы не должны оказывать сопротивления, а вместе с японцами участвовать в «строительстве сферы взаимного процветания Великой Восточной Азии» [328, 20.V.1953].

Вторжение японской армии в Китай Чжан Гуан-би

объяснял следующим образом: «Японцы — это потомки тех пятисот юношей и девушек, которые были посланы Цинь Шн-хуанди из Чананя на восток в поисках эликсира бессмертия. Они одного рода с китайцами и сейчас хотят вернуться на родину, но их не пускает китайское правительство, и они вынуждены применить силу, чтобы вернуться домой. Как только они доберутся до Чананя (Сианя), так сразу воцарится мир». Подобного рода проповеди, разумеется, поражают своей примитивностью, но они были рассчитаны на определенный, низкий уровень аудитории.

Профессор Дунстхеймер, правда, пишет о том, что японские власти преследовали в 1943 г. членов «Игуаньдао» в Северной Шаньси [см. 240, 336]. Но этот факт не опровергает того, что центральные группы общества и его высшие руководители сотрудничали с японскими оккупантами.

После поражения японского милитаризма главари общества «Игуаньдао», по свидетельствам китайской печати, вступили в контакт с гоминьдановской охранкой и работали под ее покровительством. Организации «Игуаньдао» и близких к нему обществ⁴ имелись во всех основных районах страны. У нас нет данных, позволяющих точно определить число членов общества. В провинции Шаньси, по неполным данным, имелось около 810 тыс. членов «Игуаньдао», в провинции Сычуань, если верить заявлениям самих руководителей общества, в нем состояло около 30% всего населения⁵.

После образования КНР главари общества «Игуаньдао» стали выступать против нового государства. Они распространяли клеветнические слухи, запугивали население, говорили, что якобы скоро снова вернется

⁴ Таких обществ, а также филиалов «Игуаньдао», принявших другое название после утверждения народной власти из конспиративных соображений, было около ста (например «Тяньдаоцзяо» — «Общество небесного пути», «Куи Мэи цзяо» — «Учение Куи Мэна», «Миньинхуй» — «Общество ясности», «Чанмаодао» — «Учение длинноволосях», «Дунхуатай» — «Общество восстановления процветания», Лаомудао — «Учение праматери» и др.). Представление об организационном единстве этого конгломерата, во всяком случае, спорно.

⁵ В 1950 г. вожак «Игуаньдао» в этой провинции, стремясь привлечь как можно больше новых членов в общество, утверждал: «Если начнется атомная война, то от атомной бомбы погибнет 70% сычуаньцев, а 30% останутся в живых благодаря своей принадлежности к обществу» [329, 8.II.1951].

власть Чан Кай-ши. В деревнях они распускали слухи о том, что якобы новое правительство будет кастрировать всех мужчин и женщин. В ряде районов они пытались поднять крестьян против передела помещичьей земли [см. 305, 266; 327, 20.XII.1950]. Главари общества запрещали верующим вступать в крестьянские союзы, в Общество советско-китайской дружбы. На Северо-Востоке, а также в провинциях Хэнань, Сычуань и в других местах они пытались поднять мятеж против народной власти [см. 303, 314]. Они использовали в своих целях даже известную песню «Восток алеет, солнце встает», трактуя ее как указание на возвращение Японии в Китай [см. 329, 3.IV.1951] (японцы всегда воспринимались в Китае как пришельцы с Востока, к тому же на японском флаге изображено восходящее солнце).

Существование общества «Игуаньдао», как и других тайных союзов и сект с их характерными средневековыми чертами, — одно из свидетельств живучести в Китае 30—40-х годов феодальных пережитков, один из признаков социально-политической отсталости страны.

Используя неграмотность, забитость низших слоев населения города и деревни, господство суеверий в этой среде, спекулируя на неосознанном, политически не оформленном недовольстве лишенной элементарных гражданских прав бедноты, «Игуаньдао» превращало их в объект обмана и вымогательства.

После того как правительство КНР приняло решение о незаконном характере деятельности тайных союзов, обществ и сект, об их запрещении, роспуске и о регистрации их членов, вожаки общества пытались оказать сопротивление. Они делали все для того, чтобы сохранить в тайне свою деятельность, оказывали давление на рядовых членов общества, запугивая их небесными карами за раскрытие тайн общества, выход из него и официальную регистрацию как члена «Игуаньдао». Но эти угрозы в условиях нового строя уже не имели той силы, что раньше.

Выход из общества принял массовый характер, и в течение 1949—1953 гг. общество «Игуаньдао» — одно из последних наиболее крупных тайных обществ Китая — было официально ликвидировано.

БИБЛИОГРАФИЯ*

Труды основоположников марксизма-ленинизма

1. Маркс К., Китайские дела, — Сочинения, изд. 2. т. 15, стр. 529—532.
2. Маркс К., Революция в Китае и Европе, — Сочинения, изд. 2, т. 9, стр. 98—105.
3. Ленин В. И., Горючий материал в мировой политике, Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 174 --183.

Общие работы

На русском языке

4. Ефимов Г., Очерки по новой и новейшей истории Китая, изд. 2, М., 1951, 575 стр., 1 порт., 1 карта.
5. Очерки истории Китая. С древности до «опиумных» войн. Под ред. Шан Юэ [Пер. с кит. В. И. Глушина, В. С. Колоколова и Б. А. Митбрейта. Под ред. Л. И. Думана и А. М. Филиппова], М., 1959, 579 стр., с илл.
6. Ху Шэп, Агрессия империалистических держав в Китае [Пер. с кит. Л. П. Делюшина и А. В. Котова. Под ред. и с предисл. В. Н. Никифорова], М., 1951, 303 стр.
7. Штейн В. М., Из ранней истории социальных утопий (Даосская утопия в Китае). — «Вестник истории мировой культуры», 1960, № 6, стр. 130—139.

На китайском языке

8. Ван Яо-сян, Чжунго бими шэхуй чжун цзунцзяо (Религия в китайских тайных обществах), — «Вэньшэ юекань», 1926, т. 2, № 3.
9. Вэй Цзюй-сянь, Чжунго банхуй (Тайные общества в Китае), Чунцин, 1949, 316 стр.
10. Вэнь Чжоу, Чжунгоды синь цзю бими цзешэ (Новые и старые тайные общества в Китае), — «Дунфан цзачжи», 1927, т. 24, № 15, стр. 90—91.
11. Гу Янь-ши, Чжунго бими хуйдан цзи (Записки о тайных обществах в Китае), — «Дунфан цзачжи», 1911, т. 8, № 10.

* Составитель Л. А. Кувшинникова.

12. Жун Мэп-юань, Чжунго лини цзянь (Хронология истории Китая), Пекин, 1956, 274 стр.
13. Люй Чжэнь-юй, Чжунго чжэньчжи сысян ши (История политической мысли в Китае), Пекин, 1955, 602 стр.
14. Лю Лян-кэ, Банхуй сань бай нянь гэмин ши (Революционная история тайных обществ на протяжении 300 лет), Макао, 1940, 20, 216 стр.
15. Ма Чао-цзюнь, Банхуй чжи (Тайные общества) — «Чжунго лаогун юньдун ши» (История китайского рабочего движения), Чунцин, 1942, стр. 73—77.
16. Сунь Цзо-минь, Чжунго нунминь чжаньчжэнь хэ цзун-цзюды гуаньси (Об отношении религии и крестьянских воли в истории Китая). — «Лини яньцзю», 1956, № 5, стр. 75—87.
17. Сунь Цзо-минь, Чжунго нунминь чжаньчжэнь вэньти таньсо (К вопросу о крестьянских войнах в Китае), Шанхай, 1956, 3, 95 стр.
18. Фэп Цзы-ю, Гэмин ши (Неофициальная история революции), т.т. 1—4, Шанхай, 1945—47 гг.
19. Хираяма Сю, Чжунго блин шэхуй ши (История китайских тайных обществ), Шанхай, 1927, 169 стр.
20. Цзяньминь чжунго сысян ши (Краткий очерк истории китайской идеологии). Под ред. Ян Жун-го, Пекин, 1962, 255 стр.
21. Чжунго нунминь цинь лунь цзи (Сборник статей о крестьянских восстаниях в Китае). Сост. Ли Гуан-би, Цянь Цзюнь-е, Лай Синь-ся, Пекин, 1958, 462 стр.
22. Шао Сюн-чжэнь, Бинь шэхуй цзунцзю хэ нунминь чжаньчжэнь (Тайные союзы, секты и борьба крестьянства), — в кн. «Чжунго фэньцзюнь шэхуй нунминь чжаньчжэнь вэньти таолунь цзи» («Сборник дискуссионных статей о крестьянских войнах в Китае»), Пекин, 1962; «Бэйцзинь дасюэ сюэбао», 1961, № 3, стр. 4—7.
23. Ши Ян, Гуаньйюй хуйдан вэньтиды таолунь (К вопросу о характере и роли хуйданов). — «Синьхуа юебао», 1962, № 3, стр. 91—94.
24. Ян Ю-цзюнь, Чжунго чжэнь дан ши (История политических партий Китая), Шанхай, 1937, 225 стр.

На западноевропейский язык

25. Ch'en, Jerome, Secret societies, — «Ch'ing-shih wen-t'i», 1966, vol. I, № 3, p. 13—16.
26. Chesneau, Jean, Chinese secret societies in the XIX—XX centuries, — «Ch'ing-shih wen-t'i», 1965, vol. I, № 1, p. 5—8.
27. Chesneau, Jean, Les Sociétés secrètes en Chine (XIX — et XXe siècles), Paris, 1965, 276 p.
28. Colet G., Les sociétés secrètes en terre d'Annam, Saigon, 1926, 425 p.
29. Cordier H., Des Sociétés Secrètes Chinoises, — en «Revue d'Ethnographie», vol. VII, № 1—2, Paris, 1888.
30. De Groot, J. J. M. Sectarianism and Religious Persecution in China, 2 vol., Amsterdam, 1904, 595 p.
31. Dussion, Henri, Les Sociétés Secrètes en Chine et en Terre d'Annam, Saigon, 1911.
32. Favre, Benoit, Les sociétés secrètes en Chine; origine — rôle historique — situation actuelle, par le lieutenant-colonel B. Favre, Paris, 1933, [7.], 222 p.

33. Glick Carl and Hong Sheng-hua, *Swords of Silence: Chinese secret Societies Past and Present*, New York, 1947, 292 p.
34. Hutson J., *Chinese secret societies*, — «China journals» (of science and art), 1928, vol. 9, p. 164—170, 215—221, 276—282; 1929, vol. 10, p. 12—16.
35. Pourvouville, *Révolution et Sociétés secrètes en Chine*, en: «Revue de Paris», Mars 1-^r, 1912.
36. Pickering W. H., *Chinese Secret Societies*, — «Journal of the Royal Asiatic Society», Straits Branch, vol. 1, 1878, p. 63—84; vol. III, 1879, p. 1—18.
37. T'ang Leang-li, *The historical significance of the Chinese secret societies*, — «People's Tribune», 1932—1933, vol. 3, p. 222—228.
38. Tien Tsung, *Chinese secret societies*. «Orient», 1952, vol. 3, pt 2, p. 23—26; vol. 3, pt 3, p. 48—50; pt 4, p. 56—58; pt. 5, p. 39—41; 1953, vol. 3, pt 6, p. 47—50.
39. Wylie A., *Secret Societies in China*, — «Chinese Almanach for 1853», Shanghai, 1854, p. 325—348.

Тайные общества в средние века

Источники

На китайском языке

40. Гао Дай, Хун ю лу (Записки о полном замысле), — «Мин кэбэнь цзи лу хуйбянь», т.т. 1—76 (цз. 1—260), Шанхай, 1938.
41. Е Цзы-цзи, Цао му цзы (Записки), Пекин, 1959, 100 стр.
42. Лю Чжэнь, Го-чу ши цзи (События и деяния начала империи), — «Чэнь-чжун-юй чаобэнь», [б. м.], [б. г.].
43. Мин ши (История династии Мин), т.т. 1—100, Шанхай, 1936.
44. Тао Цзун-и, Наньцунь чжо-гэн лу (Записки Нань-цуня в свободное от полевых работ время), Пекин, 1959, 13, 385 стр.
45. У Куань, Пин У лу (Записки о покорении У), — «Мин кэбэнь цзи лу хуйбянь», т. 1—76 (цз. 1—260), Шанхай, 1938.
46. Цюань Хэи, Гэнь-шэнь вай ши (Частная история императора Гэнь-шэня), — «Сыку цюаньшу», «шнбу» («Собрание китайских классических произведений по четырем разделам», раздел «история»). Ксилографическое издание.
47. Цянь Цянь-и, Гочу цюнсюн шилюе (Описание деяний храбрецов в годы создания империи) — «Хань таи чжай цзай чаобэнь», [б. м.], [б. г.].
48. Юань дэнь чжаи (Свод законов династии Юань), — «Тун фэй ши цун кань», [б. м.], [б. г.].
49. Юань ши (История династии Юань), — «Сыбу бэйяо» («Собрание китайских классических произведений по четырем разделам», т.т. 834—863 (цз. 1—210), Шанхай, 1936.

Литература

На русском языке

50. Боровкова Л. А., Восстание «красных войск» и возмущение Чжу Юань-чжана, — «Народы Азии и Африки», 1961, № 2, стр. 89—103.

- 50а. Боровкова Л. А., Группировка Го Цзы-сина — Чжу Юань-чжана на первом этапе восстания «красных войск» (1352—1356), — «Краткие сообщения Института народов Азии», вып. 66. Средневековая и новая история Китая, М., 1963, стр. 22—37.
51. Смолин Г. Я., Восстание тайного общества «Минцзяо» под руководством Ван Цзэ (1047—1048 гг.), — «Филология и история стран зарубежной Азии и Африки», Л., 1965, стр. 83—84.
52. Смолин Г. Я., Учение «Минцзяо» как идеологический источник крестьянских антифеодальных восстаний в Китае XII—XIII веков, — «Филология и история стран зарубежной Азии и Африки», Л., 1966, стр. 91—93.
53. Хоу Вай-лу, Социальные утопии древнего и средневекового Китая, — «Вопросы философии», 1959, № 9, стр. 76—86.

На китайском языке

54. Ван Го-вэй, Маницзяо жу чжунго као (Проникновение манихейства в Китай), — «Хайшан Ван Цзин-ань сяньшэн ишу» («Восмертное собрание произведений Ван Го-вэя»), т. II, [б. м.], 1940.
55. Ван Чун-у, Лунь юань мо пунминь циды фачжань туйбянь цзи ци цзан лишн шан со циды цзиньбу цзюнь (О перерождении крестьянских восстаний в конце Юань и их прогрессивной роли в истории), — «Линши яньцзю», 1954, № 4, стр. 87—114.
56. Син Юэ, Сун дайды минцзяо юй пунминь цин (Манихейство и крестьянские восстания эпохи Сун), — «Линши цзяосюе», 1959, № 6, стр. 39—42.
57. Таи Юи-тун, Хань Вэй лян Цзинь Нань Бэй чао фоцзяо ши (История буддизма в Китае в период Хань, Вэй, обеих Цзинь, Северных и Южных династий), т.т. 1—2, Пекин, 1955.
58. У Хань, Минцзяо юй Мин ди го (Манихейство и империя Великая Мин), — «Ду ши чжа цзи» («Заметки по истории Китая»), Пекин, 1956, стр. 235—270.
59. У Хань, Чжу Юань-чжан чжуань (Биография Чжу Юань-чжана), Пекин, 1965, 302 стр.
60. Ян Куань, Лунь Тайпинцзин (О даосском каноне Тайпинцзин), — «Сюешу юекань», 1959, № 9, стр. 17—26.

На западноевропейских языках

61. Chao Wei-pang, Secret religious societies in north China in the Ming dynasty, — «Folklore studies», 1948, vol. VII, p. 95—115.

Тайные общества в новое время

Источники

На русском языке

62. Архив внешней политики России. Главный архив 1—9: опись 8, дело 7, 11, опись 9, дело 7. Главный архив V-Аз, дело 5. Китайский стол, дело 109, 180, 388, 421, 763.
63. Восстание ихэтуаней. Документы и материалы. [Пер. с кит. Сост. и автор предисл. и примеч. Н. М. Калюжная], М., 1968, 276 стр.
64. Корсаков В. В., Пекинские события. Личные воспоминания

участника об осаде в Пекине. Май — август 1900 года, СПб., 1901, 394 стр., 1 л. портр.

65. Синьхайская революция 1911—1913 гг. Сборник документов и материалов. [Пер. с кит., Отв. ред. С. Л. Тихвинский], М., 1968, 348 стр.
66. Скачков К. А., Пекин в дни тайпинского восстания. Из записок очевидца, [Отв. ред. П. Е. Скачков], М., 1958; 360 стр., с илл., 1 л. карт.
67. Тайпинское восстание 1850—1864 гг. Сборник документов. [Сост.: В. П. Илюшечкин и О. Г. Соловьев], М., 1960, 335 стр.

На китайском языке

68. Би Юань, Сюй цзы чжи тунцзянь (Продолжение книги «Зерцало всеобщее правительству помогающее»), т.т. 1—6, Пекин, 1957.
69. Ван Дин-ань, Сяньцзюнь цзи (Записки о хунаньской армии), т.т. 1—8, из. 1—20, Наньцзин, 1889.
70. Дацин личао шилу (Историческая хроника династии Цин), Токио, [б. г.].
71. Гуйчжоу хао цзюньды юй хуан, Сюй юнь каоши (Манифест «цветной» армии в Гуйчжоу с комментариями Сюй Юня). — «Цзиньдай ши цзыляо», 1963, № 1, стр. 217—223.
72. Ихэтуань (Ихэтуань), т.т. 1—4, Шанхай, 1955.
73. Ихэтуань вэньсянь (Документы и материалы ихэтуаней). — «Цзиньдай ши цзыляо», 1957, № 1, стр. 1—21.
74. Ихэтуань гэю (Песни ихэтуаней), Шанхай, 1960, 96 стр.
75. Ихэтуань дан'ань шилу (Архивные материалы об ихэтуанях), т.т. 1—2, Пекин, 1959.
76. И цю лин сань — и цю лин у гуанси жэньминь цин цзыляо (Материалы о народных движениях в провинции Гуанси в 1903—1905 гг.), т.т. 1—5 [б. м.], 1960.
77. Каньцзин цзяофэй шубянь (Описание усмирения еретиков), [б. м.], 1827.
78. Ли Юань-фа цин (Восстание Ли Юань-фа). — «Цзиньдай ши цзыляо», 1963, № 1, стр. 6—9. [Приводится запись показаний Ли Юань-фа].
79. Ло Эр-ган, Цбу снш фасяньды тяньдихуй вэньцзянь чаобэнь (Вновь обнаруженные документы о «Тяньдихуе»). — «Голи тунгуань гуанькань», 1934, т. 8, № 4, стр. 13—19.
80. Ло Эр-ган, Тяньдихуй вэньсянь лу (Записи документов «Тяньдихуя»), Чунцин, 1943, 98 стр.; Шанхай, 1947, 98 стр.
81. Лю Чжу-фэй, Цзиньцзяньхуй цзюлюе (Записки об «Обществе золотых монет»), — «Цзиньдай ши цзыляо», 1955, № 3, стр. 146—163.
82. «Няньцзюнь», Фань Вэнь-лань дэн бяньчжу (Восстание «няньцзюань»), т.т. 1—6. Под ред. Фань Вэнь-лани и др., Шанхай, 1955.
83. Няньцзюнь цзыляо бэйцзи. Не Чун-ци бянь (Сборник дополнительных материалов о восстании «няньцзюнь»). Сост. Не Чун-ци, Шанхай, 1958, 348 стр.
84. Посе сянь дэн яочи баоцзюань (Баоцзюань о ключе к разгрому ереси и обнаружению истинного), [б. м.], 1698.
85. Синьхай гэмин (Синьхайская революция), т.т. 1—8, Шанхай, 1957.
86. Синьхай гэмин хуйн лу (Воспоминания о революции 1911 г.), т.т. 1—6, Пекин, 1961—1963.

87. Сун Цзин-ши дан'ань шиляо (Восстание под руководством Сун Цзин-ши. Исторический архив), Пекин, 1959, 20, 371 стр.
88. Сяннь Юнь, Бай Лан ши-мо цзи (Записки о Бай Лане), — «Цзиньдай ши цзыляо», 1956, № 3, стр. 141—157.
89. Сяо И-шань, Тайпин тяньго чжаоюй фу каоши (Тайпинские манифесты с комментариями составителя), Пекин, 1935.
90. Тайпин тяньго (Тайпины), тт. 1—8, Шанхай, 1952.
91. Тайпин тяньго ши вэнь шао (Стихотворные и прозаические памятники тайпинов), т.т. 1—2, Шанхай, 1934.
92. Тао Чэп-чжан, Чжэ ань цзюлюе (Хроника событий и Чжэцзяне), — «Синьхай гэмпи» («Синьхайская революция»), т. 3, стр. 10—111. Приложение: Об истоках китайских тайпных обществ, стр. 99—111.
93. Хуан Юй-пянь, Посе сябянь (Ереси и их опровержение), [б. м.], 1834.
94. Цзинь цян хуй цзяляо, Не Чун-ци бянь (Материалы о «Союзе золотых монет»). Сост. Не Чун-ци, Шанхай, 1959, 8, 3, 208 стр.
95. Цзоу Шэнь-чэи, Чжэнань хун цзинь цзюнь ши ляо цзюлю (Материалы к истории армии «красных повязок» в Южном Чжэцзяне), — «Цзиньдай ши цзыляо», 1963, № 1, стр. 179—187.
96. Цзоу Юй-чэи, Хуй лу (Воспоминания), — «Цзиньдай ши цзыляо», 1956, № 3, стр. 77—131.
97. Цзэн Ван-янь личэнь Гуандун гогуань чжи ю цзоугао (Доклад Цзэн Ван-яня о причинах беспорядков в Гуандуне), — «Тайпин тянь го шиляо» («Материалы по истории тайпинов»), Пекин, 1950, стр. 524—527.
98. Циндин пиндин цзяофэй цзюлюе (Описание усмирения бунтовщиков-сектантов), [б. м.], 1817.
99. Цин цзи вайцзяо шиляо (Материалы по истории внешних сношений Китая в конце правления Цинской династии), цз. 1—218, Пекин, 1932.
100. Цяо Сюй-у, Цзи Бай Лан ши (Заметки о Бай Лане), — «Цзиньдай ши цзыляо», 1956, № 3, стр. 132—140.
101. Чжао Юань-пи, Хун бин цзи (Записки о «красных войсках»), — «Цзиньдай ши цзыляо», 1955, № 3, стр. 93—145.
102. Чжэньшэнь чун усю дэнцзыцзай баоцзюань (Баоцзюань о том, как с помощью истинной веры изгнать сомнения, и о достижении отрешения от мирской суеты), [б. м.], 1698.
103. Чусе цзюлюэ (Об истреблении сектантов), [б. м.], 1805.
104. Шанхай сяо дао хуй цин ши ляо хуйбянь (Сборник материалов по истории восстания «Союза малых мечей» в Шанхае), Шанхай, 1958, 5, 1031 стр.
105. Шаньдун цзиньдай ши цзыляо сюаньцзи (Избранные материалы по новой истории провинции Шаньдун), Цзинань, 1959, 310 стр.

На западноевропейских языках

107. Cooke G. W. China: being «The Times» special correspondent from China in the years 1857—1858, London, 1858, 457 p.
108. Leboucq (Père) Lettres. — «Etudes Religieuses», Paris, 1875, 19è année. Vè série VIII, p. 197—220, 641—664.
109. Morrison R., A Transcript in Roman Characters, with Translation of a Manifesto in Chinese Language, issued by the Triad

Society, — «The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland», vol. I, London, 1834, p. 94—95.

110. Oath taken by members of the Triad Society and notices of its origin, — «Chinese repository», Canton, vol. XVIII, June 1949, № 6.

Литература

На русском языке

111. Ассоциация Кулаков. Общество, которое вызвало восстание в Китае и привело к войне с европейцами, — «Известия Восточного института», 1900—1901, т. 2, вып. 1, стр. 17—27.
112. Белов Е. А., Крестьянское восстание в Китае под руководством Бай Лана (1912—1914 гг.), — «Вопросы истории», 1960, № 2, стр. 167—180.
113. Белый волк, — «Амурский земледелец», 1914, № 6—7, стр. 193—196.
114. Венюков М., Очерки современного Китая, СПб., 1874, 252 стр.
115. Гаранин И. П., Антимиссионерское движение в Китае в конце XIX в., «Вопросы преодоления религиозных пережитков в СССР», М.—Л., 1966, стр. 212—240.
116. Гаранин И. П., Китайский антимиссионерский лубок XIX в., — «Ежегодник музея истории религии и атеизма», т. 4, М.—Л., 1960, стр. 403—426.
117. Гриневич П., Боксерское восстание, — «Проблемы Китая», 1934, 13, стр. 242—275.
118. Данилов В. П., «Объединенная революционная лига Китая», ее роль в подготовке революции 1911—1912 гг., М., 1959, 187 стр.
119. Добровольский Илья [пер.], Воззвание секты «Цзяньли», — «Вестник Азии», 1922, № 1, стр. 44—53.
120. Дороти Л., Тайные общества и восстания в Китае, — «Новый мир», 1900, 38, стр. 272—274.
121. Избранные произведения прогрессивных китайских мыслителей нового времени (1840—1898). Пер. с кит., М., 1961, 299 стр.
122. Илющенко В. П., Крестьянская война тайпинов, М., 1967, 394 стр., с карт.
123. Калужная Н. М., Антимиссионерские выступления в Китае (1886—1893), — «Краткие сообщения Института народов Азии», вып. 66. Средневековая и новая история Китая, М., 1963, стр. 69—81.
124. Калужная Н. М., Восстание «Больших мечей» в Шаньдуне в 1896 г., — «Краткие сообщения Института народов Азии», вып. 85. История и историография стран Дальнего Востока, М., 1964, стр. 60—71.
125. Калужная Н. М., О содержании прокламаций, написанных участниками восстания ихэтуаней, — «Краткие сообщения Института народов Азии», вып. 71. Из истории философской и общественно-политической мысли стран Востока, М., 1964, стр. 133—142.
126. Корсаков В. В., В старом Пекине. Очерки из жизни в Китае, СПб., 1904, VII, 358 стр.
127. Костяева А. С., Лозунг «Долой Цин» в Пиньинском восстании 1906, — «Маньчжурское владычество в Китае», М., 1966, стр. 350—362.
128. Костяева А. С., Народные движения в Китае в 1901

- 1905 гг. — «Краткие сообщения Института народов Азии», вып. 85. История и историография стран Дальнего Востока, М., 1964, стр. 72—84.
129. Мопина А. А., Из истории тьяньцзинских событий 1870 г., — «Краткие сообщения Института народов Азии», вып. 55, Новая и новейшая история КНР, М., 1962, стр. 32—44.
 130. Невероятные сказки. Рассказ доктора-китайца Сунь Ят-сена о его похищении и заточении в Лондоне. Пер. с англ., — «Русское богатство», 1897, № 12, стр. 28—75.
 131. Новиков Б. М., Лозунг «Фань Цин, фу Мин» в документах тайного общества Тяньдихуэй и в практике народных движений в Китае, — «Филология и история стран зарубежной Азии и Африки». Тезисы докладов научной конференции Восточного факультета [ЛГУ]. 1965—1966 учебный год, Л., 1966, стр. 81—83.
 132. Новиков Б. М., О материалах по истории антицинского тайного Общества неба и земли (Тяньдихуэй), — «Историография и источниковедение стран Азии», вып. 1. Материалы межвузовской научной конференции 25—27 января 1963 г., Л., 1965, стр. 56—71.
 133. Новиков Б. М., О характере тайного общества Неба и Земли, — «Филология и история стран зарубежной Азии и Африки». Тезисы научной конференции Восточного факультета, 1964—1965 учебный год, Л., 1965, стр. 66—68.
 134. Новиков Б. М., Социальные утопии тайных обществ «Белый лотос» и «Триада» (попытка сравнения по материалам периода Цин), — «Филология и история стран зарубежной Азии и Африки». Тезисы науч. конференции Восточного факультета ЛГУ, посвященной 50-летию Великого Октября, Л., 1967, стр. 82—84.
 135. О возмущении в Китае, — «Сын отечества», 1815, № 8, стр. 69—76, 128—132.
 136. Петров А., Китай за последнее десятилетие. (Социально-политический очерк), СПб., 1910, XI, 236 стр.
 137. Позднеев А. М., О последнем китайском восстании в Юго-Восточной Монголии и о причинах противохристианских восстаний в Китае вообще, СПб., 1896, 26 стр.
 138. Поршнева Е. Б., Народное восстание 1796—1803 гг., — «Краткие сообщения Института народов Азии», вып. 53. Китайский сборник, М., 1962, стр. 78—94.
 139. Поршнева Е. Б., Народное восстание 1796—1804 гг. под руководством общества «Байляньцзяо». Автореферат диссертации, М., 1963, 21 стр.
 140. Поршнева Е. Б., Подъем антиманьчжурского движения в Китае под руководством тайных обществ (конец XVIII — начало XIX в.), — «Маньчжурское владычество в Китае», М., 1966, стр. 219—233.
 141. Поршнева Е., Эгалитарные традиции и их эволюция в верованиях «Байляньцзяо», — «Симпозиум „Роль традиций в истории Китая“», Тезисы докладов, М., 1968, стр. 70—73.
 142. Род Жан, Современный Китай. Пер. с франц. СПб., 1912, 294 стр., 1 портр., 7 л. илл.
 143. Рудаков А., Общество И-хэ-туань и его значение в последних событиях на Дальнем Востоке. По официальным китайским данным, Владивосток, 1901, 77 стр.

144. События в Китае. Кровавые смуты секты «Большого кулака», с рис. [современных событий], М., 1900, 94 стр.
145. Современная летопись Дальнего Востока. Особое приложение к «Известиям Восточного института», Владивосток, 1901, т. 2, вып. 5; т. 3, вып. 2; 1904, т. 10.
146. Сунь Ят-сен, Избранные произведения, М., 1964, 573 стр., 1 л. портр.
147. Сунь Ят-сен, Настоящее и будущее Китая, — «Русское богатство», 1897, № 5, стр. 44—62.
148. Тайные общества в Китае, — Литературное приложение к «Ниве», 1900, октябрь, стр. 369—387 [в связи с восстанием 1899—1900 гг.].
149. Тайные общества в Китае и китайские власти, — «Русский вестник», 1900, июль, стр. 242—246.
150. Фань Вэнь-лань, Новая история Китая, т. 1. Пер. с кит. Р. В. Вяткина и др. Ред. и предисл. В. Н. Никифорова, М., 1955, 600 стр.
151. Чеканов Н. К., Восстание няньцзуней в Китае. 1853—1868 гг., М., 1963, 171 стр.
152. Чероне Ф., Разрешенные ассоциации и тайные общества в Китае. Пер. с итал., — «Русское богатство», 1900, IX, стр. 149—170.

На китайском языке

153. Ай Сяо-хуй, Тайпин тяньго гэмин шици Лань Чао-дин Ли Юнь-хэ нунминь цзи (Крестьянское восстание Лань Чао-дина и Ли Юнь-хэ во время Тайпинской революции), — «Синь шицзе тунсинь», 1956, № 4, стр. 8—14.
154. Бай Лань цзи дяоча цзяньцзи (Краткая запись обследования восстания Бай Лана), — «Шисюе юекань», 1960, № 2, стр. 18—23.
155. Бао Цзянь-син, Бай ци цин ши-мо (Восстание белых флагов), — «Цзиньдай ши цзыляо», 1958, № 3, стр. 15—27.
156. Ван И-сунь, Синьхай гэмин шици цычань цзеци юй нунминьды гуаньси вэньти (Связи крестьянства с буржуазией в период Синьхайской революции), — сб. «Синьхай гэмин уши чжоунянь цзинянь луньвэнь цзи» («Пятидесятилетие Синьхайской революции»), т. 1, Пекин, 1962, стр. 115—146.
157. Ван Тянь-цзян, Шанхай сяо даохуй цин ши-мо (Восстание общества «Малых мечей» в Шанхае), — «Лиши цзяосюе», 1953, № 11, стр. 30—34.
158. Ван Тянь-цзян, Шицзю шици сябаньцзи чжунгоды бини шэхуй (Тайные союзы Китая во второй половине XIX в.), — «Лиши яньцзю», 1963, № 2, стр. 83—100.
159. Ван Юн-жэнь, Да дао хуй (Общество «Больших мечей»), «Низин», 1937, № 25, стр. 75—77.
160. Вэй Цзянь-ю, Синьхай гэмин цянбеды чжэцзян хуйдан ходун. (Деятельность тайных обществ в Чжэцзяне накануне Синьхайской революции), — сб. «Синьхай гэмин уши чжоунянь цзинянь луньвэнь цзи» («Пятидесятилетие Синьхайской революции»), т. 2, Пекин, 1962, стр. 519—544.
161. Гань Цзо-лин, Сижэнь со шу гэлаохуй-чжи лини (Европейцы об истории общества «Гэлаохуй»), — «Дуифан цза чжи», 1917, т. 14, № 11.

162. Го Тун-и, Тайпин тьяньго ши ши жичжи (Хроника событий истории тайпинов), т.т. 1—2, Шанхай, 1947.
163. Гофу Сунь Чжун-шань сяньшэн няньпу чугао. Ло Цзя-лунь чжу бьяньчжу (Хронология жизни и деятельности отца страны — Сунь Ят-сена). Ред. Ло Цзя-лунь, т.т. 1—2, Тайбэй, 1958.
164. Гофу цюаньцзи (Полное собрание сочинений Сунь Ят-сена), т. 1—6, Тайбэй, 1961.
165. Гэлаохуй юй Цинбан гайкуан (Общества «Гэлаохуй» и «Цинбан»), [б. м.], 1941, 158 стр.
166. Гэп-цзы цэпши (Записки о событиях 1900 г.), Пекин, 1959, 266 стр.
167. Да й И, Чжунго цэпньдай ши гао (Очерки новой истории Китая), т. 1, Пекин, 1958, 523 стр.
168. Ду н Кэ-чап, Гуаньюй Бай Лан цинды синчжи (О характере восстания Бай Лана), — «Шисюе юекань», 1960, № 5, стр. 22—27.
169. Ду н Цай-ши, Ши лунь чуаньчу байляньцзяо пунминь да цин (Крестьянское восстание под руководством общества «Байляньцзяо» в Чуаньчу), — «Вэнь ши чжэ», 1958, № 7, стр. 58—65.
170. Жун Мэи-юань, Тайпин тьяньгоды тайпин (Термин «тайпин» в Тайпинском государстве), — «Лиши яньцзю», 1955, № 4, стр. 8.
171. Жун Мэи-юань, Тяньдихуй (Общество «Тяньдихуй»), — «Лиши цзяосюе», 1956, № 5, стр. 17—18.
172. Ихэтуань юньдун люши чжоуянь цзинянь (Юбилейный сборник статей, посвященных 60-летию движения ихэтуаней), Пекин, 1961, 274 стр.
173. Лай Синь-ся, Тянь миньго чунянь Бай Лан лундаоды нунминь цин (Крестьянское восстание под руководством Бай Лана в первые годы республики), — «Чжунго пунминь ши лунь цзи» («Сборник статей о крестьянских восстаниях в Китае»), Пекин, 1958, стр. 447—460.
174. Лай Синь-ся, Фань цинды бини цзешэ (Антицинские тайные общества), — «Лиши цзяосюе», 1956, № 10, стр. 12—15.
175. Лай Синь-ся, Ши лунь Цин Гуансюй моняньды Гуансч жэньминь да цин (О народном движении в Гуансч в конце правления Гуансюя), — «Лиши яньцзю», 1957, № 11, стр. 57—78.
176. Ли Вэнь-хай, Синьхай гэмш юй хуйдан (Синьхайская революция и тайные общества), — сб. «Синьхай гэмш ушн чжоу-янь цзинянь луньвэнь цзи» («Пятидесятилетие Синьхайской революции»), т. 1, Пекин, 1962, стр. 166—187.
177. Ли Ши-юе, Лунь гуанфухуй (Общество «Гуанфухуй»), — «Шисюе юекань», 1959, № 8, стр. 14—19.
178. Ли Ши-юе, Синьхай гэмш шицн ляпху дшюйды гэмш юньдун. (Революционное движение в Хубэе и Хуанши в период Синьхайской революции), Пекин, 1957, 132 стр.
179. Ли Ши-юе, Цзя-у чжаньчжэн цянь саньши няньцзянь фань ян цзяо юньдун (Движение против иностранной религии на протяжении 30 лет, предшествовавших китайско-японской войне), — «Лиши яньцзю», 1958, № 6, стр. 1—15.
180. Ли Ши-юй, Баоцзюань синь янь (Новое исследование о «баоцзюанях»), — сб. «Вэньсюе ичань», цзэнкань («Литературное наследство», дополнение), сб. 4, Пекин, 1957, стр. 165—181.
181. Ли Ши-юй, Баоцзюань цзунлу (Сводный каталог «драго-

- ценных свитков»), Пекин, 1961, 16, 97 стр. Рецензия: «Народы Азии и Африки», 1963, № 1, стр. 216—220.
182. Ли Шн-юй, Цзян чжэ чжу шэнды сюань цзюань (Свитки, читающиеся нараспев в провинциях Чжэцзян и Цзянсу), — сб. «„Вэньсюе пдаи“, цзэ кань» («Литературное наследие», дополнение), сб. 7, Пекин, 1959, стр. 197—213.
 183. Ли Шн-юй, Цинбап, тяньдихуй, байляньцзяо («Цинбап», «Тяньдихуй» и «Байляньцзяо»), — «Вэнь ши чжэ», 1963, № 3, стр. 67—73.
 184. Ло Эр-ган, Хуйдан цин бяо (Восстания под руководством тайных обществ. Таблица), — «Тайпин тяньго шингао» («История тайпинского государства»), Пекин, 1951, стр. 57—65.
 185. Ло Яо-цзю, Гуанфухуй синчжи тань тао (О характере общества «Гуанфухуй»), — «Сямэнь дасюе сюебао шэхуй кэсюе», 1960, № 1, стр. 69—81.
 186. Лян Жэнь-бао, Цзиньтянь цин цянъ Гуансиды нунминь цин (Крестьянские восстания в Гуанси накануне Цзиньтяньского восстания), — «Лиши цзяосюе», 1957, № 10, стр. 14—18.
 187. Мао И-хэп, Тайпин тяньго юй Тяньдихуй (Тайпинское государство и «Тяньдихуй»), — «Шэньбао юекапъ», 1935, т. 4, № 1, стр. 169—173.
 189. Мо Чжуи, Гуаньюй Гуанси хуйданды псе вэньи (К вопросу о хуйданах провинции Гуанси), — «Гуанси жибао», 22.IV.1964.
 190. Пэн Цзэ-и, Тайпин тяньго гэмш сычао (Идеи Тайпинской революции), Шанхай, 1946, 12, 152 стр.
 191. Се Син-яо, Тайпин тяньго цянъхоу Гуансиды фань цин юньдун (Антицинское движение в Гуанси в период Тайпинского восстания), Пекин, 1950, 4, 7, 236 стр.
 192. Сун Гао, Сычуаньды гэлаохуй (Общество «Гэлаохуй» в провинции Сычуань), — «Ухань чжунъян жибао фукапъ», 1927, № 97.
 193. Сунь Чжи-ляп, Синьхай гэмш инци шэньси гэлаохуй (Деятельность тайного общества «Гэлаохуй» в провинции Шэньси в период Синьхайской революции), — «Гуанмин жибао», 3.I.1962, стр. 4.
 194. Сунь Ят-сеп, Сунь чжун-шань сюаньцзи (Избранные произведения), т.т. 1—2, Пекин, 1956.
 195. Сюй Юй-пань, Шанхай сяодаохуй луань шнды ши-мо (Восстание общества «Малых мечей» в Шанхае), — «Ицзин», 1937, № 26, стр. 28—31.
 196. Сяо И-шань, Цзиньдай бини шэхуй шляо (Материалы по истории тайных обществ Китая в новое время), т.т. 1—4, Пекин, 1935.
 197. Сяо Юй-минь, Цин цзяци тяньлицзяо цин (Восстание Тяньлицзяо в период Цзяцин (1796—1820)), — в сб. «Чжунго нунминь цин луи цзи» («О крестьянских восстаниях в Китае»), Пекин, 1958, стр. 356—369.
 198. Тао Чэн-чжан, Цю цзинь чжуань (Биография Цю Цзинь), — «Цю Цзинь цзи» («Сборник произведений Цю Цзинь»), Пекин, 1962, стр. 181—190.
 199. У Шао-сюань, Цин мо чжэцзян чжи гэлаохуй (Общество «Гэлаохуй» в провинции Чжэцзян в конце династии Цин), «Юефэн», 1936, № 12.
 200. Фэй Ле, Хунмынь соу би (Понятие тайн общества «Хунмынь») [б. м.], 1956, 88 стр.

201. Ху а Ган, Чжунго цзиньдай ши (Новая история Китая), [б. м.], 1949, 203 стр.
202. Хуан Гуан-ко, Югуань Бай Лан цинды псе цзыляо (Некоторые материалы о восстании Бай Лана), — «Шисюе юекань», 1960, II 2, стр. 24—27.
203. Хуан Сань-дэ, Хунмынь гэмин ши (Революционная история общества «Хунмынь»), [б. м.], 1936, 65 стр.
204. Хуан Тин-чжу, Шнцзю шнцзи чжунеды гуандун тяньдихуй (Общество «Тяньдихуй» в Гуандуне в середине XIX в.), — «Сюешу яньцзю», 1963, № 1, стр. 22—32.
205. Ху Сы-юп, Тайпин тяньго гэмин шнцзю Гуйчжоуды мяо цзю да цин (Крупные восстания сект и мяо в Гуйчжоу в период Тайпинской революции), — «Синь шисюе тунсинь» 1954, № 8, стр. 7—11, № 9, стр. 6—12.
206. Ху Чжун-шэп, Ихэтуань цянп шэнь ши цзунхуй («Цзунхуй» — предшественник ихэтуаней), — «Лиши яньцзю», 1958, № 3, стр. 8.
207. Цзинь Цзя-жуй, Ихэтуань юньдун (Движение ихэтуаней), Шанхай, 1957, 187 стр.
208. Цзоу Лу, Чжунго гоминьдан шингао (Очерки истории гоминьдана), т. т. 1—3, Шанхай, 1929.
209. Цзоу Чжи-бай, Ли Юнь-хэ Лань Чао-дин цин (Восстание Ли Юнь-хэ и Лань Чао-дина), — «Гуанмин жибао», 14.IV.1955.
210. Цзян Ди, Фу цзюнь (Отряды носящих повязки на голове), — «Синь шисюе тунсинь», 1956, № 10, стр. 6—10.
211. Цзян Ди, Чу цин яньцзюнь ши лунь цун (Сборник статей по истории первого периода движения «яньцзюней»), Пекин, 1959, 278 стр.
212. Цзянь Бо-цзань, Ихэтуань юньдун (Движение ихэтуаней), — «Лиши цзюсюе», 1958, № 5, стр. 7—16.
213. Цзянь Бо-цзань, Лунь синьхай гэмин юй чжунго линш чжи синьды чжуаньсян (Синьхайская революция и новый поворот в истории Китая), — сб. «Цзянь Бо-цзань. Чжунго ши лунь цзи» («Цзянь Бо-цзань. Сборник статей по истории Китая»), Чунцин, 1944, стр. 269—283.
214. Цзя Хун, Цзылихуй Тан Цай-чан дэн юй хуйданды гуаньси («Общество независимости» Тан Цай-чана и его связь с хуйданами), — «Лиши яньцзю», 1956, № 8, стр. 70.
215. Чжан Кай-юань, Учаш цин (Учанское восстание), Пекин, 1964, 117 стр.
216. Чжао Цзинь-юй, Гуаньюй Лунхуахуй чжанчэнды цигэ взньти (К вопросу об уставе общества «Лунхуахуй»), — «Гуанмин жибао», 3.VII.1963.
217. Чжу Лянь, Хунмынь чжи (Обозрение «Хунмынь»), Шанхай, 1947, 2, 4, 234 стр.
218. Чжунго цзиньдай ши цанькао тупань цзи (Сборник справочных иллюстраций по новой истории Китая), вып. 1, Пекин, 1953.
219. Чжэн Пэй-синь, Да чэн годы фань Цин цин (Антицинская борьба Государства великих свершений), — «Шисюе юекань», 1958, № 2, стр. 14—19.
220. Чэнь Гуй-цзун, Дунбэй ихэтуань юньдун чу тань (Попытка исследования движения ихэтуаней на Северо-Востоке), — «Шисюе цзикань», 1956, № 1, стр. 81—92.
221. Чэнь Си-ци, Тунмэнхуй чэнли цянды Сунь Чжун-шань

(Жизнь и деятельность Сунь Ят-сена до создания Тунмэнхуя), Гуанчжоу, 1957, 84 стр., 1 л. портр.

222. Шао Сюнь-чжэнь, Синьхай гэмни шини цзычань цзеци гэмни пай хэ пунминьды гуаньси ваньти (Связи буржуазных революционеров с крестьянством в период Синьхайской революции), — сб. «Синьхай гэмни ушн чжоуянь цзинянь луьлэнь цзи» («Пятидесятилетие Синьхайской революции»), т. 1, Пекин, 1962, стр. 99—113.
223. Ши Минь, Хэ Цзо-жэнь, И ба у сань пянды минь пань сяо даохуй цин (Восстание общества «Малых мечей» в 1853 г. на юге провинции Фуцзянь), — «Шинсюе юекань», 1959, № 9, стр. 18—23.
224. Юй Дэнь-хуань, Фань цинды бими цзешэ тяньдихуй («Тяньдихуй» — антиинокское тайное общество), — «Шинсюе юекань», 1957, № 4, стр. 33—37.
225. Ян Куань, Лунь байляньцзяоды тэдянь (К вопросу об особенностях «Байляньцзяо»), — «Гуанмин жибао», 15.III.1961.

На вьетнамском и японских языках

226. Нгуен Ван Бан, Разбойники Черные флаги (Nguễn Văn Bân, Giặc Cờ đen), 1941.
227. Чан Ван Зап, Лю Юн-фу, генерал Черных флагов (Trần Văn Giáp, Lưu Vĩnh Phúc, tù đọng cờ đen), Ханой, 1958.
228. Чан Ван Зау, Против захватчиков (Trần Văn Châu, Chống xâm lăng), Ханой, 1957.
229. Ядзава Тосихико, Тёко рюнки кёан-но косану (Отношение китайских официальных кругов к антииностранному выступлению в 1891 г.), — «Киндай Тюгоку кэнкю:», Дайтисю, Токио, 1958, стр. 107—136.

На западноевропейских языках

230. The Antiforeign riots in China in 1891, Shanghai, 1892, 304 p.
231. Bary, Theodore de, Sources of chinese tradition, vol. 2, New York, 1964, 322 p. with map.
232. Chan Hok-lam, The White Lotus-Maitreya. Doctrine and Popular Uprisings in Ming and Ch'ing China. — «Sinologica», 1969, vol. X, № 4, p. 211—231.
233. Chen J., The nature and characteristics of the Boxer movement, — «Bulletin of the School of Oriental and African Studies», London, 1960, vol. XXIII, pt 2, p. 289—308.
234. Chiang Siang-tseh, The Nian Rebellion, Seattle, 1954, 159 p.
235. A Chinese Secret Society: the rise and growth of the «Ch'ing Pang», — «China review», 1934, № 3, p. 35—37.
236. Chu, Yung-deh, Richard, An introductory study of the White Lotus sect in Chinese history with Special reference to peasant movements, 1967, 298 p. Thesis — Columbia University.
237. Comber L. F., Chinese secret societies in Malaya, A survey of the Triad Society from 1800—1900, New York, 1959, 324 p.
238. Curwen C. A., The Taiping revolution and secret societies, — «XVII International Congress of Chinese Studies», University of Leeds, 1965, Paper number 8, p. 1.
239. Dunstheimer G. G. H., Le Mouvement des Boxeurs: Documents et études publiés depuis la deuxième guerre mondiale, «Revue historique», № 470, Paris, Avril, 1964, p. 387—416.

240. Dunstheimer G. G. H., Religion et Magie dans le mouvement des Boxeurs d'après les textes chinois, — «T'oung Pao», 1957, vol. 47, livr. 3—5, p. 323—367.
241. Favre B., Les Sociétés de «frères jurés» en Chine. — «T'oung Pao», 1920, vol. 19, p. 1—40.
242. Freedman M., Immigrants and Associations among Chinese in the nineteenth century Singapore, — «Comparative Studies in Society and History», III, 1, 1960, p. 25—48.
243. Gutzlaff, The Triad Society, — «Transactions of the Royal Asiatic Society», VIII, p. 361—367.
244. Hail W. J., Tseng Kuo-fan and the Taiping rebellion with a short sketch of his later career. New Haven—London, 1927, 422 p.
246. Hsüeh Shün-tu, Huand Hsing and the Chinese revolution, Stanford, 1961, 260 p.
247. Hughes G., The Small Knife Rebels, an unpublished chapter of the Amoy history, — «Chinese Review», I, 1872—1873.
248. James F. H., The Secret Sects of Shantung, with Appendix, — «Records of the 1890 Missionary Conference», Shanghai, 1891, p. 196—202.
249. Keyte J. S., The passing of the dragon, London, 1925, VII, 338 p., 261 ill.
250. Korne de J. C., Sun Yat-sen and the Secret Societies, — «Pacific Affairs», 1934, vol. 7, № 4, p. 425—433.
251. Lust John., The Secret Societies during the Hsin-Hai Period, — «XVII International Congress of Chinese Studies», University of Leeds, 1965, Paper Number II, p. 1—3.
252. Milne., The Triad, — «Transactions of the Royal Asiatic Society of Great Britain», vol. 1, p. 240.
253. Morgan W. P., Triad Societies in Hong Kong. Hong Kong, 1960, 306 p., 12 ill.
254. Murry F., Les Khounkouzes, — «Le Correspondant», 1904, vol. 214, p. 1009—1024.
255. Newbold, Lieut T. J. and Wilson, Major-general F. W., The Chinese Secret Triad Society of the Tien-ti-huih, — «Journal of the Royal Asiatic Society», 1841, vol. VI, p. 120—158.
256. Palatre (Père), La magie et le Nénuphar Blanc en Chine, — «Mission Catholiques», 1878, p. 434—446, 446—458.
257. Porter D. H., Secret Societies in Shantung, — «Chinese Recorder», XVIII, January—February 1886, p. 1—10, 64—73.
258. Price M. T., Christian missions and oriental civilizations A study in culture contact, Shanghai, 1924, 578 p.
259. Purcell V., Sects and rebellions, — «The Boxer Uprising, a background study», Cambridge, 1963, 347 p., pp. 139—172.
260. Reid G., The sources of the anti-foreign disturbances in China; with a supplementary account of the uprising of 1900, Shanghai, 1903, 155 p.
261. The rise and growth of the «Ch'ing Pang», — «People's Tribune», 1934, vol. 7, p. 115—120.
262. Schlegel G., Secret Language of Triad Society, — «T'oung Pao», 1890, vol. II, Serie 1, p. 16.
263. Schlegel G., Thian ti hwui, 天地会 The Hung-league or Heaven-earth-league. A secret society with the Chinese in China and India. With an introduction and numerous cuts and illustrations, Batavia, 1866; Peprint ed. 1957, 253 p., ill., plates.

264. Scott G., Twenty-six years of missionary work in China, London, 1897.
265. Stanton W., The Triad Society or Heaven and Earth Association, Hong Kong, 1900, 124 p.; «The China review», vol. XXI—XXII, Hong Kong, 1896—1898.
266. Steiger G., China and the occident. The origin and development of the Boxer movement, London—New Haven, 1927, 349 p., 1 map., bibliogr.; p. 317—333.
267. Stirling W. G., The Red and White Flag Societies, — «Journal of the Malayan branch of the Royal Asiatic Society», 1926, vol. 4, pt I, p. 129—132.
268. Sun Yat-sen, Kidnapped in London. Bristol. T. W. Arrowsmith, (etc.), 1897, 134 p.
269. T'ang Leang-li, The inner history of the Chinese Revolution, New York, 1930, XVI, 391 p.
270. Teng Ssu-yu, The Nien Army and their Guerilla Warfare. 1851—1868, Paris—la Haye, 1964, 254 p.
271. Teng Ssu-yu, The problem of Taiping Connections with Secret Societies, — «New Light on the history of the Taiping Rebellion», ch. III, Cambridge, Mass., 1950, p. 24—27.
272. Teng S. Y., Dr. Sun Yat-sen and Chinese Secret Societies, — «Studies of Asia», 1963, University of Nebraska press, p. 81—99.
273. Tikhvinsky S., On the Influence of the Political Programme of the Chinese Secret Societies of Dr. Sun Yat-sen, — «XVII International Congress of Chinese Studies», University of Leeds, 1965, Paper A, p. 1—2.
274. Ward J. S. M. and Stirling W. G., The Hing society or the Society of Heaven and Earth, London, 1925—1926, vol. 3, ill., pl., facsim., diagrs.

Тайные общества в новейшее время

Источники

На русском языке

276. Ван Цзин-мин, История союзов: Красных пик, Желтого песка и Небесного учения в уезде Цысянь пров. Чжили, — «Материалы по китайскому вопросу», 1928, № 13, стр. 82—100.
277. Джофре С. С., Красные пики, — «Материалы по китайскому вопросу», 1927, № 3, стр. 66—70.
278. Общество «Красных пик» (сокращенно ОКП). Материалы Крестьянского отдела ЦК Гоминьдана (перевод с китайского), — «Материалы по китайскому вопросу», 1927, № 3, стр. 55—66.
279. Хэпальские «Красные пики» (Из дневника участника Хэпальского похода), — «Материалы по китайскому вопросу», 1928, № 10, стр. 167—175.

На китайском языке

280. Мао Цзэ-дун, Сувэйай чжун'ян чжэнфу дуй гэлаохуиды сюаньянь (Манифест Центрального советского правительства об обществе «Гэлаохуй»), — «Доучжэн», 12.VII.1936, стр. 3—5.
281. Чжуи Нун, Хунсянхуй (Красные пики), «Линго», 1926, № 11, стр. 10—16; № 12, стр. 19—21; № 16, стр. 14—17.

На русском языке

282. Альский, В. Китае, — «Красная новь», 1926, № 12, стр. 207—220.
283. Бакулин А. В., Записки об Уханьском периоде китайской революции (из истории китайской революции 1925—1927 гг.), М.—Л., 1930, 288 стр.
284. Вальден В., Крестьянское движение в Китае, — «Аграрные проблемы», 1927, кн. 1, стр. 31—43.
285. Варшавский А., Крестьянское движение в Китае, — «Ленинградская правда», 17.VII.1926.
286. Вишнякова-Акимова В. В., Два года в восставшем Китае. 1925—1927. Воспоминания, М., 1965, 390 стр.
287. Г. С. [Скалов Г.] Крестьянское восстание в Хэнане (Письмо из Китая), — «Новый Восток», 1926, № 13—14, стр. 1—16.
288. Иван А., Красные пики (Крестьянское движение в Китае), М.—Л., 1927, 157 стр.
289. Ли Да-чжао, Общества «Красные пики» в провинции Шаньдун, Хэнань, Шэньси, — «Ли Да-чжао, Избранные статьи и речи», М., 1965, стр. 283—292.
290. Общество «Великого волшебника», — «Бюллетень общества востоковедения», 1929, № 1—2, стр. 92—93.
291. Рой М. Н., Китайская революция и Коммунистический Интернационал. Сборник статей и материалов, М.—Л., 1929, 206 стр.
292. Фрейер Б., Новейшие этапы крестьянского движения в Китае, — «Аграрные проблемы», 1927, кн. 2, стр. 33—61.
293. Шэно, Жан, Китайское рабочее движение в 1919—1927 гг. Пер. с франц. Н. Б. Зубкова. Под ред. и с предисл. С. Л. Тихвинского, М., 1969, 502 стр. Библиогр.: стр. 495—499.

На китайском языке

294. Гу Хан, Хунхуцзыды шэнхо гуань (Из жизни хунхузов), — «Дунфан цзачжи», 1927, т. 24, № 13, стр. 73—76.
295. Ли Цзянь, Шаньдунды хунцянхуй (Шаньдунские «Красные пики»), — «Чжун'ян фукань», 1927, № 31.
296. Ли Ши-юй, Сяньдай хуа бэй бини цзунцзяо (Тайные общества и религии на севере Китая в настоящее время), Чэнду, 1948, 175 стр.
297. Нунцунь бини цзешэ вэньти (Вопрос о тайных обществах в деревне), — «Чжунго нунцунь», 1938, № 18, стр. 5—11.
298. Сун Чжун-кан, Фу Куан-лин, Сычуань гэлаохуй гайшань чжи шанцюе (Об эволюции общества «Гэлаохуй» в Сычуани), Чэнду, 1940, 26 стр.
299. Сян Юн-лун, Хунцянхуйды циюань цзи ци гайшань хоу (Истоки общества «Красных пики» и его эволюция), — «Дунфан цзачжи», 1927, т. 24, № 21, стр. 35—41.
300. Сяо Сян, Хэнань хунцянхуй бэй У Пэй-фу цзюньдуй тушачжи цань-чжуан (Расправа войск У Пэй-фу над «Красными пиками»), — «Сяндао чжоубао», 1926, № 158, стр. 1545—1546.
301. Фань Бай-чуань, Уса юньдун хоу фэйфа чжаньчжэн цянй сды нунминь юньдун (Крестьянское движение в Китае после «движения 30 мая» до начала Северного похода. Июнь 1925 г. — июль 1926 г.), — сб. «Ди цы гонэй гэмин чжаньчжэн

- ши лупь цзи» («Сборник статей о первой гражданской революционной войне»). Сост.: Лай Синь-ся и Вэй Хун-юн, Ухань, 1957, стр. 106—119.
302. Цзяньцзюе цюйти Игуаньдао (Решительно искореним «Игуаньдао»). Снань, 1951.
303. Ч ж а н Л и н ь, Яньли цюйти фаньдун хуйдаомынь (Непреклонно искоренять реакционные секты), — «Синьхуа юебао», 1950, т. 3, № 2(14), стр. 314—315.
304. Чжунго нунминь юньдун цзинькуан. Чжунго гоминьдан чжуи'ян чжисин вэйюашхуй нунминь бу бян (Современное положение крестьянского движения в Китае). Сост.: Отдел сельского хозяйства Исполкома Гоминьдана, [б. м.], 1926, 62 стр.
305. Ч ж у П о, Лоуванды фаньдун хуйдаомынь тоуцзыды синьньмоу (Новые коварные планы бежавших главарей реакционных сект), — «Синьхуа юебао», 1951, т. 4, № 2(20), стр. 266.
306. Чэнь Ду-сю, Хунцянхуй юй чжунгоды нунминь баодун («Красные пики» и крестьянское движение в Китае), — «Сяндао чжоубао», 1926, № 158, стр. 1543—1545.
307. Ш а Кэ, Игуаньдао чжэньсян (Правда об «Игуаньдао»), Шанхай, 1951.
308. Шэнь Лань-шэнь, Хунцянхуй чжи лилуи юй шицзи (Учение и деятельность общества «Красные пики»), — «Чжун'ян фукань», 1927, № 69.

На западноевропейских языках

309. Brace A. J., Some Secret Societies in Szechwan, — «Journal of the West Chinese Border Research Society», 1936, vol. 8, p. 177—180.
310. Burchett W. G., China verändert sich, Berlin, 1952, 445 S.
311. Deloussine L., Iguanlao Society, — «XVII International Congress of Chinese Studies», University of Leeds, 1965, Paper B, p. 1.
312. Geoffrey C. C., Red spears in China (Secret Society), — «Chinese students, monthly», 1927, vol. 22, pt 4, p. 27—29.
313. Grootaers W. A., — 寶道 A modern secret society with annotated bibliography, — «Folklore studies», Peking, 1946, vol. V, p. 316—352.
314. Grootaers W. A., La Voie de l'Unité foncière, Yi-Kouan-lao, — «Folklore Studies», Peking, 1947, vol. VI, p. 316—352.
315. Grootaers W. A., Une séance de spiritisme dans une religion secrète à Peking en 1948, — «Melanges chinoise et Bouddhiques», vol IX, Bruxelles, 1951, p. 92—98.
316. Initiation ceremonies of the «Red Spears» (Secret Society), — «People's Tribune», 1934, vol. 6, p. 147—151.
317. Isaacs Harold R., Gang Rule in Shanghai, — «Five Years of Kuomintang Reaction», Reprinted from the Special May Edition of the «China Forum», Shanghai, 1932.
318. Political implications of Chinese Secret Societies (U. S. Office of Strategic Services, Research Analysis Branch), Washington, 1945, 55 p.
319. Red Spears in China, — «China Weekly review», 1927, March 19, reproduced from the «China Student Monthly».
320. Smedley A., The Great Road. The Life and Times of Chu Teh, New York, 1956, 461 p., 1 portr.

321. Schram S., Mao Tse-toung. Textes trad. et présentés par S. Schram, Paris, 1963, 416 p.
322. Schram S. R., Mao Tse-tung and the secret Societies, — «XVII-th International Congress of Chinese Studies», University of Leeds, 1965, Paper Number 9, p. 1—2.
323. Wang Yu-chuang, The organisation of a typical guerrilla area in south Shantung. Reproduced in: «Carlson F. F. The Chinese Army, its organisation and military efficiency», New York, 1940, p. 84—130.

Газеты

На русском языке

324. «Новая жизнь», 15(28).IV.1914.

На китайском языке

326. «Гуанмин жибао», 1960 г. сентябрь, октябрь.
327. «Жэньминь жибао», декабрь 1950 г., апрель 1967 г.
328. «Напфан жибао», май 1953 г.
329. «Сычуань жибао», февраль — июнь 1951 г.

На западноевропейских языках

330. «The celestial Empire», 1902, 1908.

Журналы

На китайском языке

331. «Аньхуй шисюе тунсюнь», 1957 г.
332. «Дунфан цзачжи», 1906 г

На вьетнамском языке

333. Nghiên cứu lịch s'ử, 1962, № 34—42.

На западноевропейских языках

334. «Chinese recover and missionary journal», February 1890.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Е. Б. Поршпева. Верация «Байляньцзяо» как идеология восставшего крестьянства	6
Л. А. Боровкова. «Байляньцзяо» в XIV в.	28
Б. М. Новиков. Антиманьжурская пропаганда тайных обществ в Китае в первой половине XIX в.	38
В. П. Илюшечкин. Тайные общества и еретические секты в Китае в середине XIX в.	54
И. Д. Бакшт. Обзор дискуссии об отряде «Черных флагов» («Хэй цзи») на страницах вьетнамского исторического журнала	69
Н. М. Калюжная. О характере тайного союза «Ихэтуань»	85
Л. Н. Борох. Первые китайские революционеры и тайные общества	108
А. С. Костяева. Тайные союзы накануне Синьхайской ре- волюции	123
Ю. В. Чудодеев. Связи тайных союзов с буржуазным революционным движением в провинции Чжэцзян на- кануне Синьхайской революции	141
А. С. Костяева. Тайные союзы Севера в крестьянском движении 1926—1927 гг.	159
Л. П. Делюсин. Общество «Игуаньдао»	174
Библиография. Сост. Л. А. Кувшинникова	187

ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА В СТАРОМ КИТАЕ

*Утверждено к печати
Ученым советом Института востоковедения
Академии наук СССР*

Редакторы *О. Л. Горбунова и В. Б. Меньшиков*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Э. С. Теплякова*
Корректор *М. К. Киселева*

•

Сдано в набор 5/V 1970 г.
Подписано к печати 21/IX 1970 г.
А-01538. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага № 1
Печ. л. 6,5. Усл.-печ. л. 10,92. Уч.-изд. л. 11,94
Тираж 3000 экз. Изд. № 2486
Зак. № 623. Цена 75 коп.

•

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

В магазинах «Академкнига» имеются в наличии:

Акатова Т. Н. Сянган-Гуанчжоуская (Гонконг-Кантонская) забастовка. 1959. 151 стр. 48 коп.

Бокшанин А. А. Китай и страны Южных морей в XIV—XVI вв. 1968. 212 стр. 91 коп.

Восстание ихэтуаней. 1968. 276 стр. 91 коп.

Осетров А. С. Советский народ революционному Китаю. 1967. 94 стр. 30 коп.

Симоновская Л. В. Антифеодальная борьба китайских крестьян в XVII в. 1966. 342 стр. с карт. 1 р. 50 коп.

Чудодеев Ю. В. Накануне революции. 1911 г. в Китае. 1966. 200 стр. 71 коп.

Юрьев М. Ф. Революция 1925—1927 гг. в Китае. 1968. 191 стр. 80 коп.

Если Вы хотите приобрести книги изд-ва «Наука», заказы направляйте по адресам:

Москва В-463, Мичуринский просп., 12 (магазин № 3 «Книга — почтой»).

Ленинград, Петрозаводская ул., 7/а (магазин № 2 «Книга — почтой»).

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

Выйдут из печати:

Босворт К. Э. Мусульманские династии. 16 л.

Гузеватый Я. Н. Проблемы народонаселения и социально-экономическое развитие «третьего мира». 20 л.

Страны и народы Востока. Вып. X. Средняя и Центральная Азия. География, история, экономика. 20 л.

Страны и народы Востока. Вып. XI. Страны Дальнего Востока и Центральной Азии. 23 л.

Татаро-монголы в Азии и Европе. 30 л.
«Третий мир»: стратегия развития и управления экономикой. 30 л.

Фомин В. В. ЮНКТАД и торговля с «третьим миром». 6,5 л.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книоторгов, а также по адресу: Москва В-463, Мичуринский посп., 12 (магазин № 3 «Книга—почтой»)